

Прот. Сергей Четвериков

**МОЛДАВСКИЙ СТАРЕЦ
ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ
ЕГО ЖИЗНЬ, УЧЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ НА
ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Молдавский старец архимандрит Нямецкого монастыря в Молдавии иеросхимонах Паисий Величковский занимает в истории православного монашества и православной Церкви особое место.

В его лице удивительным образом сочетались святость личной жизни, любовь к просвещению, замечательная способность к устроению монашеского общежительного братства, умение привлечь к себе и духовно воспитать многочисленный сонм учеников, создать около себя большую школу православного духовного подвижничества и, наконец, большое литературное дарование, которое помогло ему совершить важное и необходимое дело — исправление старых переводов и новый перевод святоотеческой аскетической литературы.

По своему происхождению и по своей деятельности старец Паисий одновременно принадлежит двум поместным Церквям — русской и молдавской Уроженец Малороссии, он все свое раннее детство, школьные годы и первые годы юности провел в России, учился в Киевской Академии, странствовал по украинским монастырям в бесплодных поисках духовного руководства, будучи 20 лет перешел в Валахию и через 4 года ушел на Афон, где прожил 17 лет сперва в полном уединении, а затем во главе постепенно возраставшего братства, с которым потом переехал в Молдавию, где и оставался до конца жизни, все более и более углубляя и расширяя свою деятельность, свое духовное влияние и свою славу в православном и даже в неправославном мире. Его по всей справедливости можно назвать обновителем духовной жизни молдавляхийского и русского монашества. Он дал ясные определения основной цели и подготовил лиц, способных осуществлять эту цель при помощи указанных им средств. Своим примером, деятельностью и переводами старец Паисий вызвал огромное духовное движение в православном монашестве, особенно заметное в России, где оно охватило не только иноков, но и светское общество всех классов.

Нельзя правильно представить себе духовное состояние русского монашества и русского народа в XVIII и XIX вв., не учитывая духовного влияния старца Паисия и его учеников. Это влияние распространилось более, нежели в 100 обителях 35 епархий русской Церкви, при посредстве более 200 учеников старца и их преемников. Под его влиянием изменился облик русского монашества: возвысилось значение внутреннего духовного подвига, о характере которого можно судить по старчеству Оптиной Пустыни и по изображению его в русской литературе — «Братья Карамазовы». Знаменитейшие из русских писателей (Гоголь, И. В. Киреевский, Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев и др.) заметили это духовное движение в русском монашестве, изучали его и испытывали на себе его влияние.

Первое описание жизни и деятельности старца на русском языке было выпущено Оптиной Пустынью в 1847 году. Это был перевод жизнеописания старца, составленного его учеником иеросхимонахом Платоном.

В Молдавии первое жизнеописание старца Паисия было составлено его келейником Митрофаном, жившим при нем 30 лет. Оно было составлено спустя 20 лет по смерти старца на славянском языке. Следующее жизнеописание, на молдавском языке, очень обширное, было составлено Исааком. Григорий, будущий митрополит Молдавский, изложил молдавское житие старца Паисия в сокращенном виде. Наконец, Платон, воспользовавшись житиями Митрофана и Исаака, составил из них новое жизнеописание старца на славянском языке в 1836 году. Это сочинение выдержало несколько изданий и послужило материалом для ряда других жизнеописаний старца, выходивших в разное время на русском языке.

В 1913 году преосвященный Сильвестр, епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии, задумал издание Полтавско-Переяславского Патерики, куда должны были войти жизнеописания

многих подвижников, родившихся или проживавших в пределах Полтавского края. Жизнеописание старца Паисия Величковского, уроженца Полтавы, было поручено составителю настоящей книги. Благодаря содействию епископа Сильвестра, а также архиепископа Полтавского Феофана и Полтавского Свято-Макарьевского епархиального братства, мы имели возможность воспользоваться богатым рукописным материалом, хранившимся в библиотеках Петербургской Императорской Академии Наук и Петербургской Духовной Академии, в Московской синодальной (патриаршей) библиотеке, в Орловском епархиальном древлехранилище, в библиотеках Оптиной Пустыни и Ново-Нямецкого монастыря в Бесарабии.

Разразившаяся война и последовавшая за нею революция прекратили на время нашу работу. Она возобновилась в 1921 году в Югославии: вывезенные из России записки в тишине и уединении сербского церковного прихода были приведены в порядок. У нас было сильное желание посетить Румынию и местожительство старца Паисия — Нямецкий монастырь и собрать там дополнительные о нем сведения, но мы не имели возможности осуществить это желание. И только 10 лет спустя в 1931 году, благодаря неожиданно сложившимся счастливым обстоятельствам, нам пришлось побывать в Румынии, посетить связанные с именем старца Паисия древние обители — Нямец и Секул, ознакомиться с их библиотеками, побывать в Ново-Нямецком монастыре на Днестре, поработать в Бухаресте и собрать во всех этих местах дополнительные сведения о старце Паисии.

Мы приносим глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, которые всюду сочувственно, внимательно и предупредительно оказывали нам помощь в нашей работе. Мы сознаем недостатки нашей книги, писанной в неблагоприятных условиях эмигрантской жизни, и просим за них прощения.

Протоиерей Сергей Четвериков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ ДОМА И В ШКОЛЕ

(1722—1739)

«Ты еси терпение мое, Господи,
Господи, упование мое от юности моей...
от чрева матери моея Ты еси мой покровитель».
Псал. 70, 5—6.

Глава 1

РОДИНА СТАРЦА ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

Родиной старца Паисия Величковского была благословенная Украина. В начале XVIII века вся левобережная Украина представляла богатый и цветущий край. Ни казацкие войны XVII века, ни татарские набеги, ни нашествия шведов и другие бедствия не могли подорвать благосостояния этого края. Эти девственные еще тогда места славились здоровым воздухом, необычайным плодородием, изобилием и разнообразием даров Божиих. Население края было многочисленное и особенно стало возрастать во второй половине XVII века, когда жители правобережной Украины, разоряемые непрерывными войнами и притеснениями со стороны турок и поляков, толпами покидали старые гнезда и переходили на левый берег Днепра, на привольные степи Полтавщины и Харьковщины, образуя здесь поселения слободской Украины. По обширности свободного, никому не принадлежавшего земельного пространства, хлебопашцы не успевали обрабатывать полей. Много было у них и сенных покосов, и рыбных ловель, и фруктовых садов. Они промышляли пенькою, льном, табаком, медом, воском, шерстью, солью. По селам и хуторам можно было видеть много домашней птицы и свиней.

Но еще более, нежели зажиточность, обращают на себя внимание духовные свойства тогдашних малороссиян, их преданность Православию, любовь к просвещению, заботы о бедных. То было время особенного духовного подъема. Только что была пережита тяжелая двухвековая борьба за веру и народность, которым грозила опасность со стороны поляков, иезуитов и униатов. Эта борьба вызвала высокое одушевление в народе и выдвинула ряд деятелей, прославившихся святостью жизни, высоким образованием и любовью к родине. Народ сознательно жил своей верой, и весь быт его, простой и скромный, был обвеян духом родной православной церковности. Повсюду высились многочисленные храмы, отличавшиеся красотой архитектуры и художественным исполнением священных изображений. Мы до сих пор удивляемся изяществу, сложности и тонкости рисунка украинских иконостасов XVII и XVIII веков, красоте, богатству и прочности вышивки на церковных облачениях того времени. Прекрасное, стройное и умиленное пение было повсеместною принадлежностью тогдашнего богослужения. Благочестие малороссов не ограничивалось одной только любовью к церковному благолепию. Оно выражалось и в делах милосердия. Вынесенные за веру и родину страдания, и великое множество обездоленных располагали всех к щедрой благотворительности. В каждой деревне можно было видеть «шпитали», приюты для стариков и сирот, увешанные снаружи и внутри множеством икон. Сироты и вдовы, которых тогда вследствие непрерывных войн было особенного много, в каждом доме получали щедрую милостыню.

Замечательна была и любовь малороссов к просвещению. Почти все они, и даже большинство женщин, умели читать и знали порядок церковных служб и церковные напевы. Священники обучали сирот и не позволяли им шататься по улицам невеждами. После освобождения от поляков все с особенным усердием принялись учиться чтению и церковному пению. При каждой приходской церкви была школа. О школах много заботились приходские братства, возникавшие повсеместно для защиты православия и православного уклада жизни от натиска римского католичества и унии. Не только по городам и местечкам, но и по селам существовали те братства и объединяли православных людей в тесные и дружные союзы. Приходские братства имели свои приходские дома. Здесь происходили собрания братчиков, обсуждались приходские дела, хранилось братское имущество, совершался братский суд. В дни великих праздников в братских домах и дворах совершались так называемые «кануны», варился мед, и собранные при том деньги шли на содержание школ и «шпиталей».

В тогдашних школах не только обучались, но и проживали сироты и дети бедняков. Школа была нередко и приютом для странствующих учителей, «мандрованных дьяков» и «волочащихся чернецов». В школе проживали «выростки школьнии», или «молодики». «Выростки» не были учениками, но сами промышляли учительством, нередко они странствовали из одной школы в другую. Это были молодые люди, еще не избравшие окончательно своей профессии и по обычаю того времени переходившие с места на место «для повидания более света и людского обхождения». Одни из них со временем становились настоящими причетниками и даже священниками, другие переходили на писарские должности или занимались торговлею; иные уходили на Запорожье и т. д. Прихожане предоставляли этим странствующим песнопевцам и педагогам даровой приют в церковном доме с условием, чтоб они за то «услуживали» церкви Божией на клиросе. Сверх того они обязаны были заниматься обучением детей, за что родители последних давали им особое вознаграждение согласно условию, а церковные ктитории собирали в их пользу с прихожан подавание деньгами и припасами. Благодаря существованию приходских школ — приютов и заботливости духовенства и прихожан, иногда самые бедные и заброшенные дети получали достаточное образование и выходили, как говорится, в люди. При тогдашних особенных исторических условиях в украинском народе развивалась большая самостоятельность и независимость духа, и характеры людей были крепкие и упорные.

Во всех общественных делах и вопросах население принимало живое участие. До 1722 года даже епископы и сами киевские митрополиты выбирались вольными голосами духовенства, казачества и мещанства. В административном отношении левобережная Украина делилась тогда на 10 полков, центрами которых были полковые города. Кроме 10 полковых городов в левобережной Украине насчитывалось до 126 местечек и много сел, деревень и хуторов. Литературный, официальный, а отчасти и разговорный язык высших и образованных классов малороссийского общества того времени значительно разнился от современного нам языка и заключал в себе много слов и оборотов речи польских и латинских. Город Полтава, в котором родился старец Паисий, был одним из полковых городов левобережной Украины. 200 лет тому назад никто бы не узнал нынешней Полтавы. Это была небольшая крепость, расположенная на

южной окраине Малороссии, на рубеже необозримых степей, за которыми начинались татарские и турецкие земли. Стоя на краю высокого и обрывистого холма, откуда открывается чудный вид на реку Ворсклу и далекое Заворсклье, Полтава представляла все удобства к тому, чтобы быть передовым оплотом для защиты южнорусских поселений от набегов диких степных хищников. Выгодное сторожевое положение Полтавы с давних пор было оценено южнорусскими князьями, и уже в летописи XII века упоминают о ней как о сторожевом пограничном укреплении. В начале XVIII века Полтава занимала небольшую площадь, окруженную рвом с земляным валом и деревянным частоколом, с пятью бастиянами и пятью крепостными воротами. После Полтавской битвы полтавская крепость была приведена в порядок, и крепостные сооружения существовали до XIX века. Городские постройки не отличались ни значительными размерами, ни красотой. Даже много лет спустя современники описывали Полтаву, как небольшой городок с тысячью деревянных низких и чисто выбеленных домиков, из которых два или три каменных, не имеющих ни правильных улиц, ни порядочных строений.

Наилучшим украшением города были сады, в которых Полтава утопала. Среди зданий города выделялись храмы Божий, которых было не мало. Тогдашний Успенский собор был деревянный и стоял почти на том же месте, где потом стоял каменный, начало постройки, которого относится уже к 1748 году. Спасская церковь, стоявшая рядом с храмом Преображения Господня, ныне уже несуществующим, сохранялась в своем первоначальном виде и только была прикрыта каменным чехлом, для защиты от разрушающего влияния времени.

В этой церкви император Петр Великий после победы над шведами служил благодарственный молебен. На погосте Спасской церкви были похоронены многие защитники родины и города. В местности, именовавшейся Мазуровкою, в начале XVIII века существовал женский Покровский монастырь, основанный монахинями из Подолии и в 1721 году перенесенный в село Пушкаревку, в 4 верстах от Полтавы. Существовал тогда и мужской Крестовоздвиженский монастырь, красиво расположенный на вершине покрытой густым лесом горы, на расстоянии одной версты от города. Этот монастырь был основан в 1650 году при содействии полтавского полковника Мартыня Пушкаря в память победы, одержанной им над поляками. Главный храм монастыря, во имя Воздвижения Креста Господня, сооружен, как полагают одни, вскоре после полтавской победы полтавским полковником Кочубеем (сыном казненного Василия Леонтьевича Кочубея), по мнению других — самим Василием Леонтьевичем в конце XVII века.

Население Полтавы было незначительно — оно не превышало четырех тысяч человек. Но Полтава, как и теперь, была окружена многочисленными хуторами, селами и местечками. Занимая выгодное положение на перепутье между многими городами и государствами — Турцией, Крымом, Польшей, Москвой, Персией — Полтава вела оживленную торговлю. На ее две большие ярмарки съезжались купцы из Великороссии, Литвы, Польши, Крыма и Востока. Приезжали и книготорговцы из Киева и Нежина: значит, был спрос и на книгу. Не мало было тогда в Полтаве и евреев, занимавшихся торговлей и ремеслами. Они разъезжали по ярмаркам, торговали водкою. В родне самого старца Паисия, со стороны матери, были евреи, о чем он сам рассказывает в своих записках. Высшими и влиятельнейшими лицами в городе тогда считались: полковник, соборный протопоп, полковой судья, полковые есаулы, городской атаман и др.

Таков был тот край и тот город, где родился будущий старец Паисий. Еще в ранней юности он покинул эти места, но до конца жизни не забывал родной и горячо любимой Полтавы и Украины, сохранил свою украинскую речь и в своих письмах и сочинениях любил после своей подписи прибавлять слова «родимец полтавский».

Глава 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ. ДЕТСКИЕ ГОДЫ В РОДНОЙ СЕМЬЕ. ПОСТУПЛЕНИЕ В КИЕВСКУЮ АКАДЕМИЮ. ПОРЯДКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Старец Паисий родился в Полтаве и происходил из старинной благочестивой и всеми уважаемой малороссийской духовной семьи. Его отец, дед и прадед были полтавскими протопопами. По матери прадедом старца был некто Мандя, славный и богатый купец еврейский, принявший крещение со всеми своим домом. Бабка старца по матери, дочь выкрестившегося

еврея, поступила в монастырь и впоследствии была настоятельницей Покровского женского монастыря. В том же монастыре жила монахиней, и сестра его матери Агафья. Впоследствии и сама мать старца, овдовев и потеряв всех своих детей, приняла постриг в том же Покровском монастыре с именем Иулиании. Таким образом, весь род Величковских отличался особенной религиозностью. Вместе с тем он выдавался и своей даровитостью. Летописец Самуил Величко отзывается о деде старца, как о муже «благодати Божией и мудрости исполненном», и рассказывает, что его сын, отец старца, когда в 1687 году гетман Иоанн Самойлович, отправляясь в Крымский поход, проезжал через Полтаву, приветствовал его виршами «собственной композитуры». Известно также, что отец старца окончил курс Киевской братской коллегии.

Старец Паисий родился 21 декабря 1722 года, в день памяти святого митрополита Киевского Петра, почему и назван был Петром, его именем. Петр был одиннадцатым ребенком в семье. Моложе его был только брат Феодор, умерший семи лет от роду. Восприемником Петра при святом крещении был полтавский полковник Василий Васильевич Кочубей, относившийся к семье Величковских с большим расположением. Петру было четыре года, когда умер его отец и настоятелем собора сделался брат Петра Иоанн. Вскоре после этого Петра стали учить грамоте. Отданный матерью в школу, по всей вероятности церковную при соборе, Петр в продолжение двух лет с небольшим изучал букварь, часослов и Псалтирь, а письму учился у своего старшего брата-священника. Как только Петр научился читать, чтение сделалось его любимым занятием. Он перечитал все духовные книги, какие только находил в своем доме и в соборной библиотеке: все Священное Писание Ветхого и Нового Завета, жития святых, поучения святого Иоанна Златоустого и святого Ефрема Сирина и многие другие книги. Он был очень тихим, кротким, серьезным, молчаливым и глубоко религиозным мальчиком. Под влиянием же постоянного духовного чтения, особенно житий святых подвижников, он проникся особенно любовью к жизни монашеской. Благочестивый пример родной семьи, рассказы странников о святых местах, церковные службы поддерживали и усиливали у Петра это настроение. Он стал уединяться в своей комнате, отдаваясь, по его собственному выражению, «ненасытному чтению» книг и молитве. Его молчаливость была поразительна. Родные по целым дням не слышали от него ни одного слова. Он не был ни угрюм, ни уныл; напротив, радость и приветливость светились в лице его, но он был всецело погружен в свою внутреннюю жизнь, в свое сокровенное молитвенное пребывание с Богом. С людьми же, по выражению его жизнеописателя, он был «зело стыдлив и бездерзновенен», так что даже родная мать почти никогда не слышала его голоса. Когда по большим праздникам собирались у Величковских родственники с детьми, то ни дети не могли заставить его принять участие в играх, ни взрослые вызвать его на разговор подарками. Не добившись ответа у мальчика, они с удивлением спрашивали у матери: «Да он у вас не немой?» «Нет», — отвечала мать, — «мы и сами от него никогда ничего не слышим, разве только одно или два слова, а то все молчит».

Так прожил Петр дома до двенадцати лет. В это время умер его старший брат-священник, и матери хотелось по тогдашнему обычаю сохранить место священника при соборе за своим младшим сыном Петром. Ее желанию сочувствовали и полтавские жители. Заручившись письмами крестного отца Петра полковника Кочубея и других почетнейших граждан, мать вместе с сыном и его дядею, а своим братом, отправилась в Киев, к тогдашнему киевскому архиепископу Рафаилу Заборовскому, в ведении которого находилась в то время Полтава. Отправляясь в Киев, Петр, как тогда было принято, выучил некоторое стихотворение, которое должен был произнести перед архиепископом. Напрасно мать и дядя упрасивали Петра сказать им это стихотворение: он по своей застенчивости не решался на это. Когда же они приехали в Киев и явились к архиепископу, мальчик, к удивлению родных, без малейшей робости отчетливо и громко произнес стихи. Петр так понравился архиепископу, что он охотно исполнил просьбу матери и сказал Петру: «Быть тебе наследником». Тотчас же была приготовлена соответствующая грамота и было приказано принять мальчика в «Киевские братские училища». Обрадованная мать возвратилась с сыном в Полтаву, снарядила его в дорогу, и когда наступило время учебных занятий, снова отвезла его в Киев. Это было в 1735 году. Тогдашний Киев мало был похож на нынешний. Он ограничивался пределами старого Киева. Дома были низенькие, улицы немощенные. Между Лаврою и Подолом построек не было. Здесь тянулся сплошной лес. Знаменитая лаврская колокольня только что строилась. Церкви святого апостола Андрея Первозванного еще не было. Незадолго перед тем страшный пожар опустошил Киев. Большая часть лаврских зданий погибла в огне, и вместе с ними старинная весьма ценная библиотека, заключавшая в себе рукописи времен

Ярослава Мудрого. От этого пожара пострадал и братский Богоявленский монастырь с его Академией.

Опустошенные пожаром местности обстраивались медленно. Только в 1733 году архиепископ Рафаил украсил братский монастырь новым зданием — общежитием для беднейших учеников Академии и над каменным мазепинским корпусом выстроил второй этаж с огромною колоннадою тосканского ордена. В этом этаже была устроена академическая Благовещенская церковь. Современниками старца Паисия частью по обучению в Академии, частью по проживанию в Киеве были знаменитые впоследствии: Георгий Канисский, архиепископ Могилевский, Г. С. Сковорода, странствующий украинский философ, Симон Тодорский, архиепископ Псковский, языковед и законоучитель императрицы Екатерины Второй, Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и др. Застал Паисий в Киеве и будущего епископа белгородского Иосафа Горленко, в то время иеромонаха софийского митрополичьего дома, и Павла Конюсевича, впоследствии митрополита Тобольского, а в то время иеродиакона Киево-Печерской Лавры. Имена этих замечательных церковных деятелей и святых подвижников показывают, насколько и семейные, и бытовые, и школьные условия того времени благоприятствовали духовному воспитанию тогдашней православной молодежи.

Конечно, средоточием духовной жизни Киева, главным источником благочестия и христианского подвижничества были в то время Киево-Печерская Лавра, Михайловский монастырь с мощами великомученицы Варвары и другие обители, сиявшие многими подвижниками высокой жизни «Киевские братские училища», куда предписано было определить Петра, представляли в то время довольно сложное учебное заведение. Это было соединение низшей, средней и высшей школы, помещавшихся в ограде братского Богоявленского монастыря, под общим именем Киево-Могилянской, Богоявленско-братской Академии. Возникнув в конце XVI века в виде небольшой школы, имевшей целью давать первоначальное образование русским православным мальчикам, это учебное заведение, благодаря ряду щедрых жертвователей и заботливых покровителей постепенно превратилось в просветительное заведение самого высшего разряда. В 1633 году оно было преобразовано митрополитом Петром Могилою в коллегию, а в 1701 году грамотою императора Петра Великого в Академию. К началу XVIII века Академия была организована по образцу высших заграничных школ и стала рассадником высшего образования и питомником наставников славной России. Она выпускала из своих стен церковных деятелей, славных не только ученостью и талантами, но и святостью жизни, каковы были, например: Феодосий Черниговский, Димитрий, митрополит Ростовский, Иннокентий, епископ Иркутский, Иоанн, митрополит Тобольский, и др. Созданная трудами, заботами и средствами киевских митрополитов, щедрых благотворителей и всего, можно сказать, малорусского народа, видевших в ней оплот от натиска иезуитов и униатов, Киевская Академия того времени не была учреждением узкословным. Она широко раскрывала свои двери детям всех классов общества, духовным и светским, богатым и бедным, знатным и простым. Принимала и иноплеменников, но только православных. Еще Анна Гулевичева, завещая в 1615 году свое имение киевскому Братскому монастырю, писала в своем завещании, что она передает свое имущество под школу детей как дворянских, так и мещанских, православного вероисповедания, и с тех пор всесловный характер школы строго сохранялся, подтверждаемый неоднократно постановлениями братчиков, вкладчиков и киевских архипастырей. Как велико было число воспитанников Академии, можно видеть из следующих цифр: в 1715 году в ней воспитывалось 1100 воспитанников, в 1742 году — 1234, в 1744 — 1160, из которых 388 принадлежали к духовному званию, а 772 к дворянам и разночинцам. Учебное дело в Академии было поставлено следующим образом (архиепископом Рафаилом Заборовским в 1736 году была составлена особая «инструкция» для профессоров и студентов Академии. См. приложение 1-ое в конце книги): в четырех младших классах главное внимание обращалось на изучение языков: латинского, греческого, польского и славянского. Первый класс назывался «аналогия», или «фара». Второй класс назывался «инфима». В этих двух классах обучались чтению и письму на всех вышеупомянутых языках и занимались первоначальным грамматическим разбором. Следующие два класса носили название «грамматики» и «синтаксими». Как показывают самые названия, в этих классах входили в детальное изучение грамматики и синтаксиса. Кроме языков этих классов проходили катехизис, арифметику, нотное пение и музыку. Этими четырьмя классами заканчивалась низшая школа, и ученики переходили в среднюю. Средних классов было два: «пиитика» и «риторика». Курс обоих классов проходил в течение одного года. Из класса риторики ученики переходили в высшее отделение Академии, состоявшее из двух классов —

философии и богословия. Курс философии изучался два года, курс богословия четыре года. До перехода в философию учащиеся назывались учениками, по переходе в философию — получали название студентов. Во главе Академии стоял ректор (он же и настоятель братского Богоявленского монастыря). Ректор преподавал «богословию». Ближайшим помощником ректора был префект, преподававший философию. Каждый из остальных классов имел своего преподавателя, преподававшего в нем все предметы. При переходе из класса в класс учеников экзаменовал преподаватель того класса, в который ученики переходили. За поведением учеников следил суперинтендант. Его помощниками были визита-торы, посещавшие квартиры учеников, живших вне братского монастыря, сениоры, старшие в ученических общежитиях, и цензоры, следившие за поведением учеников в церкви. В классе ученики занимали места по успехам. Кто учился лучше, сидел впереди. Кто учился хуже, того отсаживали назад. Богатство и знатность не имели в школе значения: все ученики были равны и различались только способностями и прилежанием. Классы были очень многочисленны. Для облегчения труда преподавателя выбирались наиболее прилежные ученики, которым, поручалось наблюдение и надзор за успехами их товарищей и которые обязаны были перед началом урока проверять их познания. Эти старшие ученики назывались аудиторами. Выслушав каждого из порученных им товарищей, они под личной ответственностью отмечали на особом листе его знания и незнание и представляли этот лист учителю. Всякое послабление со стороны аудитора строго наказывалось: виновный лишался аудиторского звания, а иногда подвергался и телесному наказанию. На каждую неделю назначались по порядку 4 дежурных, из которых двое должны были записывать тех, кто плохо стоял в церкви или вел себя неприлично на улице и вообще в чем-либо был неисправным. Другие два должны были пораньше прийти в школу, подмести пол, затопить печку и сидеть у двери, записывая тех, кто поздно приходил в школу. Особенное внимание обращалось на изучение латинского языка. Воспитанники всех младших классов обязаны были говорить между собою непременно по-латыни. Нарушавшие это правило подвергались штрафу. Для возбуждения большого интереса к занятиям практиковались разного рода соревнования. В младших классах допускалось состязание в домашних письменных работах. Ученик писал на своей тетради имя того товарища, с которым желал вступить в состязание или которого считал несправедливо аттестованным выше себя. Если претендент оказывался правым в своем притязании и одерживал победу, он получал требуемое. Если же терпел поражение, то подвергался наказанию по усмотрению соперника. В высших классах, начиная с философии, экзаменов не было. Вместо экзаменов здесь практиковались диспуты. Диспуты были еженедельные, домашние, без посторонней публики. Сам профессор становился иногда в положение дефендента, позволяя каждому из студентов возражать против уроков, прочитанных им в течение недели. Иногда же в присутствии или при участии профессора воспитанники вступали в диспут друг с другом по поводу того или другого вопроса, затронутого профессором.

Особенною торжественностью отличались годовичные диспуты. Председательствовал на них сам митрополит, присутствовали на них знатнейшие лица города. Приводим интересное описание одного из таких диспутов, происходившего в сороковых годах XVIII столетия, т. е. почти в то самое время, когда в Академии учился П. Величковский.

«В день, назначенный для диспута, все знатнейшие сановники Киева и все окрестные помещики, съехавшиеся в город для того торжества, отправились рано утром в Лавру, где еще с вечера находился митрополит. Часов в девять утра из Лавры тронулся торжественный поезд по направлению к Подолу. Митрополит ехал в карете, запряженной восьмеркой лошадей. Поезд был так длинен, что когда голова его показалась на спуске Александровской горы, то хвост еще находился около Лавры. В эту минуту на всех колокольнях Подола раздался колокольный звон и карета митрополита медленно приблизилась к Братскому монастырю, окруженному цеховыми значками и бесчисленным множеством народа, занимавшему всю площадь и академический двор. На больших воротах Братского монастыря красовался большой, вычурно разукрашенный лист, извещавший Киевлян о времени и предмете ученого диспута. Как только карета митрополита остановилась у Святых ворот, звон на братской колокольне прекратился и тотчас же умолк звон и по всем остальным церквам. Но в тот же самый момент раздался громкий концерт двух академических хоров, расположившихся в Святых воротах монастыря, и один из студентов приветствовал митрополита речью. Митрополит следовал в залу, предшествуемый певчими, а на обширной галерее главного корпуса академический оркестр гремел встречный марш. Когда митрополит дошел до середины залы, музыка смолкла и певчие, уже поместившиеся на хорах, запели: «Царю Небесный». Вслед за тем начались приветствия на разных языках в стихах и прозе,

а между тем постепенно прибывали остальные участники торжества и наполняли залу. Когда митрополит и знатнейшие гости заняли свои места, префект поднес им разрисованные тезисы предстоящего диспута. Вот некоторые из этих тезисов. По философии: «Цель философии — доставление человеку возможного счастья на земле, познание истины и усовершенствование человека в добродетели». По логике: «Предмет логики — существенный: настроить деятельность рассудка; формальный: излагать к тому известные формы». По этике: а) «Этика — есть наука, которая имеет предметом своим деятельность воли, направленной к нравственному добру», б) «Дикие звери не действуют с определенной целью», в) «Кто выходит на дуэль, тот не доказывает этим никакой доблести», г) «Нет никакой знакомой причины, по которой бы человек мог лишиться себя жизни». По физике: «Разумная душа творится и входит в человека от самого Бога и по существу своему бессмертна». По метафизике: а) «Метафизика есть наука, предметом которой служит естество, чуждое всего материального», б) «Бог есть существо, существующее само по себе: но бытие Его усматривается из явлений».

Эти тезисы, гласила программа, под руководством профессора Казачинского, в Киевской православной Могило-Заборовской Академии будет защищать А.А.З.З., а возражать будет один из отличнейших слушателей философии Василий Думницкий. Ввиду обширности программы она не могла быть выполнена целиком и по указанию митрополита было выбрано несколько тезисов. В промежутках между прениями певчие пели концерты и канты, оркестр играл разные пьесы, а ученики низших и средних классов произносили диалоги и стихи. По окончании диспута митрополит и почетнейшие гости удалились в покои ректора Академии, где им предложено было угощение».

Все воспитанники Академии делились на две группы. Меньшая проживала в общежитии при Академии, большая, к которой принадлежал и Величковский, жила по квартирам вне Академии. Воспитанники этой категории большей частью ютились по школам, при приходских храмах. Находясь под наблюдением приходских священников, они помимо своих прямых учебных занятий, обязаны были приучаться к чтению и пению в церкви. Назначенный в каждое такое школьное общежитие сениор ежедневно наряжал в церковь двух учеников по очереди, а где их бывало много, там и трех, и четырех, для чтения Псалтири, канонов и для пения. В праздничные же дни все живущие в школе воспитанники обязаны были присутствовать в своей приходской церкви, а способные петь на клиросе. За этот труд школьники получали от церкви отопление и денежную плату, впрочем, очень скудную. Сохранилась следующая запись в одной из приходских церквей: «Дано школярам «праздничкового» на Покров две копейки, в первый день Пасхи дано в школу школярам ради праздника две копейки».

Ввиду крайней бедности многие школьники в дни великих праздников ходили по домам за сбором подаяния. Жили школяры очень тесно. Иногда им приходилось тесниться в одной комнате вместе с семьей причетника и его учениками из обывательских детей, и тогда только один стол был неприкосновенною собственностью школяров. Неудивительно, что при такой тесноте между школьниками и их хозяевами происходило немало неприятных, а иногда и смешных недоразумений. Но все переносили школяры, лишь бы только не утратить звания воспитанников Академии. В каникулярное время, а иногда и в учебное, академисты расходились на кондичии чуть ли не по всей Малороссии, продолжая числиться воспитанниками Академии. Иные из школяров добывали себе средства пропитания распеванием духовных стихов. Каждый день в обеденное время они ходили по киевским улицам и пред каждым домом у окна или у ворот пели гимны, прося милостыни.

По вечерам они собирались на площади перед собранием торговцев, остававшихся на ночлег около своих лавок, и распевали партесные канты в честь святых угодников или чудотворных икон, особенно в честь Божией Матери. Музыка и слова этих кантов всегда были сочинением самих студентов. С наступлением летних каникул, когда одни из питомцев Академии отправлялись под кров своих родителей и родственников, а бездомные и бесприютные соединялись в странствующие трупы с целью как-нибудь пропитаться до начала учения, эти гимны и канты раздавались по селам и полям всей Украины.

Еще при митрополите Петре Могиле в первой половине XVII века воспитанники коллегии сочиняли и исполняли в лицах драматические представления, изображавшие библейские события. В составлении таких духовных пьес немало потрудился и св. Димитрий, будущий митрополит Ростовский. Местом представления обычно служила академическая зала, а иногда открытая поляна в какой-нибудь роще, куда во время так называемых «рекреаций», бывавших раза три в году, отправлялись вместе и учащие, и учащиеся.

С особенной торжественностью справлялись в Академии некоторые праздники и знаменательные дни. Так, в Вербную субботу все воспитанники Академии вместе с начальством собирались перед вечерней в ограду Софийского собора. Получив благословение митрополита, они с пением стихиры «Днесь благодать Святаго Духа нас собра», с вербами в руках направлялись в Подол, где в великой церкви братского монастыря отправляема была вечерня и говорилось поучение. В большие академические праздники воспитанники стояли за богослужением со свечами в руках, участвуя в большом херувимском выходе. В крестных ходах при погребальных процессиях воспитанники шли по классам, причем на фланге каждого класса шел знаменосец, в руках которого был значок на древке с изображением Спасителя и Божией Матери в звездах.

В заключение этого краткого очерка академической жизни опишем внешний вид тогдашнего студента Академии. Верхнюю одежду студента составляла «кирея», род шинели без капюшона, с откидными рукавами, стиравшаяся до пят. Летом она бывала у богатых из шелковой материи, а у бедных из китайки, а зимою из сукна и по краям обшивалась красным или желтым шнурком в узор. В зимнюю пору под кирею надевали овчинный кожан, подпоясываемый шелковым или шерстяным кушаком, а в летнюю короткий кафтан из какой-нибудь материи, до верха застегиваемый металлическими пуговицами. Штаны у щеголей были красные или голубые, чрезвычайной ширины. Шапка делалась из смушек с каким-нибудь цветным верхом. Сапоги бывали тоже разных цветов: щеголи носили красные или желтые с отворотами, на высоких каблуках, со звенящими подковами.

Таковы были те киевские братские училища, куда привезла Петра Величковского его мать к началу 1735-36 учебного года. Это была школа, единственная не только во всей Украине, но и во всей России, не уступавшая по высоте образования лучшим заграничным школам и вместе с тем школа народная, строго православная, истинный народный и православный университет, предмет утешения и гордости украинского народа.

Понятно, что вступить в такую школу было заветною мечтою и счастьем каждого даровитого и любознательного малороссийского юноши того времени.

Глава 3

ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИЧКОВСКОГО В КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ВЛЕЧЕНИЕ К МОНАШЕСТВУ. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ПОСТУПИТЬ В КИТАЕВСКИЙ СКИТ. ОБЪЯСНЕНИЕ С ПРЕФЕКТОМ АКАДЕМИИ. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ С МАТЕРЬЮ. БЕГСТВО ОТ МИРА

Однако не учебные занятия, не академические празднества, не веселая товарищеская жизнь привлекли к себе сердце молодого Величковского. Его сердцем всецело завладели благолепные храмы, святые обители, безмолвные пещеры и уединенные беседы с друзьями о страннической жизни. В первые свои школьные года Величковский учился добросовестно и ежегодно переводился из класса в класс, но в глубине его души происходила особая внутренняя работа, особые решения созревали в ней. В ней крепло молитвенное общение с Богом, утверждалась мысль о полном посвящении себя Богу, о совершенном отречении от мира. Уже в это время он установил для себя следующие три правила: 1) ближнего своего не осуждать, хотя бы собственными глазами видел его согрешающим, 2) ни к кому не иметь ненависти и 3) от всего сердца прощать обиды. Присмотревшись к своим товарищам, Петр нашел среди них друзей, разделявших его мысли. Они часто собирались вместе в каком-нибудь незаметном уголке и целые ночи до звона заутрени проводили в задушевных разговорах, собираясь вместе покинуть мир и сделаться странниками. Они давали друг другу клятву не постригаться и не жить в богатых монастырях, где невозможно подражать нищете Христовой, и жить во всякой тесноте и злострадании. Лучше, говорили они друг другу, оставаться в миру, нежели, отрекшись для вида от мирских благ, проводить в монастыре жизнь беззаботную и широкую — на соблазн мирянам, на поругание монашеского чина и на вечное осуждение своих душ в день суда Божьего. «Здесь же в монастыре нашелся и первый духовный наставник Петра — благочестивый иеросхимонах Пахомий, много лет проведенный в странствовании и пустыне. Петр любил слушать его рассказы о его странствованиях, о трудностях отшельнической жизни и вместе с тем об удобствах

пустынножительства для безмолвного, молитвенного пребывания с Богом. Пахомий снабжал Петра книгами духовного содержания, от чтения которых еще более укреплялось в нем молитвенное монашеское настроение.

Летом, с 15 июля по 15 сентября, Петр приезжал в родную Полтаву, продолжал жить и здесь своею особенною духовною жизнью. Уже в это время он усвоил себе привычку делать выписки наиболее замечательных мест из читаемых книг.

Когда наступила третья зима пребывания Величковского в Академии, усердие его к школьным занятиям стало все более и более ослабевать, а желание монашества превозмогать. Особое событие еще более повлияло на него в этом направлении. В один день из школы исчезли два его друга. Раздумывая о том, куда они могли уйти, Петр решил, что они ушли в монастырь и находятся, по всей вероятности, в Китаевском скиту Киево-Печерской Лавры. Он решил отыскать их. Выбрав удобное время, он потихоньку от начальства отправился в Китаевский скит. Его друзья действительно оказались там. Они очень обрадовались ему, накормили его и после вечерней службы вместе с ним и с другими послушниками занялись чтением книги святого Ефрема Сирина. После продолжительного чтения они простились друг с другом, оставив Петра ночевать в трапезной. На следующий день после литургии Величковский был приглашен начальником скита разделить с братией общую трапезу. Царившее в трапезе благоговейное молчание, внимательное слушание установленного чтения произвели на Петра глубокое впечатление: ему казалось, что он сидит среди ангелов Божиих, находится не на земле, а на небе. После трапезы друзья Петра снова долго беседовали с ним и уговаривали его остаться с ними в обители. Он и сам готов был сделать это, но боялся матери, которая, как он хорошо знал, ни за что не согласится на поступление его в монастырь и возьмет его оттуда силою. На третий день, простившись со своими друзьями, Петр возвратился в город. Трехдневное пребывание в скиту среди своих бывших школьных товарищей еще более укрепило Петра в намерении отречься от мира. Когда наступило лето 1738 года, он не поехал домой, а остался в Киеве с целью посещать киевские святыни и искать удобного случая осуществить свое желание. В это время он жил на Подоле, около церкви святителя Николая Доброго, у одной старой вдовы, которая любила его и заботилась о нем, как о родном сыне. Пользуясь каникулярною свободой, Величковский усердно посещал все церковные службы. Любил он бывать в Софийском соборе и молиться у мощей святителя Макария, часто бывал в Михайловском монастыре у святой великомученицы Варвары. Но самым любимым местом Петра была Киево-Печерская Лавра. Туда он ходил чаще всего по воскресеньям и праздничным дням слушать раннюю и позднюю литургию. Иногда он приходил и по вечерам и вместе со странниками ночевал в ближних пещерах, около церкви, или оставался на ночь в самой Лавре около колокольни до самого звона церковного. Стоя в церкви и видя вокруг себя множество иноков, он, по его собственным словам, умилялся и радовался, как бы видя перед собою самих печерских угодников, и прославлял Бога за то, что Он удостоил его быть в таком святом месте. По окончании службы в Великой Церкви, он ходил с богомольцами по пещерам и наслаждался царившим там безмолвием и тишиною, как невозможно и представить на верху земли. Его сердце горело желанием навсегда остаться на этом святом месте, но, вспоминая свою мать, он сознавал, что не в Киеве предстоит ему исполнить свое желание. Так незаметно проходило лето, и Петру захотелось еще раз побывать в Китаеве. Ему вспоминались бледные, изможденные лица тамошних иноков и необыкновенная красота пения, так как в Китаеве не только ирмосы и стихиры, но и «Господи помилуй», и «Подай, Господи», и «Аминь» пели с таким сладостным умилением и тихостью, что и самое жесткое и упорное сердце, как казалось ему, должно было смягчиться и облиться слезами умиления от этих напевов. Самое местоположение Китаева, его скромная деревянная, крестообразная церковь во имя великого пустынножителя Преподобного Сергия Радонежского, украшенная изображениями Преподобных Отцов Великороссийских, глубокая тишина и безмолвие места — все невольно располагало к молитве и умиротворяло душу. У Петра явилась радостная надежда, что, может быть, на этот раз ему удастся поступить сюда, а мать умиосердится и разрешит ему там остаться. И вот он вторично переступает порог святой обители. Войдя в ограду, он с трепетом и радостью увидел, прежде всего, самого начальника скита, стоявшего около церкви; Петр подошел к нему и, поклонившись ему до земли, просил благословения навсегда остаться в обители. Начальник повел его в свою келью. Здесь Петр еще раз поклонился ему и смиренно стал у двери. Начальник пригласил его сесть около себя. Петр, по его словам, ужаснулся от этого предложения и, поклонившись еще раз, остался на своем месте; начальник во второй и в третий раз приказывал Петру садиться, но тот только кланялся и не двигался с места. Тогда начальник сказал: «Ты просишь принять тебя в нашу обитель. Но я вижу,

что в тебе нет даже и следа монашеского смирения, послушания и отсечения своей воли. Я три раза приказывал тебе сесть около меня, и ты не послушал, а должен был по первому моему слову исполнить мое приказание. Как же ты, не имея послушания, осмеливаешься просить меня принять тебя в обитель? Кто не имеет послушания, тот недостоин монашеского образа». Заметив, что его слова сильно расстроили Величковского, начальник заговорил более мягко: «Чадое мое, любезное! Знай, что я подверг тебя испытанию для того, чтобы ты до конца дней своих не забывал, что начало и корень и основание истинного монашества заключаются в послушании и отсечении своей воли. И все желающие оставить мир и все, что в мире, должны оставить и свою волю, и рассуждение и во всем повиноваться по Богу своему наставнику. Не смущайся же испытанием, которому я подверг тебя и не малодушествуй, так как ты не из упрямства не послушал меня. А потому Бог да простит тебя, чадое, и я грешный прощаю!» После этого начальник стал расспрашивать Петра, откуда он родом, чей он сын и не препятствуют ли ему родные поступить в монастырь. Когда Петр чистосердечно рассказал ему все свои обстоятельства, начальник сказал: «Чадое мое, хотя ты и просишь принять тебя в нашу обитель, но я по рассказу твоему не могу этого сделать, чтобы не вышло неприятностей и нам, и тебе, так как твоя мать, узнав о твоём местопребывании, легко может взять тебя отсюда при содействии начальства. Не скорби, но возложи всю свою надежду на Бога. Поверь мне, что всемогущий Бог не оставит тебя и поможет тебе исполнить твое желание».

С этими словами старец благословил Петра и отпустил его из обители.

Наступил сентябрь, и возобновились академические занятия. Петр был уже в классе риторики, но учебными делами почти не занимался. В это время, к заключению мира с турками, приехал в Киев молдавский митрополит Антоний и был радушно принят архиепископом Рафаилом. Будучи в Братском монастыре, митрополит Антоний увидел знакомого ему иеросхимонаха Пахомия и с разрешения архиепископа взял его в свои покои. Часто посещая своего духовного наставника, Петр имел случай не раз получать благословение молдавского митрополита. Ему очень нравилось совершение Антонием литургии на молдавском языке, и с тех пор в нем возникла, по его словам, любовь к молдавскому языку и к молдавскому народу. Между тем в конце января один ученик, земляк Петра, заметив, что тот совсем перестал учиться, пошел к префекту, которым тогда был Сильвестр Куллока, и донес ему, что Величковский совсем не учится и его мать напрасно на него тратится. Префект тотчас же послал двух учеников за Величковским, и когда они привели его, префект строго спросил его, почему он не учится. Петр, хотя всегда был робким и застенчивым, на этот раз с непонятною для самого себя смелостью отвечал: «Первая причина та, что, имея твердое намерение стать монахом и сознавая неизвестность смертного часа, хочу как можно скорее принять постриг. Вторая причина та, что от внешнего учения я не вижу никакой пользы для своей души: слышу одни только имена языческих богов и мудрецов — Цицерона, Аристотеля, Платона... Учась у них мудрости, современные люди до конца ослепились и отступили от правого пути: слова умные произносят, а внутри полны мрака и тьмы, и вся мудрость их только на земле. Не видя пользы от такого учения и опасаясь, как бы мне и самому от него не развратиться, я и оставил его. Наконец, третья причина следующая: рассматривая плоды этого учения в духовных лицах монашеского чина, я замечаю, что они, подобно мирским сановникам, живут в великой чести и славе, украшаются дорогими одеждами, разъезжают на великолепных лошадях и в прекрасных экипажах (не в осуждение им говорю, да не будет!). Я боюсь и трепещу, как бы и самому, научившись внешней мудрости и ставши монахом, не впасть в еще худшие немощи. Вот по всем этим причинам я и оставил внешнее учение».

Со вниманием выслушав слова молодого ратора, Сильвестр ответил ему пространною речью, в которой объяснил ему его невежество. Он указал ему, что и внешнее учение имеет великую пользу, и если он этого не сознает, в этом нет ничего удивительного, так как он еще едва лишь прикоснулся к этому учению, что величайшие отцы церкви, св. Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст усердно изучали языческих поэтов, и мудрецов и эта внешняя мудрость не может помешать ему стать истинным монахом, как она не помешала тем же великим отцам стать светильниками православия и истинными служителями Христа. Замечая, однако, что его слова не производят на Величковского должного впечатления, Сильвестр рассердился и пригрозил ему за непослушание беспощадным телесным наказанием.

Наступили каникулы. Петр отправился к матери в Полтаву, где он не был уже два года. Это было последнее лето, которое он провел на родине. Он твердо решил не возвращаться в Академию и начать странническую жизнь. Грустно было ему расставаться с родными, с привычными и любимыми местами. Но всего тяжелее была ему предстоящая разлука с матерью. Он знал ее

мысли и планы и понимал, каким тяжким ударом будет для нее его уход от мира. И ему хотелось как-нибудь подготовить ее к этому событию. Но едва только Петр со всею осторожностью заговорил с матерью о своем намерении, великая скорбь и печаль охватили ее душу. Она с горькими слезами стала убеждать его не покидать ее. Он старался успокоить ее и утешить, умоляя не скорбеть, а радоваться тому, что Господь внушил ему такое намерение. Но, видя, что его слова не достигают цели, и что мать предается все большей и большей печали, Петр рассказал об этом своему духовному отцу, который посоветовал ему не настаивать в своем желании. Тогда Петр заговорил с матерью по-другому. Он сказал ей, что ему действительно необходимо сначала окончить школу и тогда уже избрать свой дальнейший путь. От этих слов мать повеселела и стала надеяться, что он изменит свое решение. У Петра был друг в Полтаве — Димитрий. Они оба держались одинаковых мыслей и решили вместе уйти не только из родной Полтавы, но и из пределов отечества.

Когда каникулы стали приходить к концу, Петр и Димитрий условились вместе ехать в Киев будто бы для учения, а на самом деле с целью оттуда уйти за границу. Но в это время Петр заболел и не мог уехать вместе с Димитрием. Друг же его отправился в Киев и должен был подготовить там все для их бегства. Когда Петр выздоровел, мать, снарядив его в дорогу, отправилась вместе с ним проводить его до Решетиловки, местечке в 36 верстах от Полтавы. В Решетиловке мать и сын переночевали, и мать еще немного проводила его и остановившись, как бы чувствуя, что сын уходит от нее навсегда и что она никогда уже не увидит его в этой жизни, горько заплакала и еще раз просила не покидать ее, учиться прилежно и каждое лето приезжать в Полтаву, чтобы она могла видаться с ним. Петр, сознавая, что он навсегда расстанется с матерью, так же заплакал и упав к ногам ее, просил ее материнского прощения и благословения, многократно со слезами целуя ее руку. Наконец они расстались. Мать вернулась в Полтаву, а Петр отправился в Киев. Он ощущал в себе двойное чувство: с одной стороны, глубокую скорбь о покинутой матери, с другой — радостное сознание своего освобождения от уз мира. Подвигаясь к Киеву, он вдруг к величайшему своему изумлению и испугу увидел перед собою своего друга Димитрия, который возвращался из Киева в Полтаву. Отведя Димитрия в сторону, Петр спросил его, что заставило его возвращаться в Полтаву. Димитрий сказал, что, приехав в Киев и прожив там несколько дней, он не знал, что ему делать дальше, и решил вернуться в Полтаву к своему другу. На это Петр сказал ему: «Тебе следовало подождать моего прибытия в Киев, но так как ты этого не сделал, а теперь Господь помог нам встретиться с тобою, то бери поскорее свои вещи и поедем со мною обратно в Киев, чтобы там вместе устроить наше дело». На что Димитрий ответил: «Так как мы находимся недалеко от нашего родного города, то позволь мне съездить туда — проститься с матерью и получить ее последнее благословение. Затем я тотчас же приеду к тебе в Киев и, может быть, даже нагоню тебя в дороге». Услышав этот ответ, Петр содрогнулся и подумал: «Как сильна в людях привязанность к родителям и к миру сему!» И он стал усердно просить своего друга не оставлять его и не ездить в Полтаву. Но, видя, что Димитрий упорно стоит на своем, Петр с горечью сказал: «Я вижу, друг мой, что в твоей душе угасла ревность Божия, и ты возлюбил мать и мир больше Христа! Свяжет же тебя этот мир так, что потом, хотя ты и раскаешься и захочешь уйти от него, ты уже не сможешь того сделать, возьмешь себе жену, будешь оплетен заботою о ней и детях и окончишь жизнь свою в миру». На это Димитрий отвечал: «Кто меня удержит в миру, если я хочу быть монахом? Я охотнее претерплю самую смерть, нежели покорюсь тем, кто станет мне мешать исполнить мое желание. Да у меня и нет таких людей, как ты и сам знаешь. Итак поверь мне, что я только возьму благословение у матери и сейчас же возвращусь к тебе!». Тогда Петр вновь сказал: «Пусть будет и так, что никто не держит тебя в миру, а я все-таки скажу тебе, что и без всякого принуждения тайная любовь к миру, которой ты в себе не сознаешь, удержит тебя в нем навсегда. И поверь мне, что уже никогда не увидишь ты меня в этой жизни. Поэтому я не буду ожидать тебя и один пойду в путь мой, куда направит меня Господь Христос, мой Спаситель». Друзья поцеловались и расстались. Петр продолжал свой путь в Киев, скорбя о том, что завистливый мир похитил у него любимого друга.

По приезде в Киев Петр отпустил своего возницу, написав матери письмо, что Божией помощью и ее святыми молитвами он прибыл в Киев благополучно. Затем он стал обдумывать, что ему предпринять и куда направить свои дальнейшие шаги. В жизни Петра совершился первый, решительный перелом, — кончилось беззаботное детство, спокойная жизнь под крылом матери и школы. Отныне он вступает на самостоятельный жизненный путь. Отдавшись внутреннему внушению сердца, он порвал все самые крепкие узы мира и стоял одиноко среди беспредельной

пустыни мира, перед лицом невидимого Бога, возлагая на Него всю свою надежду и к Нему одному прилепляясь всею душою. В это время ему было без трех месяцев семнадцать лет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОДЫ СТРАННИЧЕСТВА — В ПОИСКАХ ДУХОВНОГО РУКОВОДСТВА

(1739—1746)

«Проидохом сквозь огонь и воду, и
извел еси нас в покой».

Псал. 65, 12

Глава 1

НАЧАЛО СТРАНСТВОВАНИЯ. ПРИБЫТИЕ В ЧЕРНИГОВ. ЖИЗНЬ В ЛЮБЕЧСКОМ МОНАСТЫРЕ. ПЕРВОЕ ИСКУШЕНИЕ. БЕГСТВО В ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ

Оставляя родной дом, Академию, родину, спокойную и обеспеченную жизнь, обрекая себя на нищету и странничество, юный Петр ясно сознавал, что он делает. Он видел страшную силу «мира» и боялся, как бы этот «мир» не связал и не опутал его душу своими обычаями и требованиями, не угасил в нем святого огня любви к Богу. Решительно и навсегда разрывая узы «мира» и освобождаясь от всякого рода притязания с его стороны на свою внутреннюю свободу, Петр поступил по примеру святого Алексия, человека Божия, в уверенности, что Господь не оставит его на этом пути, как Он не оставил и святого Алексия, и что в душе его сторицею возгорится тот святой огонь любви к Богу, который он сделал главной целью своей жизни. Последуем же за юным нашим странником и посмотрим, что он встретил на своем скитальческом пути, и в какой мере исполнились его заветные думы и желания.

Когда Петр раздумывал, куда ему направить свои стопы, ему пришла в голову мысль посетить Чернигов, где жил тогда духовный наставник иеросхимонах Пахомий. От него он надеялся получить совет и благословение на дальнейший свой путь. Петр нашел себе попутчика, одного из воспитанников Академии, который собирался отправиться через Чернигов к своему отцу. Они нашли старика-лодочника, который согласился за некоторую плату довести их водою до Чернигова. Купив все необходимое для дороги, они двинулись в путь. Проплыв немного по Днепру, они вошли в Десну и, плывя вверх по течению, с большим трудом достигли через десять дней небольшого города Остра. Плавание их было сопряжено с большими лишениями. Был уже октябрь, и время было суровое. Петр, не имея теплой одежды, дрожал от стужи, особенно когда шел дождь со снегом, и ветер пронизывал насквозь. С наступлением ночи путники вытаскивали свою лодку на берег, разводили большой огонь и отогревались, сколько могли. Но и тут Петру приходилось хуже всех. Не имея достаточно одежды, он, согреваясь с одной стороны, замерзал с другой и, поворачиваясь всю ночь с боку на бок, едва мог уснуть. Большим затруднением было для них и то, что все время приходилось плыть против течения и непрерывно работать веслами. Спутники Петра были сильнее его. Петр же, от природы слабый и с детства не знавший телесного труда, работал сверх сил, отчего у него сильно болело все тело, особенно руки и ноги. В довершение трудности лодка их была до такой степени мала, что едва выдерживала трех человек, поднимаясь над водою всего на три или четыре пальца. Когда же на реке начиналось волнение, вода заливала лодку и нужно было ее непрерывно вычерпывать, чтобы не потонуть. Однажды они попали посреди реки на мелкое место, и лодка их едва не перевернулась. Они выскочили на песок и, стоя по колена в воде, удерживали лодку, выливая из нее воду. Вследствие быстроты течения песок ускользал из-под их ног и увлекал их с собою вниз по течению реки. Петр от испуга едва не лишился чувств, но кое-как с большими усилиями им удалось удержать лодку и, вылив из нее

воду, они снова продолжали свой путь. Когда они подплыли к Остру, то увидели на берегу человека, который смотрел, как их лодка едва не погружалась в воду. Когда же они подплыли к берегу и вышли из лодки, этот человек с упреком сказал лодочнику: «Как же это ты не побоялся Бога и повез в такой маленькой лодке этих молодых людей по такой опасной реке! Ты сам уже стар и тебе не страшно умирать, но ты взял бы тяжкий грех на душу, погубив этих юношей. За это ты не заслуживал не только никакой платы за труд, но тебя следовало бы еще и наказать». Сказав эти слова, добрый человек пригласил молодых людей к себе в дом и несколько дней заботился о них. По его совету они расстались со своим лодочником, причем товарищ Петра заплатил ему только половину условленной платы, а Петр, чтобы не огорчать старика, отдал ему плату за весь путь до Чернигова. После этого их заботливый хозяин подыскал для них другого лодочника, заплатив ему за их провоз и содержание до Чернигова. Поблагодарив своего доброго покровителя, юные путники отправились в дальнейший путь.

На этот раз от них уже не требовали никакой помощи и предоставляли им пищу и полный покой. Через несколько дней показались покрытые густым лесом Болдинские горы, где когда-то подвизался преподобный Антоний Печерский, и засияли кресты черниговских церквей и монастырей. Путники радостно возблагодарили Бога за благополучное прибытие в Чернигов. Простившись со своими спутниками, Петр отправился в архиерейский дом, где и нашел своего духовного отца иеросхимонаха Пахомия, который очень ему обрадовался. Прожив у Пахомия несколько дней, Петр рассказал ему о своих планах и просил у него совета, где и как ему лучше перейти границу и начать свое странствование. Пахомий сказал ему: «Тебе лучше всего идти в монастырь, который находится недалеко от Любеча, родины преподобного Антония Печерского. Там ты найдешь иеросхимонаха Иоакима, который и научит тебя, что делать. Любечский монастырь стоит над Днепром на польской границе, и тебе удобно будет оттуда уйти за границу. Поживи у меня до базарного дня, а тогда ты легко найдешь человека, который отвезет тебя до Любеча». Петр так и сделал. Но, не найдя человека, отправлявшегося в Любеч, он нанял крестьянина из села, находившегося на полпути до Любеча, который согласился взять его с собою. Переночевав в селе, Петр просил своего возницу везти его и дальше, но тот отказался. Тогда Петр, помолившись Богу, пошел один с большим страхом, потому что дорога шла густым лесом, и он, странствуя в первый раз в жизни, очень боялся диких зверей. Однако все обошлось благополучно и, пройдя лес, Петр увидел вдали Любеч и монастырь, отстоявший от города не далее трех верст, и очень обрадовался. Когда Петр стал подходить ближе к монастырю, то заметил, что от города к Днепру были поставлены рогатки и около них стояла стража, а монастырь находился по ту сторону рогаток. У Петра не было никакого письменного вида, и он боялся, что стража его задержит. Молясь внутренне, Петр приблизился к рогаткам. В это время из города по направлению к монастырю по ту сторону рогаток показался монах. Остановившись около стражи, монах стал смотреть на приближающегося Петра; когда стража окликнула его, монах, не давая ему ответить, воскликнул: «Что же вы спрашиваете, кто он? Разве вы не видите, что это инок-послушник, возвращающийся в монастырь?» Стража тотчас же пропустила Петра, а он, подойдя к монаху, попросил у него благословения, так как догадался, что это был иеромонах.

Иеромонах, которого звали Аркадием, привел Петра в монастырь и до прибытия игумена, находившегося в отлучке, поместил его в своей келье. Заметив, что отец Аркадий муж духовный, Петр очень обрадовался своей встрече с ним и хотел остаться при нем. Когда возвратился игумен, отец Аркадий, указывая на него Петру из окна своей келий, сказал: «А вот и наш отец игумен стоит посреди монастыря. Посмотри, брат, так ли и у вас в Киеве игумены ходят?» Посмотрев в окно, Петр увидел почтенного седовласого старца в толстой черной свитке и очень удивился его простоте и смирению: ему в первый раз в жизни пришлось увидеть так бедно одетого игумена. Отец Аркадий вывел Петра во двор и подвел его к игумену. Благословив Петра, игумен по обыкновению спросил: «Откуда ты, брате, как твое имя, и зачем ты пришел в нашу обитель?» Петр отвечал: «Я пришел сюда из Киевской страны, на послушание, и имя мое Петр». Услышав его ответ, игумен обрадовался и сказал: «Вот и слава Богу, что Он послал тебя к нам. У нас недавно был послушник Петр, бывший у нас келарем; но вот уже два дня, как он ушел из обители. Ты носишь его имя, поручаю тебе и его послушание. Будь у нас келарем». Услышав эти слова игумена, отец Аркадий с удивлением сказал: «Отче святой, этот брат только что пришел в обитель и совсем еще не знает монастырского порядка: пусть он сначала хоть немного поживет у меня в келий и присмотрится к нашей жизни, а потом уже ты определишь ему и послушание, какое найдешь нужным». На это игумен ответил: «Я был бы рад исполнить твой совет, если бы у меня был человек, пригодный к келарному послушанию. Но ведь ты сам знаешь, что у нас нет людей, и

я поневоле должен, не откладывая, определить его на эту должность». Сказав это, игумен сейчас же повел Петра в келарню и, показав ему все, что там было, объяснил ему его обязанности и передал ему ключи. Обязанности Петра состояли в том, чтобы выдавать поварам в определенном количестве необходимые для трапезы припасы: муку, масло, крупу, рыбу и проч. Петр поклонился настоятелю в ноги и принял благословение.

Так началась жизнь Петра в монастыре. Петру отвели келию недалеко от помещения игумена. Она состояла из двух комнат: в меньшей жил тот самый иеромонах Иоаким, к которому послал Петра о. Пахомий, а в большой помещался Петр с одним старым монахом и одним послушником. Петр усердно стал исполнять свое послушание, хотя это и было ему нелегко, так как ему приходилось по несколько раз в день снимать и накладывать тяжелые камни, которыми покрывались кадки с припасами, и это его очень утомляло. Он не смел никому сказать об этом, и терпеливо исполнял свою обязанность, прося Бога укрепить его силы. На первых порах Петр оставался в своей мирской одежде, но ему скоро дали свитку из грубого черного сукна, и он не помнил себя от радости. Спустя немного времени умер старый монах, живший в одной келье с Петром, и игумен отдал Петру подрясник умершего монаха из грубого серого сукна, сказав: «Если эта одежда тебе нравится, возьми и носи ее». Петр с благодарностью принял монашеское одеяние и, придя в свою келию, прежде всего несколько раз поцеловал его, как святыню и носил до тех пор, пока оно совершенно не изорвалось. Послушание Петра начиналось во время заутрени и оканчивалось поздно вечером. После этого Петр должен был еще читать келейное правило иеросхимонаху Иоакиму. Живя так близко от этого старца, Петр имел полную возможность обратиться к нему с вопросом, его занимавшим, но природная застенчивость и робость мешали ему заговорить с ним. Между тем игумен назначил отца Иоакима на жительство в монастырский скит, в пяти верстах от монастыря, и Петр потерял возможность попросить у старца совета. Келию отца Иоакима игумен передал Петру. Заботясь о внешней жизни Петра, игумен не оставлял без руководства и его внутренней жизни. Он дал ему книгу Иоанна Лествичника и сказал: «Возьми, брат, эту книгу, читай ее со вниманием и наставляйся на святое послушание и на всякое доброе дело, так как эта книга весьма душеполезная». Петр взял книгу с большой радостью и тотчас же начал читать ее. Книга до такой степени понравилась Петру, что он решил, пользуясь свободным ночным временем, переписать ее для себя. Не имея свечи, Петр заготовил лучину, длиною не менее сажени, и, втыкая такую лучину в расщелину стены, списывал при ее свете книгу, испытывая при этом большое неудобство, так как дым от лучины наполнял комнату, ел глаза и мешал дышать. Тогда Петр открывал на некоторое время окно, выпускал дым и снова принимался за работу.

Со временем Петру удалось достать лампочку, и тогда переписка пошла быстрее, так что к уходу своему из монастыря он успел переписать более половины книги. Жизнь в монастыре очень нравилась Петру, но, к сожалению, его душевный мир продолжался недолго. Скоро его постигло большое искушение, крайне смутившее его душу. Присмотревшись к Петру, братия обители заметили его мягкий характер и неспособность отказывать в просьбах. И вот они стали чуть ли не все, не только простые монахи, но и иеродиаконы, и иеромонахи, приходили к Петру и выпрашивать у него, кому что было нужно: пшеничной муки, пшена, крупы и т. д. Не имея распоряжения от игумена, Петр не знал, как ему поступать. Спросить игумена он боялся, думая, что если игумен запретит, а он по слабости не сумеет отказать, то окажется еще более виноватым. В то же время совесть не позволяла ему раздавать припасы без ведома и благословения игумена. Видя, как самые уважаемые и почетные отцы приходят к нему, последнему в обители, и выпрашивают у него нужное для них, он стыдился даже взглянуть им в лицо и, заглушая совесть, не смел им отказать в их просьбе. Повара, со своей стороны, пользуясь слабостью Петра, уговаривали его давать им двойную порцию припасов, уверяя, что от этого получится более вкусная пища. И действительно, пища оказывалась гораздо вкуснее, так что вся братия была очень довольна, хвалили и благодарили Петра за то, что он так заботится о них, а некоторые даже говорили, что за его доброту Господь посылает обители изобилие во всем. Петр притворно радовался вместе с ними, в глубине же души не имел покоя, и совесть постоянно мучила его. Игумен продолжал относиться к Петру с неизменным расположением. У него был обычай приглашать к себе на ужин кого-нибудь из иноков обители. Нередко приглашал и Петра. Входя в келию игумена и видя его, сидящего в трапезной с кем-нибудь из старшей братии, Петр скромно становился у двери и не смел подойти к сидящим. Но по зову игумена он робко садился за стол и принимал участие в трапезе. Пища за игуменским столом была самая простая: какое-нибудь варево и гречневая каша. Из напитков подавался квас кисличный или грушевый, тот самый,

который подавался и всей остальной братии. Не один раз игумен поручал Петру читать в трапезной. И когда случалось какое-нибудь особенно трогательное житие и Петр читал его тем способом, какому научился в школе, то многие из братии приходили в умиление, плакали и переставали есть. А некоторые даже вставали из-за стола и, окружив Петра, слушали его со слезами. Все это очень трогало Петра. Но более всего его трогало, когда он видел, с какою любовью, кротостью и смирением и с каким долготерпением игумен, как истинный отец, управлял братией. Если случалось кому-либо из братии погрешить в чем-нибудь, игумен тотчас же прощал его, если только видел его раскаяние, наставлял его полезными словами и давал ему правило по силе его. Имея такого мудрого и кроткого наставника, братия жили в глубоком мире и благодарили Бога.

Но вот пришел и конец этой мирной и счастливой жизни. Через три месяца по прибытии Петра в монастырь преосвященный Антоний, митрополит Молдавский, правивший тогда Черниговской епархией, назначил в Любечский монастырь нового игумена, ученого мужа, некоего Германа Загоровского, который, прибыв в обитель, стал управлять ею не по примеру кроткого Никифора, но «властительно», как выражается жизнеописатель старца Паисия. Распознав нрав своего нового начальника, братия затрепетали, а некоторые даже разбежались из обители неведомо куда. Петр, исполняя свое послушание, все время трепетал, как бы ему не погрешить в чем-нибудь и не прогневать нового начальника. Опасения его в скором времени оправдались. Однажды, Великим постом, новый игумен приказал Петру выдать повару к своему столу какой-то капусты. Не расслышав хорошенько слов игумена и не смея переспросить, Петр позвал повара и велел ему самому взять для игуменского стола капусты. Когда капуста была приготовлена и подана игумену, тот, взглянув на нее, приказал позвать Петра. Петр явился. Игумен, встав из-за стола, подошел к Петру и сказал: «Разве я этой капусты приказал тебе выдать к моему столу?» И не ожидая ответа, ударил Петра по щеке так, что тот едва устоял на ногах. Потом игумен с силою вытолкнул его за порог келий, крикнув ему вслед: «Вон, бездельник!» Дрожа от страха, Петр пришел к себе в келию и стал думать: «Если за такой ничтожный проступок игумен так жестоко поступил с ним, то что же будет, если он провинится в чем-нибудь более серьезном?» Случилось в это время, что и игуменский келейник, живший в одной келии с Петром, также чем-то рассердил игумена. И игумен уже похвалился кому-то, что он с ними обоими разделается по-своему. Братия, по расположению к Петру, передали ему игуменские слова. Келейник, хорошо знавший своего начальника, решил бежать из обители и пригласил с собою Петра. Петр, не ожидая для себя ничего доброго от игумена, согласился бежать вместе с ним. Удобный случай к побегу представился на шестой неделе Великого поста. Ночью, когда братия спали, беглецы, помолвившись Богу, вышли потихоньку из обители и спустились к Днепру, на берегу которого повсюду стояла пограничная стража. Высмотрев удобное место между караульными, беглецы с большим страхом пошли через Днепр, опасаясь, как бы их не заметили и не поймали, тем более что ночь была лунная. Лед на реке был еще крепкий, и они, никем не замеченные, благополучно перешли на другую сторону Днепра. Так как до утра оставалось еще немало времени, а идти по незнакомой дороге они не решались, то, найдя удобное место, они расположились провести здесь остаток ночи и собраться с силами для дальнейшего странствования.

Глава 2

СТРАНСТВОВАНИЕ ПО ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ. ЧЕРНОБЫЛЬ. РЖИЩЕВ. ПОВЕСТЬ О ЗАМУЧЕННОМ УНИАТАМИ ПРАВОСЛАВНОМ ДЬЯЧКЕ. ПУСТЫННИК ИСИХИЙ. ПРЕБЫВАНИЕ В МЕДВЕДОВСКОМ МОНАСТЫРЕ. ПОСТРИЖЕНИЕ ПЕТРА В РЯСОФОР. ПРИТЕСНЕНИЕ ОТ УНИАТОВ. УХОД В КИЕВО- ПЕЧЕРСКУЮ ЛАВРУ

Как только рассвело, беглецы отыскивали дорогу и скоро пришли в какое-то селение. Отдохнув и подкрепившись пищею, двинулись дальше на юг. Они проходили огромными лесами, ночуя в попутных селах или просто в лесу под открытым небом. Через несколько дней они подошли к реке Припяти, на другом берегу которой увидели город Чернобыль, но колебались идти туда, так как лед на реке был уже ненадежен. Когда они стояли и раздумывали, подходят к реке еще несколько

человек и смело идут по льду на ту сторону. Тогда и наши путники последовали за ними, однако с большим страхом, потому, что во многих местах лед уже провалился. Дойдя до середины реки, они увидели перед собою глубокую трещину, шириною в аршин. У Петра замерло сердце от страха. Чувствуя как бы неминуемую смерть перед собою, он перешагнул через пропасть. Дальнейший путь не представлял трудностей. Выйдя на другой берег, они сели отдохнуть. Когда они сидели и смотрели на только что пройденный путь, вдруг раздался страшный шум: лед затрещал и стал ломаться по всей реке. Льдины, как высокие стены, напирала одна на другую и плыли вниз по течению. Пораженные этим необычайным зрелищем, Петр и его спутник со слезами благодарили Бога, проводшего их через реку за один момент до ее вскрытия. Город Чернобыль не имел вокруг себя ни ограда, ни стражи, и Петр со своим товарищем свободно вошли в город и скоро нашли себе пристанище.

Была Лазарева суббота. На другой день, утром, когда они шли по городу, кто-то сзади позвал Петра по имени и фамилии. Петр страшно испугался. Оглянувшись, он увидел земляка-полтавца, сына одного зажиточного горожанина, который, приветливо поздоровавшись с Петром, пригласил его вместе с товарищем к себе в гости. Дорогой он рассказал Петру, что приехал в этот город по поручению полтавского полковника Кочубея для покупки леса. После этого он рассказал Петру о его матери, которая все время плачет о нем, да и все жители Полтавы вместе с нею жалеют о нем. Сказав это, он стал уговаривать Петра вернуться к матери. Петр до такой степени растерялся от этой неожиданной встречи, что не мог выговорить ни одного слова. В его голове была только одна мысль, что если этот человек захочет, он может задержать Петра и увезти его на родину. Между тем знакомый, продолжая приветливо разговаривать, привел их к себе на квартиру и приказал подавать обедать. От страха Петр за обедом ничего не ел. После обеда прощаясь с гостями, знакомый просил Петра заходить к нему почаще. Таким образом, тайна Петра стала известна его товарищу. Узнав о его бегстве от матери, товарищ не переставал восхищаться им за его решимость покинуть мир. При этом он рассказал, что до своего приезда в Любечский монастырь он долго жил в Полтаве, в школе при соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, и хорошо помнит мать Петра и его родных, и даже его самого, но ему и в голову не могло придти, что Петр скрывается в Любечском монастыре. Все эти похвалы и разговоры товарища были очень тягостны Петру. Он видел, что ему не удалось скрыться от людей. Боясь, что его задержат и отправят в Полтаву, он решил в тот же день покинуть Чернобыль. Не теряя времени, он пошел в ближайшую церковную школу разузнать, нет ли там человека, идущего на Украину. Такой человек нашелся: это был монах, уходивший в тот же день на юг. Петр стал упрашивать его взять с собою и его с товарищем. Монах с неохотою согласился и велел им приходить поскорее. Петр поспешил на свою квартиру, но товарища там не было. Подождав его немного и видя, что время идет, Петр поспешил вернуться в школу один и застал монаха уже выходящим в дорогу. В течение многих дней они проходили сплошными лесами, приближаясь к Украине.

В это время правобережная Украина находилась в очень печальном состоянии. Ей приходилось много терпеть от религиозного фанатизма и иезуитов, и униатов. «Трудно вообразить, — пишет в своей «Истории церкви» архиепископ Черниговский Филарет, — все жестокости, какие в то время причиняли православным. Православных священников привязывали к столбам, били плетью, сажали в тюрьмы, морили голодом, рубили саблями пальцы, ломали руки и ноги. Кто и затем еще оставался в живых, но не хотел унии, того выгоняли из домов. На монастыри днем делали нападения, грабили и жгли их, монахов терзали, как могли, часто убивая. Деревенских обывателей и мещан мучили бесчеловечными пытками, чтобы сделать униатами. Православный народ, как овец, гоняли в костел или в униатскую церковь. Во время самого чтения Евангелия входил в православный храм приказчик, бил народ плетью и гнал его, как скот из хлева. Многие претерпевали разорение домов, мучительные побои, а другие и самую смерть. В Киев, в центр религиозной жизни края, ежедневно поступали жалобы насильно обращаемых в унию православных жителей юго-западного края. Туда приезжали под защиту митрополита изгнанные из приходов униатами, лишенные крова и имущества, часто жестоко оскорбленные или изуверенные сельские священники; являлись на поклонение киевским святыням, несмотря на запрет властей и мимо польских военных кордонов, многочисленные толпы богомольцев, приводившие в ужас рассказами о страданиях, претерпеваемых ими на родине из-за верности Православию. В защиту веры и народности поднялись гайдамаки. В начале XVIII века гайдамацкое движение в правобережной Украине было уже в полном ходу, все более и более усиливаясь к половине столетия. Для поимки и усмирения гайдамаков польское правительство посылало войска. Эти военные команды были тяжелым бременем для народа и еще более

усиливали смуту». Одно из самых сильных гайдамацких движений было в 1734 г., т. е. всего только за пять или шесть лет до описываемого нами странствования Величковского. Вот по такой стране и при каких тревожных обстоятельствах приходилось совершать свое путешествие юному искателю истинного монашества.

Через несколько дней странствования Петра постигло несчастье: от долгой и непривычной ходьбы у него разболелась левая нога и опухла от ступни до самого колена, так что он двигался с большим трудом и должен был часто останавливаться для отдыха. Его спутник сердился и не раз хотел бросить его и только слезные мольбы Петра удерживали его от этого. Так мучились они много дней, пока больная нога не окрепла. Наконец, они пришли в один «скиток», расположенный над Днестром, ниже Киева, и называвшийся Ржищев. Здесь постигла Петра новая и очень тяжелая болезнь. Стоило ему только поесть чего-нибудь, как у него начиналась сильная рвота. Через месяц он так исхудал и ослабел, что едва мог ходить. Тогда он стал горячо молиться Богу, чтобы ему не умереть в этом месте. В это время три странника монаха, проживавшие в этом скиту, задумали идти в Молдавию. Петр стал просить взять и его с собою. Видя его слабость, монахи не хотели брать его, но, наконец, уступили его неотступным просьбам. С большим трудом вышел Петр из скита, но как только поднялся в гору, где было открытое место и свежий воздух, сразу же почувствовал себя здоровее. В тот же день их застигла в поле страшная гроза. Спутники Петра побежали вперед, чтобы поскорее добраться до какого-нибудь жилья. Слабый Петр не поспевал за ними и был застигнут проливным дождем с громом и молнией. При этом выпал еще и крупный град, величиною с орех, и покрыл все поле на четверть аршина. Промокнув насквозь, Петр только поздно ночью добрался до того села, где укрылись его товарищи.

Переночевав в одной хате, Петр на другой день отыскал товарищей, остановившихся в школе у дьячка. Увидев Петра здоровым и невредимым, они очень обрадовались. Затем они стали расспрашивать дьячка, каким путем им надо идти в Молдавию? Услышав этот вопрос, дьячок сказал: «Не советую вам, святые отцы, идти туда. Теперь по всем дорогам ездят у нас солдаты для поимки разбойников, и, если вы попадете им в руки, они могут вас жестоко обидеть из ненависти к нашей православной вере. В нашем селе недавно был такой случай. Бывший передо мною дьячок, опасаясь доноса со стороны гонителя православной веры, читая за литургией символ веры, произносил в восьмом члене так: И в Духа Святаго, Господа животворящего, иже от Отца *истинна* исходящего, — и этим произношением некоторое время вводил униатов в заблуждение. Однако со временем на него все-таки донесли помещику, что он читает символ веры не по их обычаю. Узнав об этом, помещик пришел в ярость и, взяв с собою солдат, вошел в церковь незадолго до чтения символа веры. Когда же тот блаженный дьячок вышел на середину церкви и стал читать символ веры, помещик подошел к нему вплотную и со вниманием вслушивался в каждое его слово. Дьячок понял, с какою целью помещик подошел к нему, и стал читать особенно громко, медленно и торжественно, и когда дошел до слов: «И в Духа Святаго», то, сам исполнившись благодати Духа Святаго, еще громче и отчетливее возгласил: «И в Духа Святаго, Господа животворящего, иже от Отца исходящего», откинув то слово *истинна*, которое он раньше по малодушию прибавлял. Помещик вскрикнул, как дикий зверь, и тут же в церкви кинулся на дьячка, схватил его за волосы, бросил его на землю и стал топтать его ногами, а затем приказал вытащить его из церкви и беспощадно бить его палками. В это время кто-то успел сбегать к матери дьячка и сообщить ей о случившемся. Прибежав к сыну и обливаясь слезами, она уговаривала его не падать духом, но отдать самую жизнь свою за православную веру. «Не бойся, — говорила она, — этого маловременного мучения, но претерпи за нее и самую смерть, да сподобишься получить от Христа мученический венец в Царстве Небесном».

В ответ на эти слова страдалец проговорил: «Не сомневайся во мне, дорогая мать, я не только эти раны, но и в тысячу раз лютейшие готов претерпеть за веру, в которой одной только заключается несомненная надежда спасения». Слушая эти слова, мать радовалась духом и благодарила Христа Бога за то, что она сподобилась быть матерью страдальца за веру. Мучитель, видя и слыша все происходившее, рассвирепел еще больше и приказал солдатам еще беспощаднее бить страдальца. Под этими ударами страдалец Христов предал, наконец, душу свою в руки Божий».

Выслушав этот рассказ, наши странники ужаснулись и не решились идти в Молдавию, но по совету дьячка направились вниз по Днестру, к находившимся там православным монастырям. На пути, в одном селении, они встретили иеромонаха, от которого узнали, что недалеко оттуда на уединенном острове одной реки спасается благочестивый пустынножитель Исихия. Заинтересованный рассказом странника, Петр отстал от своих товарищей и решил не только

побывать у этого отшельника, но если удастся, то и пожить с ним. Это было как раз то, чего искала его душа. Он попросил иеромонаха проводить его к Исихию, и тот охотно согласился на это. Пустынник встретил их с большой любовью. Оставив здесь Петра, иеромонах ушел, а Петр был очень рад тому, что нашел, наконец, человека, какого ему было нужно.

Это, действительно, был истинный раб Божий, прилежно исполнявший все заповеди и имевший великую любовь к Священному Писанию. Он постоянно и усердно трудился в списывании отеческих книг. Следующий случай показывает, до какой степени он был ревностен в этом деле. Услышав однажды об одной редкой и полезной книге, находившейся в дальнем монастыре Черниговской епархии, он не поколебался отправиться туда пешком и, выпросив у игумена и братии эту книгу, возвратился с нею в свою келью, тщательно переписал ее и отнес обратно, поблагодарив игумена и братию за оказанную ему милость. Такова была его любовь к книгам. Замечая высокое духовное настроение этого отшельника, Петр горячо хотел остаться при нем. Однако к величайшему его огорчению, старец ни за что не хотел взять его к себе в ученики. «Чадю, — говорил он, — я человек грешный и недостойный и не в состоянии направить на путь Божий мою собственную бедную душу. Как же я осмелюсь принять тебя? Это дело не моей меры. Прошу тебя, не отягощай меня твоей просьбой!» Думая, что пустынник отказывается по смирению, Петр еще настойчивее просил его, падая перед ним на колени; но тот оставался непреклонен. От постоянных слез лицо Петра опухло. Но старец, всей душой соболезнуя ему, упорно отказывался принять его и говорил: «Молю тебя, не скорби Господа ради о том, что я не принимаю тебя, ибо я это делаю, не презирая твое спасение, но ради немощи души моей. Возложи же свою надежду на Господа, который не оставит тебя, от всей души ищущаго спасения, но благодатию Своего наставит тебя на путь твой!»

Петр не знал, что ему делать, и приходил в крайнее уныние. Иеромонах, приведший его к старцу, не являлся, идти куда-нибудь одному Петр по природной своей робости не смел, остаться при старце не было возможности. Наконец, пришел к старцу вышеупомянутый иеромонах. Старец стал просить его взять с собою Петра и отвести его в какой-нибудь монастырь. Иеромонах согласился. Когда наступила минута последнего расставания со старцем, которого Петр полюбил всей душой, он припал к ногам старца и горько плакал, что не может пожить у него в святом послушании. Старец утешал его, советуя положиться на единого Бога, который устроит его жизнь по его желанию. Горячо поблагодарив старца за его любовь, Петр простился с ним и вместе с иеромонахом отправился в новое странствование. Посетив несколько монастырей, они пришли, наконец, в монастырь святителя Николая, именуемый Медведовским. Этот монастырь находился в области Киевского митрополита и имел своим настоятелем иеромонаха Никифора, но не того, при котором Петр поступил в Любечский монастырь.

Отец Никифор ласково принял Петра, поселил его с другим послушником и велел ему ходить на общее послушание со всею братией. Монахи убирали сено. Петр работал вместе с другими. Посылали его также и жать хлеб. Когда же увидели, что он по своей неопытности порезал себе пальцы, то назначили ему возить снопы на ток. Но и здесь постигла его неудача. Не умея управлять волами, он опрокидывал воз и рассыпал снопы. Не зная, что делать и как поправить беду, он садился на землю и плакал. Братия приходили к нему и упрекали его за то, что он не умеет ничего делать. Наконец, поручили ему возить на тока глину и воду. Хотя это новое послушание было ему тоже не по силам, он исполнял его с радостью. Так трудился он от раннего утра до позднего вечера. Но этим не ограничивалась его работа. Настоятель назначил ему еще ходить на клирос, резать в трапезе хлеб, подавать братии кушанья, убирать и мыть посуду, мести трапезную, и все это Петр делал с большою охотой, радуясь тому, что он может послужить братии. Когда настал Успенский пост, начальник сказал Петру: «Я хочу на праздник Преображения Господня постричь в рясофор того брата, который живет с тобою в одной келии, и тебя. Поэтому пойдешь к духовнику, исповедуй ему все грехи твои, и, получив от него разрешение, будь готов к причащению святых Христовых Тайн. Сходи также к иеромонаху Никодиму и попроси его быть на постриге твоим восприемником». Поклонившись начальнику в ноги и приняв благословение, Петр вышел из келий, радуясь и ужасаясь тому, что так скоро удостоился облечения в первый монашеский чин. Он немедленно пошел к духовнику, исповедал ему свои грехи и получил разрешение и благословение готовиться к принятию святых Тайн. Затем он отправился к отцу Никодиму, и Никодим спросил: «Ты сам от себя просишь меня об этом или по приказанию начальника?» И когда узнал, что Петр пришел к нему по приказанию начальника, обещал исполнить его просьбу, приказал ему вымыть голову ко дню пострига, что было очень

кстати, так как Петр с самого выхода из Любечского монастыря, уже около пяти месяцев, не имел случая не только вымыть голову, но даже и волосы причесать.

В праздник Преображения Господня, по прочтении часов, совершилось пострижение Петра в рясофор. При этом произошло следующее обстоятельство. Начальник назвал товарища Петра Платоном, а Петра Парфением. Когда же по окончании обедни все вышли из церкви, то монахи, не расслышав хорошенько слов настоятеля, стали называть Петра Платоном, а его товарища Парфением. Огорченный этим Петр пошел к начальнику. Начальник ему сказал: «Если братия переменили ваши имена, то так тому и быть. Отныне называйтесь: ты — Платоном, а он Парфением, и ты об этом не мало не скорби. Такова, значит, воля Божия». Спустя немного дней после этого приходит к Платону один монах и спрашивает его: «Услуживаешь ли ты чем-нибудь тому старцу, который при постриге был твоим восприемником?» «Нет», — отвечал Платон. «Как же это так, — говорит монах, — тебе следует служить ему чем-нибудь, например, нарубить дров, принести воды, развести огонь, подмести келью и тому подобное». Платон поблагодарил за совет и пошел к своему старцу. Поклонившись ему до земли, он извинился, что до сих пор по своему невежеству ни в чем не послужил ему. Старец ответил: «Довольно с тебя, брат, и того, что ты ходишь на общее послушание. Мне от тебя никаких услуг не надо. Я еще, слава Богу, могу и сам себе послужить». Немного времени спустя Платон снова встретился с вышеупомянутым монахом, и тот, узнав, что старец не захотел принимать никаких услуг от Платона, сказал ему: «Ты пойди еще раз к старцу и попроси его дать тебе келейное правило». Платон поблагодарил монаха за новое наставление, пошел опять к своему старцу и просил его дать ему келейное правило. Старец сказал ему: «Ты брат — ученый, поэтому я не определяю тебе правила, а как Бог тебя вразумит, так и содержи правило в келий твоей» Через неделю после этого разговора старец ушел из Медведовского монастыря неизвестно куда, и Платон никогда уже не встречался с ним. Рассказав об этом случае в своих записках, старец Паисий прибавляет «Таким образом, я остался, как овца заблудшая без пастыря и наставника. И нигде не пришлось мне пожить в повиновении у какого-нибудь отца, хотя, как вижу, устройство моей души в юности было весьма удобопреклонно к повиновению, но не получил я такого божественного дара за свое недостойнство» Не довольствуясь назначенными ему послушаниями, Платон присоединил к ним еще и особые труды. Он по своей охоте помогал повару, привозил ему воду, колол дрова и многое другое делал с радостью. В то же время он старался приучить себя к малоспанию «Когда я был молодым, — рассказывал он впоследствии, — и полагал начало монашества, то я решил в душе своей никогда не лежать, но весь день проводить на послушании, а ночи на правиле и, стоя, принимать немного сна. Через некоторое время у меня разболелись ноги так, что я ходить не мог. Тогда я нашел лубяную коробку, вырезал с одной стороны часть ее и, сидя на ней, засыпал ненадолго. Когда же я засыпал крепко, коробка опрокидывалась, и я с нею. От этого я просыпался и бежал в церковь смотреть, не проспал ли я утреню и, когда видел церковь запертою, с радостью возвращался в келию» В другой раз он еще рассказывал «В молодости я молился Богу сорок дней, чтобы мне не спать много, и получил от Господа, что мне было достаточно три часа в сутки на сон. Теперь же в старости, если случится мне заснуть три часа, я считаю это за великую милость Божию. Много же раз желаю хотя один час уснуть, и не могу».

Тихо и мирно проходила жизнь Платона в Медведовском монастыре, как вдруг неожиданно поднялась буря со стороны униатов. От начальника области приехал в монастырь чиновник, который собрал всех монахов в келию настоятеля и стал убеждать их принять унию. Когда же он увидел, что иноки решительно не согласны на это, он страшно разгневался и, отправившись в церковь, описал все церковные предметы, запер церковь, запечатал своей печатью и, взяв ключи, уехал с угрозами. Все случившееся произвело большое смущение в обители, и когда церковь в течение целого месяца оставалась запертой, монахи стали понемногу расходиться из монастыря. Платон снова подумал о переселении в православную Молдавию. Его удерживали только, с одной стороны, страх перед польскими разъездами, с другой — отсутствие опытного проводника. В это время тот монах, который давал советы Платону (имя ему было Мартирий), вместе с другим монахом, бывшим певчим Киевского митрополита, согласились идти в Киев и поступить в Киево-Печерскую Лавру. Платон решил примкнуть к ним. Помолившись Богу, странники отправились в путь. Был уже декабрь. Выпал очень глубокий снег, стояли сильные морозы, от которых особенно страдал Платон, не имевший теплой одежды. Кое-как добрались они до города Василькова и здесь были задержаны польскими властями, отпустившими их только через шесть недель, когда было получено разрешение пропустить их через границу. В скором времени они благополучно достигли Киева.

Глава 3

**ПРЕБЫВАНИЕ В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ.
ПОВЕСТЬ О ТОМ, ЧТО БЫЛО С МАТЕРЬЮ
ПЛАТОНА ПО УХОДЕ СЫНА ИЗ ПОЛТАВЫ.
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛАВРСКИЕ ПОДВИЖНИКИ.
ПРЕДСКАЗАНИЕ ОДНОГО ИЗ НИХ ОБ УХОДЕ
ПЛАТОНА ИЗ ЛАВРЫ. НЕОЖИДАННОЕ
ИСПОЛНЕНИЕ ЭТОГО ПРЕДСКАЗАНИЯ**

По прибытии в Лавру наши странники подали прошение архимандриту Лавры Тимофею Щербацкому о принятии их в число братии. Спустя немного времени их позвали в правление и, обстоятельно расспросив, приняли в братство. Мартирия определили помощником эконома, его товарищу певчому велели петь на правом клиросе, Платону же назначили особое послушание. Оказалось, что архимандрит Лавры Тимофей Щербацкий и покойный отец Платона были товарищами по Киевской братской школе. Между ними была такая тесная дружба, что они дали друг другу клятву сохранить взаимную любовь и верность до последнего вздоха.

Узнав в Платоне сына своего покойного друга, архимандрит Тимофей почел долгом перенести на него свою любовь к его покойному отцу. Чтобы навсегда удержать Платона в Лавре, затруднить ему переход в другую обитель, архимандрит назначил ему такое послушание, которое можно встретить только в очень немногих монастырях: он определил его к иеромонаху Макарию учиться гравировать на меди иконы. Платон, по своему обыкновению, с радостью принял это послушание. Макарий полюбил своего ученика, особенно когда заметил его необыкновенную скромность и молчаливость, и особенно то его свойство, что Платон никогда и никому ничего не передавал из тех слов и разговоров, какие ему приходилось слышать в келье отца Макария. Заметив в своем ученике это редкое свойство, Макарий не стеснясь, беседовал при нем с проходящими к нему по делам и за советами, и Платон все доброе и полезное из слышанного слагал в своем сердце. Каждый день, кроме воскресений и праздников, отстояв раннюю обедню, Платон приходил к своему учителю и работал у него до трапезы, а после трапезы до вечерни. На вечерню же и на утреню снова приходил в церковь и стоял там за правым клиросом. Однажды, перед Великим Постом, когда Платон стоял на своем обычном месте, подходит к нему один певчий и говорит: «Тебя зовет уставщик!» Платон испугался. Когда он подошел к уставщику, тот велел ему ходить на клирос. Платон еще больше испугался и сказал, что он не умеет петь. «Ничего, — сказал уставщик, — если не сумеешь петь, будешь читать, что тебе назначат». С этого дня Платон стал становиться на правый клирос, пел как умел, а иногда читал часослов и каноны. Наступил Великий Пост. Платон пошел к начальнику дальних пещер иеросхимонаху Иоанну, который был духовником всей братии, и исповедывал ему все грехи свои. Прочитав разрешительную молитву, духовник сказал со слезами: «Из твоей исповеди я узнал, что Господь сохранил тебя от великих и тяжких грехов. И если бы твоя жизнь проходила где-нибудь в пустынной обители под руководством опытного старца, то, может быть, ты и впредь сохранился бы и душою, и телом от дальнейших грехов. Но так как ты пришел жить с нами, грешными, в этой святой Лавре, находящейся среди мира, то я очень боюсь, как бы ты при твоей молодости не потерпел здесь крайнего разорения души твоей. Это легко может случиться с тобою, если ты станешь водить дружбу с такими же юными, как и ты, приятелями, не имеющими в сердцах своих страха Божьего. И вот тебе мой совет во имя Божие: Никогда не употребляй спиртных напитков. Если ты исполнишь этот мой совет, тогда с помощью Божией тебе удастся избежать гибели души твоей. Итак, скажи мне, чадо, можешь ли ты исполнить то, что я тебе говорю?"

Слова доброго старца глубоко тронули Платона и он сказал: «Я с самого моего рождения не знаю крепких напитков, и они мне противны по самой моей природе. После этих же твоих слов, которые я принимаю как бы от уст самого Бога, я буду всеми силами выполнять твой совет». Услышав этот ответ, старец обрадовался и сказал: «Если ты исполнишь то, что обещаешь, то верую Богу, что Он сохранит тебя от всякого духовного вреда. Знай же, однако, что многие будут добиваться твоей дружбы и уговаривать тебя пить вместе с ними. И когда встретят с твоей стороны отказ, они много причинят тебе горя. Но ты терпи все и уговорам их не поддавайся. И

они перестанут, наконец, приставать к тебе и дадут тебе покой. И тогда в душе твоей утвердится глубочайший мир». Все, сказанное старцем, исполнилось в точности.

Платону пришлось перенести немало искушений от тех, кто хотел вовлечь его в свою компанию, но он, помня совет старца, оставался тверд. Платона заметили в Лавре, и многие из старшей братии, проводившие духовную жизнь, полюбили его. В особенности расположился к нему старший начальник типографии иеромонах Вениамин. Придя в Лавру зимою, Платон не имел другой одежды, кроме самой легкой летней. В ней ходил он и в церковь и дрожал там от стужи. Попросить себе более теплую одежду Платон не смел. Заметив это, отец Вениамин снабдил его необходимой одеждой и позаботился о том, чтобы он и ни в чем другом не имел нужды.

Летом пришла в Киев на богомолье невестка Платона, жена его покойного брата священника, вместе со своим братом и дядею. Встретившись с Платоном, они зашли к нему в келию и рассказали ему следующую повесть о его матери. «Твоя мать, — говорили они, — после твоего отъезда в Киев, вспоминая о тебе, много плакала, но все же думала, что ты не бросишь ее. Когда же до нее дошла весть, что ты неизвестно куда скрылся из Киева, на нее напала невыносимая скорбь. Будучи не в состоянии успокоиться, она отправилась в Киев разыскивать тебя. В суровую зимнюю пору она ходила по монастырям и скитам, но все поиски ее были напрасны. Она вернулась домой усталая, измученная, едва живая. Дома она все время плакала и рыдала, и никто не мог ее успокоить. Наконец, нестерпимая печаль до такой степени овладела ее душой, что она решила не есть и не пить, пока не умрет. Через несколько дней она до такой степени ослабела, что мысли ее стали путаться, и она, совершенно изнемогая, лежала в постели, ожидая скорой смерти. Около нее собрались все родные и смотрели на нее с глубокой жалостью. Вдруг больная, как бы увидев перед собою нечто страшное, пришла в ужас и стала просить окружающих поскорее дать ей молитвенник. Когда ей подали книгу, она стала громко читать акафист Пресвятой Богородице. Прочитав акафист один раз, она сейчас же начала читать его снова и повторяла это много раз. У нее хотели взять из рук книгу, но она не давала ее. Так прошли день и ночь. Вдруг больная подняла глаза свои вверх и около получаса смотрела неподвижно в одну точку, а потом громко крикнула: «Если такова воля Божья, то я уже никогда не буду скорбеть о моем сыне». Услышав эти слова, родные стали просить ее рассказать, что она видела, но она, ничего им не отвечая, попросила позвать к ней ее духовника. Оставшись с ним наедине, она рассказала ему все, что с нею случилось. После этого ум ее совершенно возвратился к ней. Тогда родные снова стали спрашивать ее, что она видела, но она молчала. Догадавшись, что она от крайней слабости не может говорить, они стали вливать ложечкой воду в рот, а потом давали ей жиденькую пищу, как маленькому ребенку, пока она, наконец, не стала в состоянии сама принимать пищу. После этого ее приподняли и посадили в кровать, и тогда она рассказала следующее: «Когда я совершенно ослабела от голода «и уже ожидала скорой смерти, я вдруг увидела множество бесов, весьма страшных и мрачных, готовых напасть на меня. Я пришла в ужас и стала просить вас дать мне молитвенник. Читая акафист Божией Матери и возлагая на Нее Одну всю мою надежду, я этим защищала себя от нападения бесов. Слыша святые слова, они трепетали от страха и, стоя вдали, не смели приблизиться ко мне. Когда таким образом прошли день и ночь, меня вдруг охватило неизъяснимое восторженное состояние: взглянув вверх, я увидела открытое небо и ангела Божия, который, как светлая молния, сошел ко мне. Став около меня, он сказал: «Безумная, что ты делаешь? Вместо того чтобы всем сердцем возлюбить больше всякого создания Христа Господа твоего, ты предпочла ему своего сына и ради этой безрассудной любви задумала уморить себя голодом и за это подпасть вечному Божьему осуждению. Если бы сын твой, оставив тебя, стал заниматься разбоем или чем-либо недобрым, то и в таком случае тебе не следовало безмерно скорбеть, потому что каждый сам за себя дает ответ Богу. Но сын твой по воле Божьей избрал не плохое что-нибудь, а монастырскую жизнь. Как же можно было тебе так отчаянно скорбеть и губить твою душу! Знай же твердо, что сын твой по благодати Божьей непременно будет монахом. И тебе следует перестать скорбеть о нем, но подражая ему, самой отречься от мира. Такова воля Божия. Если же ты этой воле Божьей будешь противиться, я предам тебя бесам, окружающим твой одр, чтобы и другие родители научились не любить детей своих более Бога». Услышав эти слова ангела, я громко закричала: «Если такова воля Божия, то я уже никогда не буду скорбеть о моем сыне». Едва я произнесла эти слова, как бесы исчезли. Ангел же Господень, радуясь, взошел на небо». Слушая этот рассказ твоей матери, родные ужасались и прославляли Бога, который таким чудесным путем избавил ее от ужасной скорби и от самовольной смерти. Вскоре после этого больная совершенно выздоровела, и хотя нередко плачет о тебе, но вспоминая данный Богу обет, удерживается от безмерной скорби и готовится к поступлению в Покровский монастырь, где и до

сих пор еще жива ее мать, а твоя бабка, начальница монастыря». Впоследствии Петр узнал, что мать действительно приняла постриг и жила в одной келье со своею сестрой монахиней. Прожив в монастыре около десяти лет, она мирно отошла ко Господу.

В то время, когда Платон жил в Киево-Печерской Лавре, там было немало замечательных подвижников. Таков был, например, упомянутый выше иеросхимонах Иоанн, главный духовник Лавры, несколько лет подвизавшийся в отшельничестве. Другим замечательным подвижником был иеросхимонах Павел. Один раз Платон пришел к нему и спросил, в чем состоит кротость? Старец грозно взглянул на Платона и размахнулся рукою, как бы желая ударить его по лицу. Платон отшатнулся. Тогда Павел кротко и с любовью сказал: «Бог с тобою, сын мой, не бойся. Ты спросил меня, в чем состоит кротость? Если бы я объяснил тебе это словами, то ты скоро забыл бы мое объяснение. Знай, что кротость состоит в том, когда ты, если кто и по щеке тебя ударит, не только не разгневаешься на него, но по заповеди Христовой обратишь к нему и другую щеку».

Замечательным подвижником был также один схимонах на дальних пещерах. Более сорока лет он водил поклонников по пещерам, носил по голому телу сорочку из толстой железной проволоки с обращенными внутрь остриями, от этого он не мог спать, лежа на кровати, но спал сидя. Обращал еще на себя внимание помощник старшего кузнеца, носивший на себе сорок фунтов железа.

Платон прожил в Лавре более года, и у него не было даже и малейшего помысла об уходе из этого места. Тем сильнее поразило его следующее неожиданное обстоятельство. Однажды его увидел упомянутый выше помощник старшего кузнеца и, позвав его в свою келью, сказал: «Я очень сожалею о тебе, что ты недолго останешься с нами в этой святой Лавре, но пойдешь в другое место, куда направит тебя Господь». Пораженный этими словами, Платон сказал: «Поверь мне, честный отче, у меня и помысла нет уходить из Лавры. Я намерен, если Бог мне поможет, оставаться здесь до последнего моего издыхания». Но старец снова сказал: «Знай твердо, брат, что мое слово в самом скором времени исполнится, и тогда ты увидишь, что я говорил правду».

Через несколько дней после этого разговора приходит к Платону один из его самых близких школьных друзей, Алексей Филевич. Поздоровавшись и поговорив кое о чем, Алексей вдруг сказал: «А ты помнишь, какое мы дали друг другу обещание, когда были еще в училище, — не постригаться и не жить в богатых монастырях, а уйдя от мира, предаться странствию и жить в пустыне в святом послушании у какого-нибудь старца, не покидая друг друга до последнего издыхания и добывая себе пропитание и одежду трудами рук своих. Теперь же я вижу, что ты нарушил нашу клятву и вместо того, чтобы жить в пустыне на безмолвии, вернулся в свое отечество и живешь в этой богатой обители». Платон ответил: «Да, мы действительно положили в душах наших обет, о котором ты говоришь. Но к сожалению, ни один из моих друзей не последовал за мною, когда я уходил из мира. Друг наш Димитрий, не послушав моего совета, остался с матерью. А я, странствуя один, не нашел такого благоговейного старца, который согласился бы меня принять к себе во святое послушание, хотя я и многих просил об этом. И мне не оставалось делать ничего иного, как вернуться на свою родину и поселиться в этой святой обители». Тогда Филевич сказал: «Итак, ты уже окончательно отказался от мысли поселиться где-нибудь в пустыне вместе с единомысленным другом под руководством опытного старца?» Платон ответил: «Да, теперь у меня нет об этом даже и малейшего помысла, так как здесь я нашел совершенный покой моей душе и намерен до последнего издыхания оставаться в этой святой обители». Филевич: «А если бы я предложил тебе отправиться вместе со мною в странствование и жить вместе в пустыне, что бы ты сказал на это?» Платон: «О, возлюбленный друг мой, если бы ты решился на это, я сейчас же с радостью готов идти с тобою». Тогда Филевич, встав со своего места, торжественно произнес: «Если такова твоя любовь ко мне, что ты ради меня готов уйти даже из этого святого места, то и я перед Богом и перед тобою клянусь моею совестью, что при содействии благодати Божьей готов не разлучаться с тобою до самой своей смерти». Глубоко взволнованные своим решением, оба друга со слезами помолились Богу, прося Его помощи и благословения на новую жизнь.

Оставшись после этого один в своей келье, Платон не переставал ужасаться и удивляться внезапной перемене своих мыслей и столь быстрому исполнению предсказания кузнеца. И когда ему после этого приходилось встречаться с ним, на него нападал такой стыд, что он не смел даже посмотреть ему в глаза, сознавая, что тот сказал ему правду, а он оказался лжецом.

Глава 4

**БЕГСТВО ИЗ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ ЗА
ГРАНИЦУ. НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ И
ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ. ПЛАТОН В
МАТРОНИНСКОЙ ОБИТЕЛИ. ВСТРЕЧА С
ИЕРОСХИМОНАХОМ МИХАИЛОМ. ПЛАТОН
УХОДИТ В МОЛДОВЛАХИЮ**

Алексей Филевич обратился за помощью к двум своим товарищам, ученикам братской школы. Эти ученики были родом из-за границы, и им не трудно было выхлопотать себе пропуск от польских властей на проезд к себе на родину. Ученики нашли за границей какого-то странника, монаха, который взялся устроить бегство друзей из Киева. Сам монах не взялся переводить друзей через границу, но обещал подыскать другого надежного человека, который доведет их до границы, где их встретит сам монах. Подысканный им человек явится в Киев к Филевичу и затем будет ожидать беглецов у Кириллова монастыря. Оттуда он доведет их до условленного места, укажет им дальнейшую дорогу, а сам переедет границу в другом месте и выйдет им навстречу вместе со странником монахом. По условленному свисту они должны были соединиться. Все устроилось согласно этому плану. Около Кириллова монастыря они сели в сани проводника и двинулись в путь. Через несколько времени они достигли места, где дорога разделялась. Здесь проводник оставил их, объяснив им подробно дальнейший путь. Друзья, идя указанною им дорогою, усердно молились Богу сохранить их от всякой беды. Наконец они подошли к усадьбе братского монастыря, известной Филевичу. Свернув влево, они довольно долго шли лесом, чтобы миновать монастырскую усадьбу, но когда снова свернули на дорогу, то увидели, что монастырская усадьба все еще продолжается. В это время увидели перед собою двух человек, по-видимому, из монастырских служителей, которые спросили их, кто они такие, откуда и куда идут. Испуганные беглецы признались во всем. Служители похвалили их доброе намерение и посоветовали продолжать идти той же дорогою, никуда не сворачивая.

Наступила глубокая ночь. Вдруг они услышали впереди условленный свист. Филевич побежал вперед, но скоро вернулся назад и с отчаянием крикнул: «Беда нам! Вместе с монахом и проводником идет мой двоюродный брат, живущий за границей. Он, несомненно, задержит меня и даст знать матери, которая сейчас же приедет сюда и положит конец моему странствованию». Увидя Алексея плачущим, брат стал успокаивать его, хвалил его ревность о спасении души и уверял его, что не сообщит матери о своей встрече с ним и позволит ему идти дальше. Алексей успокоился и перестал плакать. Платон и Алексей пошли впереди, а остальные трое позади них. Когда они уже подходили к границе, вдруг позади появились упомянутые выше монастырские служители, по-видимому, имевшие намерение напасть на беглецов и ограбить их. Не смея напасть на них, стали громко кричать с очевидным намерением привлечь пограничную стражу: «Кто вы такие и откуда? Вы наверно злодеи, уходящие за границу». Услышав эти крики, брат Алексея с палкою в руке кинулся на служителей, а те в испуге побежали назад, громко крича: «Караул!».

Беглецы поспешили вперед, скоро достигли реки, отделяющей русскую землю от польской. Перейдя реку, они укрылись в доме брата Алексея, находившемся у самой речки на польской стороне. Брат Алексея в ту же ночь послал гонца в Киев сказать матери Алексея, чтобы она немедленно приехала взять своего сына. Друзей же он задерживал у себя, угощал их и уверял, что дня через два или через три он их отпустит. Монах, узнав, что их хозяин приходится двоюродным братом Алексея, испугался и скрылся неизвестно куда.

В то время как Платон и Алексей жили у двоюродного брата последнего, пришли к ним и те два ученика Киевского училища, которые помогали им устраивать побег. Скоро приехала мать Алексея. Увидев Платона и считая его главным виновником бегства ее сына, она осыпала его укорами и бранью и хотела даже бить его. С большим трудом удалось ее успокоить, свалив всю вину на того монаха, который помогал им переходить границу. Наконец она успокоилась. Платон и киевские школьники отправились в свой путь, постоянно оглядываясь назад на своего покинутого товарища. Когда они отошли уже на далекое расстояние, Алексей, не выдержав, побежал вслед за ними. Догнав их, он, громко рыдая, упал на землю, бил себя в грудь и умолял не покидать его. В это время вдали показались брат Алексея и другие люди, верхом на лошадях, поспешавшие к беглецу. Они взяли его и, несмотря на его слезы и рыдания, силою увезли к матери.

Платон и его товарищи скоро достигли Матронинской обители, где были радушно приняты настоятелем. Это было в самом начале Великого Поста 1742 года. Живя в обители, Платон скоро

узнал, что в этой же обители в скиту временно проживает старец высокой духовной жизни иеросхимонах Михаил. Иеросхимонах Михаил особенно полюбил Платона и давал ему читать духовные книги. Узнав, что старец постоянно живет в Молдовлахии, Платон сказал ему, что он и сам давно уже имеет сильное желание отправиться туда, но до сих пор не имел удобного случая и был бы очень рад, если бы старец взял его с собою. Старец посоветовал ему идти туда скорее, не ожидая старца, и поселиться в скиту Трейстены, который находится недалеко от города Фокшан. Настоятелем в этом скиту состоит ученик старца, и туда же придет потом и сам старец, как только позволят ему обстоятельства. Платон с радостью принял совет старца и стал подыскивать себе попутчиков. Таковыми оказались три монаха Матронинского монастыря: Антоний, Иерофей и Феодул. После Светлого Христова Воскресения старец разрешил им идти, но велел им перед уходом прийти к нему всем вместе в его пустынную келью для последней беседы и молитвы. Видя любовь старца, Платон стал просить его о своем друге Алексее Филевиче, чтобы старец, если Алексей придет в Матронинскую пустынь, принял его под свое попечение и привел его с собою в Молдовлахию. Покрываемые благодатию Божией, они благополучно прошли Украину и, переправившись на лодке через Днестр, вступили в пределы Молдовлахийской земли.

Глава 5

МОЛДОВЛАХИЙСКОЕ МОНАШЕСТВО В XVIII ВЕКЕ. ЖИЗНЬ ПЛАТОНА В ТРЕЙСТЕНАХ. НЕУДАЧА В ПОВАРСКОМ ПОСЛУШАНИИ. ВСТРЕЧА СО СТАРЦЕМ ВАСИЛИЕМ. ПРИБЫТИЕ ИЕРОСХИМОНАХА МИХАИЛА С ДРУГОМ ПЛАТОНА АЛЕКСЕЕМ. ПОВЕСТЬ ОБ УХОДЕ АЛЕКСЕЯ ОТ МАТЕРИ. БЕСЕДЫ о. МИХАИЛА С БРАТИЕЮ. ПОСЛУШАНИЕ ПЛАТОНА В ВИНОГРАДНИКЕ. ПЛАТОН ПРОСЫПАЕТ ЗАУТРЕНЮ. ПРИБЫТИЕ В ТРЕЙСТЕНУ СХИМОНАХА ОНУФРИЯ. ПЛАТОН ПОКИДАЕТ ТРЕЙСТЕНУ И УХОДИТ С ОНУФРИЕМ В СКИТ КЫРНУЛ. ЖИЗНЬ В КЫРНУЛЕ И РЕШЕНИЕ УЙТИ НА АФОН

Платон вступил в Молдовлахийскую землю с чувством глубокой радости и с искренней к ней любовью. В это время Молдовлахия являлась одним из цветущих уголков православного мира. На греческом Востоке православие, стесняемое турками, не могло пользоваться полною свободою. В России монашеская жизнь испытывала притеснения от правительства. Молдовлахия, управляемая благочестивыми господами, была во всех отношениях удобною страной для спокойного существования и процветания православных обителей. Монастыри существовали здесь с давнего времени. В летописях постоянно упоминаются факты построения монастырей господами, боярами и другими состоятельными людьми. При этом жертвователи требовали от монастырей религиозно-нравственной и просветительной деятельности. Так, один из господей, закончив постройку монастыря, под страхом анафемы постановил, чтобы во все годы часть монастырских доходов шла на бедных, больных и рабов, а также на приданое бедным девушкам. В монастырях находились наиболее ценные библиотеки, заключающие в себе много рукописей, в том числе и славянских. Для пополнения этих библиотек существовал любопытный обычай: духовники назначали кающимся, если они были к тому способны, в виде епитимий собственноручно переписать для монастырской библиотеки какую-нибудь книгу. Среди монахов бывало немало людей образованных, и в монастырских документах не раз встречаются имена монахов с эпитетами «учитель» или «ритор». При монастырях существовали не только начальные школы, но и высшие, где преподавались: поэзия, математика, богословие, греческий, славянский и молдавские языки. Молдовлахийские монастыри поддерживали живую связь с православным Востоком и с Россией.

Перейдя границу Молдавии, наши странники пришли в скит святого Киприана, именуемый Кондрица, где были радушно приняты начальником скита. Феодул и Иерофей остались здесь, а Платон и Антоний отправились дальше. Они достигли скита святых Архангелов, по имени

Долгоуцы, который находился под духовным руководством старца схимонаха Василия. Этот скит очень понравился Платону. Здесь было много замечательных подвижников. Таков был, например, отец Рафаил, занимавшийся переписыванием отеческих книг. Он был муж благоговейный и исполненный страха Божия. Другой подвижник монах Досифей, проживавший вдали от скита со схимонахом Тимофеем, был опытен в духовном рассуждении и в толковании отеческих книг. Прожив в этом скиту некоторое время, Платон и Антоний продолжали свой путь. Наконец они достигли скита святителя Николая, именуемого Трейстены, и здесь с любовью были приняты настоятелем иеромонахом Дометием. Здесь Платон в первый раз услышал молитвенное правило по чину святой Афонской горы, совершаемое с большим благоговением и страхом Божиим.

В скиту было до двенадцати братии, живших в общежитии, и около пятнадцати братии, живших отшельниками поблизости от скита и добывающих себе пропитание и одежду трудами своих рук. Здесь Платон также встретил многих замечательных подвижников. Таков был, например, схимонах Протерий, малоросс полтавского полка из местечка Решетиловки. Он любил принимать у себя и угощать странствующих иноков. Он очень любил птиц и приучил их в определенное время слетаться к его келии. Когда Протерий шел в церковь, птицы провожали его до самой церкви, сидя у него на голове и на плечах или летая вокруг него с веселым пением. Когда он входил в церковные двери, птицы улетали на крышу церкви и ожидали его выхода. И как только он появлялся, они снова окружали его и провожали обратно до келий. Видел здесь Платон и другого замечательного отшельника, родом великоросса, у которого был обычай по временам предлагать всем братьям трапезу от своих трудов и обходя умывать им ноги.

В то время, когда Платон и Антоний пришли в Трейстены, братия занималась постройкой келий, причем и сам начальник скита работал вместе с другими. Платона как малосильного не брали в лес на работы и назначили ему послушание в трапезной. Платон заметил, что каждому брату по очереди поручалось готовить обед и печь хлеб, и очень боялся, как бы эта очередь не дошла и до него. Однажды, когда вся братия должна была на несколько дней уйти в лес на работу, начальник позвал к себе Платона и велел ему в эти дни готовить пищу для братии. Платон ужаснулся и сказал начальнику, что он никогда не готовил и не умеет готовить обед. Тогда начальник приставил к нему одного брата, который должен был рассказать ему, что нужно было делать. Платон по неопытности и от волнения перепутал все наставления брата. Когда кушание стало кипеть, он хотел отставить его от огня, но по неловкости опрокинул горшок, обжег себе руки и пролил на пол все, что было в горшке. Со вздохами и слезами он снова приготовил овощи, поставил горшок на огонь и стал опять варить кушание. Между тем пришла из лесу братия и видя, что обед не готов, очень огорчилась и сама доварила обед. Это повторялось не один раз. Когда начальник заметил, что Платон немного обучился поварскому искусству, он решил научить его и хлебы печь. Однажды, когда братия ушла в лес для рубки дров, начальник позвал к себе одного знающего брата и велел ему рассказать Платону, как надо печь хлеб. Брат, подробно все объяснив Платону, налил воды в котел, показал ему корыто с просеянной мукою и горшок с дрожжами и сказал: «Когда вода согреется, влей ее в муку, вылей туда также и дрожжи и меси все вместе». Когда же стал месить, то заметил, что воды было мало, а муки много. Не догадываясь, что нужно было подлить воды еще, Платон старался замесить всю муку, и тесто получилось такое крутое, что даже и пальца нельзя было воткнуть в него, а между тем мука все еще оставалась в корыте. Тогда Платон стал резать тесто ножом на части, обсыпать их мукою и бить скалкой, и он добился наконец того, что муки уже не оставалось в корыте. Тогда Платон опять сложил все тесто в корыто и с большим трудом поставил корыто на печь, чтобы тесто поскорей взошло. Уже и полдень прошел. Из леса пришел один брат узнать, готов ли хлеб. Платон со вздохом ответил ему, что тесто все еще не всходит. Платон рассказал ему, как он готовил тесто, брат улыбнулся и сказал: «Ах ты, глупый! Тебе следовало, когда ты увидел, что воды мало, подлить еще воды или отсыпать муки, а потом уже и месить. Ну, а дрожжи ты положил?» Услышав этот вопрос, Платон весь вспыхнул от стыда и горя; про дрожжи он совсем забыл. Брат сказал: «Не горюй, мы это поправим!» Затем он подогрел воду, вылил ее в тесто и, положив дрожжи, стал размешивать. Объяснив Платону, что делать дальше, брат ушел в лес. Через несколько времени Платон решил, что тесто уже взошло достаточно. Затем, выбрав жар из печи, которая было до такой степени раскалена, что выпускала искры, он посадил хлебы в печь, уверенный, что теперь все пойдет хорошо, но хлебы сразу почернели и пригорели сверху и снизу. Вынув обгорелые хлебы из печи, Платон со страхом стал ожидать возвращения братии. Когда наконец братия пришла, Платон со стыдом упал к ногам их и со слезами просил прощения. Начальник и братия не стали укорять его и, взяв один хлеб, разрезали его, но он оказался никуда не годным. Тогда они сварили мамалыгу и

этим пообедали. Платона же уже не заставляли печь хлеба. Рассказав в своих записках об этих неудачах, Паисий прибавляет: «Все это я рассказал о себе с той целью, чтобы приходящие в наше общежитие не унывали, видя свою неопытность в каком-нибудь деле и помнили, что при помощи Божией и при усердии они могут достигнуть успеха во всяком деле».

Вскоре после этого пришел в Трейстены из скита Долгоуцы монах Досифей. Увидев Платона, он подозвал его к себе и сказал: «Я хочу предупредить тебя, что у нашего общего духовного наставника схимонаха Василия был ученик по имени Паисий, умерший три года тому назад. Этот ученик с детства вырос при старце, и старец очень любил его и, нуждаясь в священнике, убедил его против воли принять священство раньше установленного для этого возраста. Когда же ученик умер, старец много скорбел и плакал о нем частью потому, что потерял любимого ученика, а частью потому, что лишился священника. Скоро старец Василий придет сюда для посещения братии. Когда он увидит тебя, то наверно захочет взять тебя к себе. Он будет уговаривать тебя идти к нему жить, а потом станет принуждать и к принятию священства. И если ты его слушаешь и сделаешься священником раньше установленного возраста, то ты потом во всю свою жизнь не найдешь покоя своей совести. Поэтому я советую тебе: если ты надеешься остаться верным правилам Церкви, то можешь переходить на жительство к святому нашему старцу, а если не надеешься, то тебе следует до установленного для священства срока пожить где-нибудь в другом месте, а потом уже переходить на жительство к старцу».

Поблагодарив старца Досифея за наставление, Платон признался ему, что, сознавая свое недостойство, он хочет до самой смерти не принимать священства.

Вскоре после этого в скит действительно пришел схимонах Василий. Он обратил внимание на Платона и поручил начальнику уговорить Платона перейти на жительство к нему в Поляно-Мерульский скит. Платон, помня слова Досифея, отказался от предложения старца. Поняв причину отказа, старец Василий велел передать Платону, что он не будет принуждать его преждевременно принимать священство. На это Платон ответил, что он решил в душе своей и по достижении установленных лет до самой смерти не принимать на себя столь страшного и ответственного служения. Услышав это, старец перестал настаивать на своем предложении. Это обстоятельство и было причиной того, что Платону, как он сам об этом пишет, не пришлось пожить со старцем Василием в его скиту, хотя он очень этого хотел. Но вот пронеслась радостная весть, что приближается к скиту иеросхимонах Михаил со своими учениками и что с ним идет и друг Платона, Алексей Филевич.

После трапезы Платон отозвал в сторону своего друга и просил его рассказать подробно, как удалось ему выйти из своего отечества. Алексей рассказал Платону следующее: «После того как мы расстались с тобой и мать увезла меня домой, на меня напала такая тоска, что я даже заболел. Я не переставал со слезами молить Бога вывести меня из мира, как Он сам знает. И вот по устроению Божию пришел ко мне, узнав о моей болезни, один из моих друзей — Алексей Елис. В разговоре он сказал мне, что и сам хочет сделаться монахом. По его совету я стал скрывать от матери свою печаль, и она очень полюбила моего друга, думая, что под его влиянием я стал забывать о монашестве. Когда пришла весна, мой друг нашел одного странника монаха и, открыв ему наши намерения, просил его помочь нам. Монах посоветовал купить лодку и обещал доставить нас лодкою до Матронинского монастыря. Мы купили лодку, запаслись разными вещами на дорогу и, помолившись в церкви святителя Николая, отправились в путь. Все было благополучно, и мы уже проплыли Триполь, как увидели на берегу стражей, которые нас окликнули. Мы испугались, думая, что они нас задержат. Когда мы подплыли к берегу, монах, всмотревшись в стражей, сказал нам потихоньку: «Не бойтесь, это знакомые». Стражи узнали нашего монаха и, поздоровавшись с ним, спросили: «Куда ты едешь?» Он отвечал им: «Я еду в село, принадлежащее Кириллову монастырю, и послан туда игуменом на управление». Тогда стража спросила монаха: «А это кто же с тобою в лодке?» — «А это мои писаря, которых дал мне отец игумен». С этими словами он угостил стражей водкой, которая была им захвачена для такого случая, и даже отлил им немного в их посуду. Затем он предложил им хлеба и других припасов и дал немного денег. Стражи остались очень довольны и отпустили нас с миром. Мы же со слезами возблагодарили Бога, избавившего нас от этой опасности. Через несколько дней мы достигли места, где должно было окончиться наше плавание. Мы продали лодку местным жителям, а сами отправились сухим путем к Матронинскому монастырю, который был уже недалеко. Старец Михаил, увидев нас, обрадовался и принял на себя заботу о всех наших духовных и телесных нуждах. При помощи Божией мы потом благополучно прошли Украину и пришли в эту благословенную страну, в этот святой скит Святителя и Чудотворца Николая, где я с неописанною

радостью вижу и тебя, моего возлюбленного друга, и со слезами благодарю Бога, приведшего меня жить вместе с тобою в этой святой обители».

Живя вместе со своим другом в скиту, Платон с удивлением заметил, что тот, будучи всегда очень хилым и слабым, теперь стал быстро крепнуть силами, так что мог легко исполнять самые тяжелые работы: носил, например, из леса бревна такой тяжести, что Платон ужасался. Со дня прибытия своего друга Платон все время ожидал, не заговорит ли тот о принятом ими решении, скрепленном клятвою, поселиться вместе и поддерживать друг друга в монашеском подвиге. А между тем он ни одним словом не напоминал Платону о данном ими друг другу обещании. Это молчание очень огорчало и удивляло Платона, но сам он не решался напомнить Алексею об их клятве. Когда наступил пост Успения Пресвятой Богородицы, старец Михаил постриг в рясофор Алексея Филевича и его двух друзей. Платон радовался, видя своего друга принявшим первое пострижение.

Вскоре после этого начальник скита назначил Платону новое послушание — стеречь скитский виноградник. При этом он дал ему такое правило: он может есть виноград сколько угодно, но только съев предварительно хотя бы кусок хлеба. Платон по целым дням ел виноград и до такой степени пристрастился к нему, что уже ничем другим не хотел питаться и за трапезой ничего не ел, так что даже ослабел и осунулся лицом, как бы после какой болезни. И только после сбора винограда Платон снова стал вместе со всеми есть за трапезой и сделался здоров по-прежнему.

Еще до сбора винограда начальник поместил Платона в новую келью. Живя в этой келье, Платон однажды так крепко заснул, что не слышал звона к заутрени, а день был воскресный. Когда он проснулся и пришел в церковь, то оказалось, что уже прочитали Евангелие и начали петь канон. От стыда Платон не посмел войти в церковь и, горько плача, вернулся назад в свою келью. Не пошел он и к литургии и, отойдя подальше от своей кельи, сидел на земле и плакал. Когда отошла литургия и наступило время трапезы, старец и начальник, и братия, заметив отсутствие Платона в церкви, чего раньше никогда не бывало, удивлялись этому. Наконец, старец сказал: «Отцы и братия, прошу вас ради Господа, потерпим немного с трапезою, пока узнаем, что сделалось с братом нашим Платоном». И тотчас же послал одного из монахов, Афанасия, писца отеческих книг, к Платону. Афанасий с трудом отыскал плачущего Платона. После долгих увещаний он едва смог объяснить Афанасию причину своего горя. Афанасий стал утешать его, уговаривал успокоиться и идти с ним в скит к братии, которая без Платона не хочет начинать трапезу. Платон сквозь слезы отвечал: «Как же я пойду к святым отцам и с каким лицом я покажусь им после такого великого греха на вечное мое посрамление перед Богом и перед людьми!» Афанасий продолжал убеждать его и, наконец, уговорил идти. Платон шел, обливаясь слезами. Когда же пришел в скит и увидел старца и братию, сидящих за трапезою и ожидающих его прибытия, он со стыдом и трепетом упал на землю и рыдал неутешно. Тогда и велели и Платону сесть вместе с ними, Платон же от великого стыда и горя не мог ничего есть. И только по окончании трапезы съел немного хлеба. Когда после трапезы Платон ушел к себе, старец Михаил, обращаясь к братии, особенно молодым, сказал: «Видите, какую ревность и какую жгучую скорбь проявил этот юный брат! Да будет он вам всем примером усердного посещения церковного правила. Невольно пришлось ему пропустить молитву, и как он опечалился! Как горько скорбел и плакал! Он даже и хлеба лишил себя, и света солнечного не хотел видеть от великой болезни и сокрушения сердца! Молитесь и вы от всей души, да даст Господь и вам всем такую же ревность и печаль огненную по Боге!» С этих пор до конца своего пребывания в скиту Платон никогда не ложился для сна на кровать, но, сидя на скамейке, засыпал.

В октябре пришел в Трейстены схимонах Онуфрий из скита святого Архистратига Божия Михаила, называемого Кярнул, находившегося в горах, вверх по реке Бузеу. Он много рассказывал о своей жизни в горах, о красоте своего места, о его здоровом воздухе и его здоровой воде и своими рассказами пробудил в Платоне желание пожить со старцем Онуфрием в его пустыне. Вместе с Платоном решили отправиться в Кярнул и несколько других молодых монахов. Старец Михаил благословил их идти и дал им на всю зиму руководителя, своего давнего ученика иеромонаха Алексея. Иноки двинулись в путь. Они шли «превеликими» лесами, высокими горами и глубокими долинами и на третий день достигли скита Кярнул, где были приняты с любовью. На другое утро начальник скита отвел им и келью каждому особую. Устав скита был по чину устава скитов Афонской горы: по воскресным и праздничным дням братия собиралась вместе на церковную службу. По окончании литургии вместе трапезовали и до вечерни проводили время в духовной беседе, а после вечерни расходились по своим кельям, где каждый совершал свое правило в уединении.

Проживая в этом скиту, Платон и его товарищи приходили в назначенное время к иеромонаху Алексию, и тот иногда читал им что-нибудь из отеческих книг, разъясняя смысл прочитанного, иногда же просто беседовал с ними о различных духовных предметах. Это был муж кроткий, смиренный, братолюбивый, имевший дарование утешать своими словами самое скорбящее сердце. Иногда он ходил со своими учениками к пустыннику Онуфрию, жившему на горе, далеко от скита, в уединенной келье. Путь к нему шел прекрасным лесом, а его келья стояла на краю горы, откуда открывался чудный вид на окрестные долины, горы и ущелья, покрытые непроходимым лесом. Пониже его кельи струился источник чистой воды, куда он сходил по ступенькам черпать воду.

С отцом Алексием старец Онуфрий много беседовал о страстях душевных и телесных и о страшной и неотдышной мысленной брани с бесами, о их невообразимых кознях и ухищрениях. «И если бы, — говорил он, — не защищал своих людей Человеколюбец Христос, не спасся бы воистину никто из святых. Но кто припадает ко Христу с верою и любовью, со смирением и слезами, тому подаются неизреченные утешения, мир и радость, и любовь к Богу горячая. Свидетелями тому являются нелिцемерные слезы от великой любви, самоукорение, смирение и постоянное благодарение Христу, так что от любви к Богу человек делается нечувствительным к благам мира сего». Слушая его, Платон все более и более разгорался любовью к пустынной жизни. Он начинал все глубже понимать монашеский путь, становился все серьезней и строже к себе. Под влиянием охватившего его чувства он уходил в уединенные места, падал на землю, бил себя в грудь и со слезами просил помощи у Христа, принося ему свои обеты. В своей келье он предавался усердной молитве и чтению отеческих книг, ежедневно испытывая свою совесть, скорбя о своих грехах и немощах и ежедневно полагая начало своего исправления перед Богом.

Уже приблизилось и лето, как вдруг пришло от старца Михаила приказание иеромонаху Алексею возвратиться к нему. Вместе с отцом Алексием ушли в Трейстены и некоторые из друзей Платона. Вскоре после этого начальником скита сделался брат старца Онуфрия Варфоломей. Варфоломей относился к братии очень заботливо и устроил для ее приема большую новую келию, куда братия часто собиралась для духовной беседы, а иногда и для общей трапезы. Весною Платон устроил себе маленький огород, насадил немного фасоли, бобов и луку. Но лук почти не уродился, бобы хорошо уродились, но их поели мыши, а фасоли Платон собрал одну коробку. Платон приобрел себе необходимые орудия для выделывания ложек и стал уже привыкать этому рукоделию, но мало занимался им, не имея человека, который побуждал бы его к тому. Перезимовав в скиту и дождавшись лета, Платон с благословения начальника отправился в новое странствование. К сожалению, на этом месте обрываются собственноручные записки старца Паисия.

Судя по некоторым местам в письмах старца, видно, что он побывал в это время в обители Рождества Пресвятые Богородицы в Молдавии, а также и в Нямецком монастыре. К 1746 году в нем уже сложилось твердое решение переселиться на Афон. Что побудило его решиться на этот шаг? Он сам объясняет свое решение тем, что он опасался, как бы молдавские старцы не посвятили его против его воли в сан священника, ужасавший его своей высотой и ответственностью. Но нельзя не видеть в этом и действия промысла Божия. Господу угодно было подвергнуть будущего великого старца тяжкому испытанию бедственной уединенной жизни на Афоне, и дабы он положил там начало и своему общежительному братству. В Молдавии сильно чувствовалось влияние Афона, здесь Платон впервые услышал Богослужение, совершаемое по Афонскому чину, встретил странников монахов, посещавших Святую Гору и много о ней рассказывавших. Все это с особенной силой привлекло его душу к Афону. Афонская гора с ее вековыми преданиями, с ее суровой и величественною природою, высокими подвижническими примерами и хранилищами святоотеческой письменности явилась для него привлекательным местом для нового периода его жизни. Принимая во внимание все сказанное, жизнеописание старца говорит по поводу его переселения на Афон: «Кто может уразуметь пути Господни? И кто знает советы Его? Божественным Своим Промыслом Он взял его из отечества, провел его через многие страны, чтобы он там собрал себе духовную куплю многое богатство духовное, и привел его, наконец, во Святую Гору Афонскую, чтобы и здесь продолжая куплю, он еще более увеличил свое духовное богатство, а потом дал бы его и всем ищущим у него духовного наставления. Господь сделал его подражателем преподобного Антония, подобно ему, малороссиянина. И как преподобный Антоний, странствуя, пришел во святую гору Афонскую, где принял и святой ангельский образ, и пожил там много лет, и сподобился великих дарований духовных, и был потом возвращен в свое отечество, чтобы и здесь насадить и умножить монашеское жительство,

так и блаженный Паисий, обогатившись небесным богатством, возвратился туда, откуда вышел в Молдавию, да обновит обветшавший монашеский чин, да восстановит падшее общее житие и насадит в нем триблаженное послушание, просветив учением своим во тьме неведения сидящих, вразумит исправлением и новым переводом с греческого языка на свой отеческих и богословских книг».

Обратимся же теперь к рассмотрению этого важнейшего периода в жизни старца Паисия.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

УЕДИНЕННАЯ ЖИЗНЬ СТАРЦА ПАИСИЯ НА АФОНЕ И НАЧАЛО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО БРАТСТВА

(1746—1763)

Глава 1

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПЛАТОНА НА АФОН. ПРИРОДА АФОНА, ЕГО СКИТЫ И МОНАСТЫРИ. ПРОШЛОЕ АФОНА. ЗАСЛУГИ АФОНА В ДЕЛЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. БЕДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АФОНА В ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

С переселением на Афон оканчивается для Платона период послушничества и начинается период одинокого самостоятельного подвига. Спутником Платона в его путешествии по Афону был иеромонах Трифон. Они отправились в путь с несколькими медными монетами в кармане, но бедность их не смущала. В Галаце они сели на корабль, который доставил их в Царьград, а оттуда они прибыли на Афон и 4 июля, накануне памяти преподобного Афанасия Афонского, вступили в его святую лавру.

Святой Афон! Как много исторических воспоминаний, мыслей и чувств вызывают в душе православного человека эти два слова! «Царственной и божественной горе, превосходнейшей всех гор во вселенной», по выражению греческого императора Алексея Комнина, с древних времен привлекала к себе христианских подвижников и стала центром духовного просвещения на православном Востоке. Афонская гора составляет одну из трех ветвей так наз. Салоникского или Халкидинского полуострова. Длину Афонской горы определяют в 80 километров, ширину в разных местах от 12 до 20 километров. На южной оконечности горы возвышается, уносясь за облака, громадная вершина из белого мрамора. Это, собственно, и есть столь известная еще в языческой древности гора Афон. От нее впоследствии и весь полуостров получил свое название. Высота вершины над уровнем моря по отвесной линии равна двум километрам. Почти вся гора за исключением южного пика покрыта роскошной растительностью. Здесь растут лимоны, апельсины, груши, орехи и каштаны и разводятся виноградники. Особенно хорошо возделан восточный склон Афона. Горные ручьи снабжают Афон прекрасною водою. Морской ветер умеряет летний зной. Снег выпадает редко и держится недолго. Птиц на Афоне мало. Зверей почти нет. При всей красоте Афона на нем лежит печать какой-то грусти и даже суровости. Громадные горы и глубокие пропасти поражают своим величием и делают самое путешествие по горе затруднительным. Особенно величественна и недоступна местность у главной вершины Афона, так что туда редко заходят и паломники. По мере подъема в гору климат изменяется, и на половине горы путник уже не встречает лимонных и апельсиновых деревьев, а по хребту горы растут уже сосна и ель. Вершина Афона совсем лишена растительности. Там нельзя найти и маленького кустика, и только краса Афона, так называемый «неувядаемый цветок» Божьей Матери, растет по этим заоблачным высям, разливая благоухание. Дивный вид открывается с вершины Афона. На западе величественный Олимп, на котором сиял своею святою жизнью преподобный Иоанникий Великий, красуется над Салоникским заливом; вдали синют горы Македонии. А длинная цепь Афонского хребта тянется к перешейку в живописных волнах густой

зелени. И вся гора в совокупности действительно представляется имеющей форму креста, как это заметил еще святой Афанасий Афонский. Верхушка Афона представляет небольшую площадку, почти всю занятую храмом во имя Преображения Господня. Длина храма вместе с притвором не более шести метров. Жутко стоять на этой головокружительной высоте, у края отвесной скалы, внизу которой далеко под ногами плещется безбрежное синее море. Вся гора усеяна, точно звездами, белеющими среди зелени многочисленными монастырями, скитами, пустынными кельями и коливами. Афонские скиты — те же монастыри, но находятся на землях других монастырей и от них зависят. Кельи — небольшие скиты или просто отдельные домики с церковью, принадлежащие монастырям, где живут небольшими группами монахи. Коливы — кельи без церкви.

Монашеская жизнь началась на Афоне с глубокой древности. Сама Царица Небесная осветила Афон своим посещением. В VII веке император Константин Погонат, ввиду постановления VI Вселенского собора о выселении монахов из городов в пустыни, предоставил во владение монахов весь Афон, как место очень удобное для монашеской жизни. Число иноков здесь быстро возрастало, в X веке там было уже 180 обителей, а в XVI веке во всех монастырях было более 18 тысяч иноков, не считая скитских, о которых повествователь говорит: «Тех множество исчислить мы не можем, число их Бог весть». С первых времен своего возникновения монашеский Афон обособился в своеобразный мир, сохранивший в себе все оттенки времен Комнинов и Палеологов и как бы забытый на своем пустынном полуострове. Вглядываясь в этот своеобразный мир, видишь в нем много странного и любопытного: с одной стороны, строгость предания в канонах и обычаях, с другой — полная независимость, какую едва ли можно еще где-либо встретить. Верный своему назначению, Афон почти всегда был высшею школой монашества, хранителем чистоты веры и благочестия для всего православного Востока. Сюда приходили из всех православных стран поучиться монашеской жизни и христианской мудрости. Впрочем, не одни монашеские подвиги, молитва, пост и самоусовершенствование составляли занятие афонитов. Почетное место в их жизни было отведено и книжным трудам, которые при условиях здешней жизни могли развиваться с особенным успехом. Афон стал центром всей учености христианской Византии. Появление на Афоне славянских монастырей дало толчок переводческой деятельности. Монахи отыскивали греческие рукописи, сличали их одну с другой, переводили на славянский язык, списывали во множестве экземпляров и снабжали ими не только афонские обители, но и Болгарию, Сербию, Молдавию, Валахию и Россию. Известный путешественник по христианскому Востоку Василий Григорович-Барский в половине XVIII века видел афонские библиотеки и удивлялся их богатству и редкости попадавшихся в них книг. Так в одном монастыре он видел «Многоценную и многой похвалы достойную псалтирь, юже глаголют тамошние иноки, яко есть псалтирь Златоустова, не вем, каковой ради вины, или яко стяжа ю в животе своем и употребляюще в чтении или яко своею рукою написа ю, неизвестно о сем, ибо никакогого на листах о сем подписания или знамения нет». В настоящее время в библиотеках Афона хранится свыше 10 тысяч рукописей разнообразного содержания, относящихся к эпохам не только христианской, но и дохристианской... И эти рукописи еще недостаточно исследованы и изучены. Однако не во все времена духовное просвещение и подвижническая жизнь стояли на Афоне на одинаковой высоте... Те годы, когда прибыл на Афон старец Паисий, были как раз временем упадка духовной жизни на Афоне. То же самое говорит и Григорович-Барский, который указывает и причину упадка — притеснения со стороны турок. Разоряемые турецкими властями, монастыри беднели и входили в неоплатные долги. Монахи расходились из своих обителей, и цветущие монастыри оставались на произвол судьбы. Особою причиною тяжелого положения иноков славянского племени было недружелюбное отношение к ним греков. Барский пишет, что греки довели наших соотечественников до того, что они вынуждены были «семо и овамо по горам скитаться, и от труда рук своих зело нужно и прискорбно питаться, от всех презираемы. Лиси язвины имут и пшцы гнезда своя, россы же не имут, где главы приклонити на столь прекрасном, уединенном и иноческому житию весьма приличном месте».

Глава 2

ПРИБЫТИЕ ПЛАТОНА В ПАНТОКРАТОР. ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ. ЖИЗНЬ В УЕДИНЕНИИ. НОВАЯ ВСТРЕЧА СО СТАРЦЕМ ВАСИЛИЕМ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ

**ПАИСИЯ. ПОСТРИЖЕНИЕ В МАНТИЮ.
ПРИБЫТИЕ ВИССАРИОНА И ИХ СОВМЕСТНАЯ
ЖИЗНЬ. НОВЫЕ УЧЕНИКИ СТАРЦА.
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В КЕЛЬЮ СВ. КОНСТАНТИНА.
РУКОПОЛОЖЕНИЕ ПАИСИЯ В САН
СВЯЩЕННИКА. УМНОЖЕНИЕ БРАТИИ.
ПРИБРЕТЕНИЕ КЕЛЬИ СВ. ПРОРОКА ИЛЬИ И
УСТРОЙСТВО В НЕЙ СКИТА. КЛЕВЕТА НА
ПАИСИЯ И ЕЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ**

Отдохнув несколько дней в лавре преподобного Афанасия, Платон и его спутник отправились в дальнейший путь на север к монастырю Пантократор, около которого проживали, как им было известно, иноки славянского племени. Путь к Пантократору трудный — гористый и каменистый. Вскоре по выходе из лавры от сильного зноя они вспотели, потные расположились на отдых в лесу на холодных камнях. Потом пили холодную воду и в один день схватили жестокую афонскую лихорадку. Больные пришли они в Пантократор, где и отыскивали своих братии. Те обрадовались землякам и, думая, что они заболели от плаванья по морю, не придали сперва значения их болезни, но когда узнали, что странники заболели на Афоне, то испугались, уверенные в их неизбежной смерти. Они стали растирать больных горячим спиртом и после долгих усилий едва оттерли Платона. Иеромонаха же Трифона не могли спасти. Он скончался на третий день после своего прибытия в монастырь. Платона заставляли против воли принимать пищу и пить вино. От непривычки к вину его вырвало. Его снова заставили пить вино, и снова его вырвало. Это рвота была для него спасительна. Через несколько дней он совершенно оправился от болезни и поселился в одной из келий недалеко от братии.

Понемногу Платон стал знакомиться с соседними обителями. Он обходил окрестных монахов и пустынников, желая найти себе духовного наставника, сведущего в отеческих писаниях и живущего в безмолвии и нищете. Но такого наставника он не мог найти, и Платону пришлось жизнь в одиночестве. Тогда началось самое трудное время в жизни Платона. Это было время крайней нищеты и беспомощности, тяжелой внутренней борьбы и многих слез. Четыре года прожил Платон в таком положении, и эти годы превратили робкого и застенчивого юношу в опытного и сильного мужа. Платон проводил свое время в постоянном чтении и пении псалмов, в изучении Священного Писания и творений святых отцов и в сердечной молитве. Он старался укоренить в себе глубокое смирение, постоянное самоукорение, сокрушение сердца, обильные слезы, любовь к Богу и ближнему, память о смерти. Впоследствии он писал об этом времени: «Когда я пришел во святую гору из моего православного отечества, я находился в такой нищете, что не мог уплатить три гроша долгу пришедшим со мною братьям. При моей телесной немощи я поддерживал мое бедственное существование одними подаяниями. И если бы только святые отцы славянского племени, находившиеся на святой горе, не помогали мне, я никак не мог бы здесь существовать. Много раз зимою ходил я босиком и без рубашки, и такое мое существование продолжалось до четырех лет. Когда мне приходилось или от лавры, или от Хиландаря доползти до бедной моей кельи с подаяниями, или из лесу принести дрова, или сделать какое-нибудь другое тяжелое дело, тогда я по два и по три дня лежал, как расслабленный». Уходя из своей кельи, Платон никогда не запирает дверей, да и нужды не было, потому что у него в келье не было ничего кроме святоотеческих книг, которые он доставал в монастырях болгарских и сербских.

В начале 1750 года прибыл на Афон известный уже нам молдавский старец схимонах Василий. Прибытие на Афон старца Василия имело для Платона большое значение. Старец объяснил ему опасность его уединенного безмолвия, и указал ему необходимость общежительного пути для новонаначального подвижника. «Все монашеское жительство, — говорил он, — разделяется на три вида: первый — общество, второй — именуемый царским, или средним путем, когда поселившись вдвоем или втроем имеют общее имущество, общую пищу и одежду, общий труд и рукоделие, общую заботу о средствах к существованию и, отвергая во всем свою волю, повинуются друг другу в страхе Божиим и любви. Третий вид — уединенное отшельничество, пригодное только для совершенных и святых мужей. В настоящее же время некоторые, вопреки писаниям отцов, изобрели себе четвертый вид или чин монашества: строят каждый свою келию, где вздумается, живут уединенно, предпочитая каждый свою волю и самостоятельно заботясь о средствах существования. По видимости они уподобляются отшельникам, а в действительности являются самочинниками, мешающими своему собственному спасению, ибо избрали путь жизни не по

своей мере и росту. Кто со вниманием просмотрит книгу святого Григория Синаита, найдет, что называется там самочинием, именно это уединенное и необщительное самовольное проживание. Лучше, живя вместе с братом, познавать свою немощь и свою меру, каяться и молиться перед Господом и очищаться вседневною благодатию Христовой, нежели, нося в себе тщеславие и самомнение с лукавством, прикрывать их и питать уединенным жительством, которого и следа, по слову Лествичника, им нельзя видеть вследствие их страстности. И великий Варсонофий говорит, что преждевременное безмолвие бывает причиною высокоумия». По просьбе Платона старец постриг его в мантию с наречением ему имени Паисия.

Спустя три месяца после пострижения Паисия в мантию к нему пришел из Молдовлахии юный монах Виссарион. И стал со слезами просить его дать ему наставление для спасения души и указать ему опытного в духовной жизни руководителя. Глубоко вздохнув, Паисий заплакал и немного помолчав, молясь внутренне, сказал: «Брат, ты вынуждаешь меня говорить о печальных вещах, ты причиняешь боль моему скорбному сердцу. Я сам, как и ты, с великим усердием искал себе наставника и не нашел. От этого я испытывал, да и теперь испытываю великую скорбь. А потому, сочувствуя тебе, видя тебя охваченным крайнею печалью, скажу тебе немного по силе моего слабого разума. Спасение души, о котором ты меня спрашиваешь, не может быть достигнуто без помощи истинного духовного наставника, который и сам понуждает себя жить по заповедям Божиим, согласно слову Господа: «Иже сотворит и научит сей велий наречется». И действительно, как можно вести кого-нибудь по тому пути, по которому сам не ходил? Нужно самому до крови бороться против всех страстей душевных и телесных, победить при помощи Христа похоть и гнев, исцелить смиренномудрием и молитвой разумное начало души от безумия и гордости, покорить сластолюбие, славолубие и сребролюбие и все прочие злые страсти, имея в этой борьбе своим вождем и начальником Господа нашего Иисуса Христа по сказанному: когда изведен был Иисус в пустыню, постом, смирением, нищетою, бдением и молитвою и словами Священного Писания отразил сатану и этим дал победный венец на главу нашего естества, уча и подавая нам силу побеждать диавола. И тот, кто во всем этом со смирением и любовью последует своему Господу и примет от Него служение врачевать и другие души и наставлять их на заповеди Божий, тот вместе с тем получит от Господа за свое смирение силу побеждать все вышеупомянутые страсти. И когда он достигнет этого, когда по благодати Христовой просияет в нем такое дарование Духа Божия, тогда он в состоянии будет и своему ученику показать на деле без обмана все заповеди Христовы и все добродетели, особенно же главнейшие из них: смирение, кротость, нищету Христову, долготерпение во всем, милосердие сверх силы, горящую любовь к Богу и нелицемерную любовь к ближнему, от которой рождается истинное духовное рассуждение, такой истинный наставник научит и своего ученика за все заповеди Христовы полагать душу свою. И ученик, видя и слыша от своего наставника все вышесказанное и, следуя ему верою и любовию, может при помощи Божией, исполняя советы наставника, преуспеть в заповедях Христовых и получить спасение. Вот какого, брат мой, следовало бы нам найти наставника. Но, увы, мы живем в бедственное время, и эту бедственность предвидели Духом Святым наши Богоносные отцы и от жалости к нам для нашего утверждения предупредили нас о ней в своих писаниях. Так, божественный Симеон Новый Богослов говорит: «Мало таких, а особенно в наше время, которые бы могли хорошо пасти, а особенно врачевать разумные души. Соблюдать пост и бдения, сохранять внешний вид благочестия иные еще могут, могут многие и словами с успехом поучать, но достигнуть того, чтобы смиренномудрием и всегдашним плачем отсечь свои страсти и стяжать главнейшие добродетели, таких очень мало». При этом преподобный Симеон ссылается и на святых отцов, сказавших: «Кто хочет отсечь страсти, плачем их отсекает, и кто хочет стяжать добродетели, плачем их стяжевает». Отсюда ясно, что тот монах, который не плачет повседневно, ни страстей своих не отсекает, ни добродетелей не приобретает, и не может быть причастником каких-либо дарований. Ибо иное есть добродетель, а иное дарование. Подобное же говорит и ближайший к нам отец, российское светило, преподобный Нил Сорский, который, внимательно изучив Божественные Писания и замечая современное бедственное положение вещей и человеческое нерадение, дает в предисловии своей книги такой совет ревнителям: «Необходимо с величайшим трудом искать знающего наставника, если же такового не окажется, то святые отцы повелевают нам поучаться от Божественного Писания и от учения Богоносных отцов по слову самого Спасителя, сказавшего: «Испытайте Писания и в них обрящете живот вечный». И хотя преподобный Нил Сорский говорит это по отношению только к умной молитве, но нужда иметь искусного наставника не менее чувствуется и в деле борьбы со злыми страстями, и в исполнении заповедей Божиих. Итак, брат мой, из всего сказанного видно, что мы имеем крайнюю нужду со

многую печалью и со многими слезами день и ночь поучаться в божественных и отеческих писаниях и, советуясь с единомысленными ревнителями и старейшими отцами, учиться выполнять заповеди Божий и подражать примеру святых отцов наших и только таким путем милостью Божией и собственными трудами мы можем достигнуть спасения». Виссарион упал к ногам Паисия и стал со слезами молить принять его к себе в ученики. Паисий был глубоко смущен этою просьбой. Он желал бы и сам сделаться учеником, если бы только мог найти для себя опытного руководителя. Три дня неотступно просил Виссарион Паисия позволить ему жить с ним. Тронутый, наконец, слезами и смирением Виссариона Паисий уступил и согласился принять его к себе, но не как ученика, а как друга, чтобы вместе идти средним путем, открывая друг другу волю Божию, кому Бог подаст больше разумения в Священном Писании, побуждая друг друга к исполнению заповедей Божиих, и на все доброе, отсекая друг перед другом свою волю и рассуждение, повинаясь друг другу во всем душеполезном, имея одну душу и одно желание, имея общим все необходимое для существования. Исполнилось всегдашнее желание Паисия сожительствовать с единомысленным братом во взаимной любви и послушании. Наставником же и руководителем своим они имели Священное Писание и учения святых и богоносных отцов. Так они стали жить в глубоком мире, духом горя каждый день, полагая новое начало своему духовному возрастанию.

По прошествии четырех лет к ним стали присоединяться новые подвижники, желавшие жить под руководством Паисия. Паисий долго отказывался, указывая на то, что руководить другими есть дело совершенных и бесстрастных, а он и немощен, и страстен. Однако, побуждаемый их неотступными просьбами, а также и просьбами брата Виссариона, оказавшегося очень братолюбивым, Паисий уступил и против своей воли стал принимать сожителей, полагаясь на всемогущий Промысл Божий. Когда к нему присоединились Парфений или Кесарии, прежняя келья стала тесной для четверых и явилась надобность приобрести вторую келью, которая и была куплена недалеко от первой. Когда число братии достигло восьми, тогда решено было приобрести келью святого Константина с церковью, находившуюся на расстоянии двух брошенных камней от первой кельи.

Первые ученики Паисия были из Молдовлахии, и молитвенное правило совершалось у них по-волошки. Когда же перешли в келью святого Константина, стали приходить братья славянского племени, и собралось наконец всего двенадцать человек: семь волохов и пять славян. Тогда стали читать и петь правило в церкви на двух языках: по-волошки и по-славянски. Жизнь их была очень трудная. Об этом сам старец Паисий рассказывает так: «С наступлением зимы, не имея где преклонить головы, так как не было келий, мы начали сами строить при святом Константине пять келий, и кто может изобразить нашу нужду, которую мы терпели в течение четырех месяцев без обуви и без рубашек, почти всю зиму строя келий и таская землю и камень. К тому же еще, когда приходило воскресенье или праздник, вместо отдыха нам приходилось бегать по монастырям за подаванием чуть не голыми, в худых одеждах, дрожа от холода. Тогда ради великой нужды и безмерного труда много раз братия, придя вечером, падала как мертвая и засыпала, не евши. В такой нужде много раз и правило наше оставлялось и вместо повечерия я приказывал прочитать только «Помилуй мя, Боже» и «Верую» и так и спать. Но и тогда мы не оставляли утреню, но по силе своей читали: иногда три кафисмы, иногда же и больше. Вместо же часов Параклис Пресвятой Богородице, а иногда и часы читали. И, что еще скажу? Ради крайней нашей нужды хотели все рассыпаться, если бы премилостивый Христос Господь не укрепил нас своей благодатью в смирении, в терпении, в любви к Богу и друг ко другу» по заповеди Христовой претерпевать и этим все наши трудности преодолевать».

С течением времени явилась крайняя нужда в священнике и духовнике. Согласившись между собою, братья стали умолять своего старца быть для них и священником, и духовником. Паисий и слышать об этом не хотел, говоря, что из-за этого он и из Молдовлахии ушел. Но чем больше он отказывался, тем больше братия со слезами его умоляла, падала к ногам его и приводила многие и основательные причины своего желания. Особенно они указывали ему на то, что, исповедуясь у других духовников, они получают от них советы, несогласные с теми, какие дает им старец, и от этого они весьма расстраиваются своими душами. К просьбам братии присоединились и некоторые старейшие отцы Святой Горы. Они уговаривали Паисия не отказываться, ибо это может вмениться ему в преслушание. Паисий покорился общему желанию и сказал со слезами: «Да будет воля Божия». Рукоположение Паисия состоялось в 1758 году, на 36 году его жизни.

Наконец и в келье св. Константина стало тесно жить умножившейся братии. Тогда с общего совета и согласия отец Паисий выпросил у монастыря Пантократора ветхую и пустую келью

святого пророка Божия Илии и приступил к устройению скита. При помощи некоторых жертвователей и собственноручным тяжелым трудом братия устроила церковь, ограду, трапезу, пекарню, поварню, странноприимницу и шестнадцать келий — все каменное. Провели и воду в скит. Отец Паисий предполагал не иметь в скиту более 15 братии, почему и число келий ограничил шестнадцатью. От келий святого. Константина Ильинский скит находился на расстоянии получаса ходьбы, а от монастыря Пантократора на часовом расстоянии. Ильинский скит удален от больших дорог. В нем царит постоянная тишина и безмолвие. Воздух здесь всегда свежий и здоровый. Почва земли и теплый климат дают полную возможность к разведению всех пород плодовых деревьев. Виноград дает обильный урожай, и церковные вина из него выходят очень хорошие. И старец, и братия надеялись совершенно успокоиться на новом месте своего жительства, но не то оказалось в действительности.

Слух о доброй жизни подвижников распространился по Святой Горе, и многие, приходя в скит и вида здесь во всем особенное благоустройство, скромное, благоговейное и со страхом Божиим предстояние братии в церкви, тихость чтения и пения, воздержанность в словах, благолепие церковных служб, вне же церкви рукоделие со смирением и молчанием, всегдашний искренний мир между братиями, взаимную любовь и отсечение своей воли, послушание старцу, соединенное с верою и любовью, а со стороны старца отеческое милосердие к своим духовным детям, в службах благорассмотрительное определение, в немощах душевных и во всяких нуждах телесных нелицемерное ко всем сострадание и любовь, сами начинали чувствовать желание присоединиться к братству. Они молили старца с горячими слезами не отталкивать их от себя, на что он, хотя и против воли, соглашался, и полагаясь на божественный промысл, даже радовался такой горячей ревности о спасении. А так как келий уже в скором времени не стало хватать для всех вновь поступающих братии, то иные, собравшись по двое и трое вместе, пристраивали себе келейки, как ласточки, внизу к каменной стене, счастливые уже тем, что старец не отстранял их от своего общества. Вся братия усердно занималась рукоделием, и сам старец трудился над изготовлением ложек, а ночи проводил в чтении и списывании святоотеческих книг, уделяя сну не более трех часов в сутки.

Так росло и крепло около старца Паисия иноческое братство и распространялось его доброе влияние и добрая слава по святой горе Афонской. Но одновременно с этим появлялись и враги старца, завидовавшие его славе или подозревавшие его в нарушении церковных правил. В числе таковых был проживавший в скиту Капсокалив со своими учениками некоторый старец Афанасий из молдаван, муж благочестивый и ревнитель веры, но недостаточно осведомленный об учении и образе жизни Паисия. Обвинения старца Афанасия, взводимые им на Паисия, заключались в следующем: Паисий нарушает и сокращает установленное Церковью для монахов молитвенное правило; неправильно толкует писания святого Григория Синаита, неправильно относится к своему духовному отцу, уподобляется римскому папе, который на словах признает заповеди Церкви, а делами их нарушает; устанавливает вместо церковного собственное молитвенное правило, не имеет смирения; доверчиво относится к рукописным греческим книгам, предпочитает философию покаянию и плачу, запрещает проклинать еретиков, заменяет церковное правило молитвою Иисусовою. Все эти обвинения старец Афанасий изложил в обширном послании, отправленном им Паисию. Он убеждает Паисия покаяться и не отделяться от общего обычая Святой Горы. Получив письмо Афанасия, Паисий прочитал его перед братией и затем показал его своему духовному отцу. Вместе со своим духовным отцом он пошел к старейшим соборным духовникам, которые, рассмотрев письмо Афанасия, повелели Паисию написать на него ответ и обличить несправедливые обвинения Афанасия; и если последний не сознает своей вины и не раскается в ней, они решили открыто обличить его на соборе всей Святой Горы.

Исполняя повеления духовников, старец Паисий написал в 14 главах ответ Афанасию, в котором опроверг все его обвинения. В своем письме Паисий между прочим писал следующее о чтении святоотеческих книг: «Прошу тебя, отче, оставь суетное и напрасное твое помышление не читать отеческих книг. Я похваляю ваше житие и ублажаю ваши подвиги, и получаю пользу от пребывания вашего. Но ко всем вашим подвигам необходим и разум, необходимо рассуждение, дабы не напрасен был весь ваш труд. Поэтому, если хочешь сам спастись и ученикам твоим показать путь царский, делание заповедей Христовых, ведущих к Царствию Небесному, то прилепись всею твоею душою к чтению книжному. Оно с вопрошением опытных духовных отцов будет и тебе, и ученикам твоим неложным учителем, наставляя вас на путь спасения. Иначе спастись невозможно. Святой Иоанн Златоуст говорит: невозможно спастись никому, если он не будет часто наслаждаться духовным чтением. И святой Василий Великий говорит: старец да

поучает братию по разуму Святого Писания, а если не так, то он будет лжесвидетелем Божиим и святотатцем. И великий Анастасий Синаит говорит: во всем, что мы говорим и делаем, мы должны иметь удостоверение от Священного Писания, иначе обманываемые человеческими измышлениями, отпадем от истинного пути и впадем в пропасть гибели. И еще: нам необходимо со страхом и любовью поучаться Божественному Писанию и возбуждать себя и друг друга напоминанием слова Божия. Так учат нас и все святые, побуждая к прилежному и усердному книжному чтению. И не говори, отче, что достаточно одной или двух книг для наставления душевного. Ведь и пчела не от одного или двух, но от многих цветов мед собирает. Так и читающий книги святых отцов одною наставляется о вере или о правом мудровании, другою о безмолвии и молитве, иною в послушании и смирении и терпении, иною о самоукорении и о любви к Богу и ближнему и, сказать кратко, от многих святоотеческих книг научается человек житию евангельскому».

Объясняя сокращение своего молитвенного правила, старец Паисий рассказывает о крайней трудности своего первоначального жительства, когда он по два и по три дня лежал, как расслабленный, не будучи в состоянии выполнять установленное правило. «Все это я исповедывал отцу моему духовному и другим старым духовникам и говорил своему духовнику. Так как я по своей крайней немощи не могу держать своего правила, то помысл мне говорит: возвращусь в Россию. Духовник же, укрепляя меня, говорил: нет, чадо, не уходи от Святой Горы, где призвал тебя Бог, там и потерпи немного волю Божию. Правило же твое сколько можешь, столько и держи. Только всегда благодари Бога, и Господь тебя не оставит. И самое твое в немощи и нужде благодарение вменится тебе от Бога вместо всякого правила. И по его совету я держал мое малое правило и жил, радуясь и благодаря Бога в немощи моей, молясь Его милосердию, дабы он укрепил меня до конца моей жизни пребывать на этой Святой Горе Афонской». И на все остальные обвинения Афанасия старец Паисий дал обстоятельные ответы. Ответ Паисия произвел сильное впечатление на Афанасия; он сознал свою неправоту, раскаялся и, придя к старцу, просил у него прощения. И установился между ними мир.

Глава 3

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПАИСИЕВА БРАТСТВА. ВИДЫ МОНАШЕСКОГО ПОДВИГА: ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО, СРЕДНИЙ ПУТЬ И ОБЩЕЖИТИЕ. ОСНОВАНИЯ ИСТИННОЙ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ: ПОСЛУШАНИЕ, НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ, БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЭТИХ НАЧАЛ МОНАШЕСТВА В БРАТСТВЕ СТАРЦА ПАИСИЯ

Познакомимся подробнее со святоотеческими основами Паисиева братства на Афоне. Мы имеем возможность узнать их от самого старца Паисия из его письма к его другу и ученику иерею Димитрию, написанному в мае 1766 году. Он пишет: «Знай, возлюбленный мой друг, что Дух Святой через святых отцов распределил монашеское жительство на три чина: на отшельническое уединенное пребывание; на сожительство с одним или двумя единомысленными братьями и на общежитие. Отшельнический чин требует удаления от людей в пустыню с возложением всей заботы о душе своей и о пище, и об одежде, и о других телесных нуждах на единого только Бога. Его одного только отшельник должен иметь и помощником своим, и утешителем в своей борьбе и в своих немощах душевных и телесных, чуждаясь всякого утешения мира ради любви Божией. Сожительство с одним или двумя единомысленными братьями должно совершаться под руководством старца, опытного в Священном Писании и в духовной жизни, которому ученики обязаны полным послушанием и повиновением душою и телом. Общежитие же, которое, по слову святого Василия Великого, начинается от совместного сожительства не менее, по примеру Спасителя и Его Апостолов, двенадцати братьев и может возрастать до многочисленного собрания, состоящего из людей даже различного племени, заключается в том, чтобы вся собравшаяся во имя Христова братия имела одну душу, одно сердце, одну мысль и одно желание работать вместе Христу через исполнение Его божественных заповедей, и друг друга тяготы носить, повинуюсь друг другу в страхе Божиим, имея во главе своего общежития отца и наставника, настоятеля обители, опытного в объяснении Священного Писания, способного

наставлять и словом, и делом. Сему наставнику братия обязана повиноваться, как самому Господу решительным и совершенным отсечением и умерщвлением своей воли и своего рассуждения, то есть, ни в чем не противясь его заповедям и учению, если они будут согласны с заповедями Божиими и учением святых отцов. Во всех этих трех видах монашеской жизни как установленных Духом Святым, многие святые отцы в совершенстве угодили Богу, просияли, как солнце, духовными дарованиями и оставили нам высокий пример для подражания. И о всех этих трех видах монашеского жительства мы имеем ясное свидетельство Священного Писания. Какой же из этих трех видов монашества нужно предпочесть остальным? Великий наставник монашеской жизни, преп. Иоанн Лествичник, дает совет исходящим из мира в монашество не уклоняться ни направо, ни налево, но идти царским путем. Он говорит, что уединенное пустынное жительство требует ангельской крепости, и новоначальный, особенно побеждаемый душевными страстями гнева и тщеславия, зависти и самомнения, да не дерзает видеть даже и следа пустынного пребывания, чтобы не впасть в иступление ума. В то же время преп. Иоанн Лествичник не советует вступать и в общежитие не потому, что оно бесполезно, но потому что оно требует особенно большого терпения. Всего же лучше идти царским путем, т. е. иметь пребывание с одним или двумя братьями под руководством старца. Такое жительство имеет то удобство, что оно не требует великого терпения, как общежитие, и является более отрадным, нежели пустынножительство. При таком среднем пути приходится повиноваться только старцу, да одному или двум сожительствующим братьям. В общежитии же нужно повиноваться не только отцу своему, но и всей братии до последнего человека и терпеть от них досады, укоризны, поругания и разного рода искушения, быть прахом и пеплом под ногами всех и, подобно рабу купленному, всем служить со смирennemудрием и страхом Божиим, без ропота терпеть крайнюю нужду, свойственную общежитию, и скудость в пище и в одежде.

Смешение различных путей монашеской жизни и преждевременное обращение к пустынножительству неизбежно приводит к самым печальным последствиям. Отвергающий установленный Богом порядок и вместо того, чтобы воспитывать к себе, живя в общежитии, святое и блаженное послушание, через которое приобретает истинное смирение, приводящее к освобождению от страстей, устремляющийся в пустыню и избирающий себе безмолвное и уединенное жительство, подвергается за свою дерзость гневу Божию и, подобно неискусному воину, не научившись в общежитии, и не умея держать в своих руках духовное оружие, и осмелившись отойти от опытных воинов Христовых и наедине вступить в борьбу со своими врагами бесами, вместо победы попущением Божиим терпит поражение, падает перед своими врагами и вскоре бывает совершенно ими умерщвляем. Все это постигает его за то, что он нарушает тот Богопреданный порядок, который установил сам Иисус Христос Своею пречистою жизнью во плоти, и вместо того, чтобы со Христом страдать в общежитии, посягает в гордости своей сразу взойти на самый крест Христов, избрав себе пустыню прежде общежития. Поэтому он уже становится не пустынником, а самочинником, и в результате такого самочинного пустынножительства является не добро, а одна только диавольская прелесть. История монашества показывает, что от такого самочинного и бесчинного жительства великое множество иноков и в древние, и в нынешние времена погибли, будучи прельщены диаволом и помутившись умом; они сами себя уморили различными и страшными видами смерти, отчего да спасет нас всех Христос Спаситель своею благодатию.

Совершенно иному представляется жизнь тех, которые покорно и твердо идут установленным Богом порядком монашеской жизни. В основе этого порядка лежит утвержденное Богом истинное древо жизни, святое послушание. Питаясь плодами этого древа, немощные и новоначальные самоотверженным и совершенным отсечением своей воли и рассуждения убегают смерти и всякой прелести диавольской, неизбежной для самочинников. Общее жительство и святое в нем послушание, являющиеся корнем истинной монашеской жизни, установил на земле для людей Сам Христос Спаситель, показав им и живой пример такого общежития в лице Своем и Своих Двенадцати апостолов, во всем повиновавшихся Его божественным заповедям. Божественное послушание является главною добродетелью небесных сил ангельских. Оно же явилось основанием блаженной жизни первых людей в раю, и когда впоследствии оно было утрачено людьми, Сын Божий по крайнему своему человеколюбию и милосердию в Себе Самом возобновил и восстановил эту добродетель, будучи послушен своему Небесному Отцу даже до смерти, смерти же крестной. Своим послушанием Он исцелил наше непослушание и открыл всем истинно в Него верующим и повинующимся Его заповедям двери небесного царствования.

Подражая примеру Господа в первенствующей Церкви, восемь тысяч христиан жили общежительно, не считая ничего своим, но все имея общим, и ради такого жития они сподобились приобрести и сердце и, душу едину. В таком же общежитии пребывали и древние преподобные отцы наши повсюду и в лаврах, и в монастырях, руководствуясь уставом, составленным устами Христовыми святым Василием Великим, и просияли паче солнца. Никакой другой образ жизни, помимо общежития, с блаженным послушанием не приносит человеку такого преуспевания, не избавляет его так скоро от всех душевных и телесных страстей благодаря смирению, которое рождается от блаженного послушания и приводит человека в его первобытное чистое состояние, обновляя в нем образ и подобие Божие, восстанавливая в нем дар Божий, полученный через святое крещение, а также сообщая ему другие дарования, которых за свое смирение становится причастным по благодати Божией истинный послушник, что он и сам душевным своим чувством может ощущать неоднократно. Общежительное пребывание братии, собравшихся во имя Христово, к какому бы народу или племени они ни принадлежали, соединяет их столь великою взаимною любовью, что все они становятся единым телом и членами друг друга, имея одну общую главу — Христа, горя любовью к Богу, к своему духовному отцу и друг к другу, имея все единодушно и единомысленно одну и ту же цель — усердно исполнять и сохранять заповеди Божий, друг друга в этом поощряя, друг другу повинаясь, друг друга тяготынося, друг другу бывая господами и вместе с тем слугами. Во имя этой святой истинной и едино-мысленной любви они становятся подражателями жизни самого Господа, Его святых апостолов, повинаясь во всем своему духовному отцу, исповедуя ему все тайны своего сердца, принимая его слова и заповеди как бы из уст самого Бога, свою волю и свое рассуждение, противные разуму отца своего, как нечистую одежду, презирая, проклиная и далеко от себя отбрасывая, избегая их, как прелести диавольской, страшась их, как геенны огненной, и постоянно моля Бога, чтобы Он Своєю благодатию избавил их от этой тяготы и помог им всем сердцем обратиться к своему отцу, как дитя к матери, и следовать ему во всем, как овцы пастырю, и повиноваться ему, как произведение своему художнику, ни в чем не поступая по своему рассуждению. Это божественное послушание, будучи корнем и основанием всей монашеской жизни, теснейшим образом связано с общежитием, как душа бывает связана с телом и одно без другого не могут существовать. Послушание есть самая короткая лестница к небу, имеющая только одну ступень — отсечение своей воли, и вступивший на эту лестницу быстро восходит на небо. А кто отпадает от послушания, отпадает от Бога и от небес, как это ясно удостоверяют богоносные отцы наши».

Таковы те святоотеческие основания монашества, на которых старец Паисий основал свое общежительное братство. Они сводятся к полной нестяжательности и послушанию. В какой мере эти основания утвердились в его братстве, на это мы находим в том же письме старца Паисия следующий ответ: «В нашем братстве, — пишет он, — никто не имеет ничего собственного до такой степени, что никому из братии даже и в ум не приходит приобрести что-нибудь лично для себя, ибо они убеждены, что это путь Иуды-предателя. Всякий, принимаемый в братство, обязан и имущество свое, если у него окажется таковое, и все свои вещи, не исключая и самых мелких, положить к ногам старца и братии, передать их Господу, а вместе с ними и себя самого с душою и телом отдать в святое послушание даже до смерти; без этого условия никто не может поступить в братство. Вторым необходимым для поступления в братство условием является отсечение собственной воли и рассуждения и строгое соблюдение во всем благоразумного послушания. Твердо сохраняя эти два основные положения своего общежития, мы стараемся точно соблюдать и все прочие уставы общежительства. Возлюбив Господа и ради любви к Нему ни во что вменив все блага мира, братия все покинула и, взяв крест свой, последовала Господу. Они стараются нести тяготы друг друга, иметь одну душу и сердце, друг друга побуждать к добрым делам, друг друга превосходить верою и любовью к своему старцу. Видя это, я радуюсь душою и со слезами благодарю Бога, что Он сподобил меня видеть таких рабов своих, и жить вместе с ними, и утешаться их лицезрением. Правда, не все в нашем общежитии достигли одинаковой меры духовного возраста, но ведь это иначе и быть не может; одни, и таковых большинство, умертвили свою волю и рассуждение, повинаясь во всем мне и братии, терпеливо перенося и обиды, и укоризны, и разного рода искушения, и притом с такою радостью, как будто они удостоились великой милости Божией. Они исполнены постоянного внутреннего в глубине своего сердца самоукорения и считают себя хуже всех и недостойнее всех. Другие, и таких тоже не мало, падают и встают, согрешают и каются, и хотя с трудом претерпевают укоризны и искушения, но усиливают, не отставая от первых, и усердно со слезами молят Бога о помощи. Наконец, есть и такие, и их не много, которые еще совсем не могут вкушать твердую пищу, т. е. терпеливо

переносить укоризны и искушения. Они нуждаются в том, чтобы их питали молоком милости человеколюбия и снисхождения, пока они не придут в надлежащий духовный возраст терпения. Свои слабости и недостатки они стараются восполнить своим искренним желанием спасения и постоянным самоукорением. Несмотря на различие своего духовного возраста, все братья одинаково проникнуты желанием твердо держаться заповедей Божиих, будучи взаимно связаны неразрывным союзом любви Божией. Ради этой любви, ради своего вечного спасения они великодушно с благодарностью к Богу терпят постоянную скудость во всем, возлагая всю свою надежду на единого Спасителя Бога».

Такое высокое настроение Паисиева братства было бы невозможно, если бы он сам не подавал ему примера и не одушевлял своею безграничною любовью. «Непрестанную скорбь и болезнь душевную имею, — пишет он в том же письме, — с каким лицом предстану Страшному Судии на его страшном судилище и воздам слово о стольких душах братии, предавших себя в послушание мне, немогущему даже и об одной своей окаянной душе дать ответа, видящему во всем свою душевную слабость и немощь, немогущему ни в одном добром деле послужить для братии примером, как того требует моя должность. Только после Бога и Богородицы я, хотя и недостойный, имею несомненную надежду на спасение по молитвам братии, со мною живущих, и не отчаиваюсь, что и на мою душу изольется милосердие Божие. А если и нет, и праведным судом Божиим по своим злым делам я буду осужден на вечную муку, да будет благословен Бог, ибо я достоин этого за мое нерадение о Его божественных заповедях. Только об одном я молю всегда Его благоутробие, чтобы Он по милости Своей за тот мой небольшой труд, какой я когда-нибудь имел и имею о собранных во имя Его братиях, хотя бы той Своей милости меня удостоил, чтобы я сподобился, как богатый Лазаря на лоне Авраама, увидеть моих чад духовных, истинных рабов и страдальцев Христовых в Его Небесном Царстве. И этого мне было бы достаточно вместо всякой награды».

Глава 4

**КНИЖНЫЕ ТРУДЫ СТАРЦА ПАИСИЯ НА
АФОНЕ. ПРИЧИНА, ПОБУДИВШАЯ ЕГО С
ОСОБЕННЫМ УСЕРДИЕМ ЗАНИМАТЬСЯ
ИЗУЧЕНИЕМ СВЯТООТЕЧЕСКИХ КНИГ.
СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСКИХ КНИГ
НА СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ. НЕДОСТАТКИ
СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ СВЯТООТЕЧЕСКИХ
КНИГ. ИСКАНИЕ И ОБРЕТЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ
ПОДЛИННИКОВ И НАЧАЛО ИХ ИЗУЧЕНИЯ.
ВРЕМЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В МОНАСТЫРЬ
СИМОПЕТРУ. НЕВОЗМОЖНОСТЬ
ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРЕБЫВАНИЯ НА АФОНЕ И
РЕШЕНИЕ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ СО ВСЕМ
БРАТСТВОМ В МОЛДОВЛАХИЮ.**

В своем учении о монашеской жизни и устройстве монашеского братства старец Паисий руководствовался писаниями святых отцов Церкви. Но сначала он долго и безуспешно искал для себя живого руководителя-старца. «Когда я ушел из мира, — рассказывает он, — с горячею ревностью усердно работать Богу в монашестве, я не сподобился в начале моего монашества даже следа от кого-нибудь увидеть здоровое и правильное рассуждение, наставление и совет, согласный с учением святых отцов о том, с чего и как мне, неопытному и новонаначальному, начинать мое бедное монашество. Поселившись в одном пустынном монастыре, где по милости Божией я удостоился получить и начало монашеского звания, я не услышал там ни от кого должного разъяснения, что такое послушание, в каком смысле и с какой целью оно установлено и какую оно заключает в себе пользу для послушника. Ни начальник монастыря, ни мой восприемник и старец никакого мне по этому поводу не дали наставления. Постригши меня без всякого предварительного испытания, они предоставили мне жить без всякого духовного руководства. Восприемный мой отец, прожив в монастыре после моего пострижения одну только неделю, ушел неизвестно куда, сказав мне на прощание: «Брат, ты ученый, как тебя Бог научит, так и живи». Оставшись, как овца без пастыря, я начал скитаться там и сям, стремясь найти душе своей пользу,

покой и вразумление, и не находил, за исключением блаженных старцев Василия и Михаила, от которых я получил и монашеское наставление, и великую духовную пользу, но с которыми не мог остаться, опасаясь рукоположения во священство. Так я достиг, наконец, тихого и небурного пристанища Святой Горы, надеясь хотя здесь получить некоторую отраду для души своей. Но и здесь я нашел немного братии нашего российского племени, знающих Священное Писание, т. е. грамотных. Не отыскав желаемого душе моей руководства, я поселился на некоторое время в уединенной келии и, положившись на волю Божию, стал читать понемногу отеческие книги, получая их от своих благодетелей, сербских и болгарских монастырей, и читал эти книги с большим вниманием. Читая эти книги, я как в зеркале увидел, с чего именно мне надлежало начинать мое бедное монашество, я понял, какой великой благодати Божией я был лишен, не находясь в послушании у опытного духовного наставника и не слыша ни от кого наставления об этом предмете; я понял, что мое бедное так называемое безмолвие — не моей меры, что это есть дело совершенных и бесстрастных. Недоумевая, что делать и кому предать себя в послушание, я скорбел и плакал, как дитя плачет по умершей матери».

С этого времени старец Паисий с особенным усердием стал изучать святоотеческую письменность. Правда, он и раньше еще, в раннем детстве, любил читать отеческие книги, но тогда он читал их, не углубляясь в подробности и тонкости их смысла и довольствуясь тем их пониманием, какое непосредственно открывалось его познанию и чувству. Теперь же при более тщательном и постоянном изучении отеческих книг, ища в них не только назидания для себя, но и указания, как строить монашескую жизнь, он заметил в славянских переводах многие погрешности, требовавшие проверки и исправления. И тогда пред ним открылась новая и важная задача заняться пересмотром славянского текста святоотеческих книг и по возможности исправить его, очистив от темных и неясных мест. Вот как он сам рассказывает о начале своих книжных исправлений. «Когда я еще жил на святой горе Афонской, — пишет старец настоятелю Софрониевой пустыни архимандриту Феодосию, — то, зная хорошо из учения и заповедей Богоносных отцов наших, что руководителю братии не следует наставлять и учить по своему единоличному разуму и рассуждению, но нужно держаться истинного и правильного смысла Божественного Писания, как учат Божественные отцы, вселенские учителя, а также учителя и наставники монашеской жизни, просвещенные благодатию Святого Духа, зная при том и свое малоумие и боясь, как бы вследствие моего неискusstва я и сам не упал, как слепец, в яму и других туда не ввергнул, я и решил принять за непоколебимое основание всякого истинного и правильного наставления Божественное Писание Ветхого и Нового Завета и его истинное толкование благодатию Святого Духа, т. е. учение Богоносных отцов наших, вселенских учителей и наставников монашеской жизни, и все апостольские соборные и святых отцов правила, каковые содержит святая соборная и апостольская восточная церковь, а также и все заповеди и уставы ее. Все это я принял как руководство для себя и для братии, чтобы и я сам, и братия, живущие со мною, пользуясь всем этим при содействии и вразумлении Божественной благодати, не отступили ни в чем от здорового и чистого соборного разума святой православной Церкви. И прежде всего я начал прилежно с помощью Божией приобретать с большим трудом и издержками святоотеческие книги, учащие о послушании и трезвении, о внимании и молитве. Одни из них я переписывал своими руками, другие покупал за деньги, которые добывал собственным трудом для необходимых нужд наших, ограничивая себя постоянно и в пище, и в одежде. Мы покупали вышеупомянутые святоотеческие книги, писанные славянским языком, и смотрели на них, как на небесное сокровище, свыше нам от Бога посланное. Когда же я читал их усердно в продолжение многих лет, я заметил, что в весьма многих местах в них оказывается непонятная неясность, в других же местах не замечается даже грамматического смысла, хотя я читал и перечитывал их многократно с большим старанием и рассмотрением, тогда как одному только Богу известно, какая печаль наполнила мою душу, и недоумевая, что делать, я подумал, что славянские отеческие книги можно хотя отчасти исправить по другим славянским же книгам. Я стал своею рукою списывать книгу святого Исихия, пресвитера Иерусалимского, и св. Филофея Синаита, и св. Феодора Эдесского с четырех списков, надеясь, согласовав эти списки, найти в них какой-либо грамматический смысл. Но весь мой труд оказался напрасным, потому что и в полученном мною соединении четырех списков я не мог найти смысла. Книгу святого Исаака Сирина я в течение шести недель день и ночь исправлял по другому списку, который, как мне было сказано, во всем был сходен с греческим подлинником, но и этот мой труд пропал даром. Со временем я понял, что свою лучшую книгу я испортил, исправляя ее по худшей. После этих горьких опытов я увидел, что взял на себя напрасный труд, исправляя славянские книги по славянским же. Тогда я стал

старательно расследовать, отчего происходит такая неясность и такой недостаток грамматического смысла в славянских книгах, и пришел к тому заключению, что на это имеются две причины. Первая причина состоит в неискусстве древних переводчиков книг с эллино-греческого языка на славянский, а вторая в неискусстве и небрежности плохих переписчиков. Убедившись в этом, я потерял всякую надежду найти в славянских переводах правильный и истинный смысл, какой заключается в эллино-греческих подлинниках. Проведя немало лет на Афоне и освоившись с простым греческим языком, я задался мыслью отыскать эллино-греческие отеческие книги и по ним произвести исправление славянских переводов. Я искал во многих местах и неоднократно, но не мог найти. Я ходил в великий Лаврский скит святой Анны и в Капсокаливу, и в Ватопедский скит святого Димитрия и другие лавры и монастыри, повсюду расспрашивая знающих людей, опытных и престарелых духовников и благочестивых иноков, и нигде мне не удалось найти ни одной подобной книги, и от всех я получал один и тот же ответ, что они не только не знают этих книг, но даже и имен их составителей не слыхали. Слушая эти ответы, я впал в совершенное недоумение и изумлялся, как же это в таком святом месте, где жили многие и великие святые, я не только не могу найти желаемых мне отеческих книг, но даже и имен их писателей ни от кого не слышу. И от этого я впал в глубокую печаль. Однако я все-таки не терял надежды на Бога и молил Его, чтобы Он как всемогущий «ими же вестъ судьбами» помог мне найти искомое сокровище. И милосердный Бог не отверг моего пламенного моления и помог мне. Мне удалось, наконец, отыскать желаемые книги, а некоторую часть их даже приобрести в собственность. Произошло это следующим образом. Однажды я шел с двумя братьями из святой и великой Лавры святого Афанасия к великому лаврскому скиту святой Анны и поравнялся с высоким холмом святого пророка Илии, равным по высоте третьей части главной вершины святого Афона. Под этим холмом на возвышенности находится скит святого Василия Великого, основанный недавно иноками, вышедшими из Кесарии Каппадокийской. Скит расположен в бесплоднейшей местности, где нет ни одного источника воды, и потому в скиту не растут ни виноград, ни маслины, ни смоквы, и братия одною только дождевою водою удовлетворяет свои нужды. Пришло нам желание зайти в этот скит, частью для поклонения, частью же для осмотра места, так как мы в этом скиту еще не бывали. Когда мы вошли в скит и сели около церкви, увидел нас один инок и радушно пригласил в свою келью, и пошел приготовить нам чего-нибудь поесть, чтобы подкрепить наши силы после трудного пути. Посмотрев на столик, стоявший у окна, я заметил лежавшую на нем раскрытую книгу, которую монах, как видно, переписывал. Я заглянул в книгу и увидел, что это была книга святого Петра Дамаскина. Невыразимая радость охватила мою душу. Я почувствовал, что нашел на земле небесное сокровище. Когда инок вошел в комнату, я спросил его, каким образом такая драгоценная книга оказалась в его келье? Он ответил мне, что у него имеется еще и другая книга того же святого. На мои дальнейшие расспросы инок сказал, что у них в скиту кроме названных книг можно найти еще книги святого Антония Великого, святого Григория Синаита, святого Филофея, святого Исихия, святого Диодоха, святого Фалассия, святого Симеона Нового Богослова «Слово о молитве», святого Никифора монаха «Слово о молитве», святого Исайи и другие подобные книги. Когда я спросил его, почему я, столь долгое время разыскивавший эти книги, нигде не находил их, он ответил мне, что причина заключается в том, что эти книги написаны на самом чистом эллино-греческом языке, которого теперь, кроме ученых людей, едва ли кто-либо их греков и понимает, а потому и книги эти пришли почти в совершенное забвение. Живущие же в этом скиту иноки, находясь еще на своей родине в Кесарии Каппадокийской, слышали об этих книгах и, придя во святую гору, научились здесь не только простому, но и древнему греческому языку и, отыскав в некоторых монастырях эти книги, переписывают их, читают и стараются по мере сил последовать их учению. Услышав это и чрезвычайно обрадовавшись, я стал усердно просить брата переписать и для меня эти книги, обещая заплатить ему какую угодно цену за его труд. Но инок, будучи обременен перепискою, отказался и повел меня к другому инок, тоже занимавшемуся перепиской. Я стал усердно просить и этого брата переписать для меня книги, обещая дать ему тройную цену. Он же, видя мое горячее желание иметь книги, отказался от тройной платы и обещал мне за обычную цену переписать некоторую часть книги, сколько будет в состоянии и сколько Бог «подаст ему руку».

Таким образом старец Паисий получил, наконец, то сокровище, которого так долго искал и мог приступить к исправлению славянских переводов по их древним греческим подлинникам. Это случилось незадолго (всего за два года) до отбытия старца со Святой Горы в Молдовлахию. Инок, взявшийся переписывать для старца святоотеческие книги, успел приготовить ему к этому времени только часть обещанных книг, и старец, приняв эти книги как великую святыню и дар

Божий, увез их с собою в Молдовлахию, чтобы там воспользоваться ими как для проверки славянских переводов, так и для самостоятельного перевода их с греческого языка. Об этих трудах старца мы скажем впоследствии, когда перейдем к описанию молдавского периода его жизни.

Между тем число братии в Ильинском скиту продолжало возрастать и уже превысило 50 человек. Старец Паисий не знал, что делать, помещения не хватало и для своих братии, а между тем к нему просились все новые и новые ученики. Напрасно он указывал им на недостаток места и на материальную скудость, ничто не помогало. Чем более он с кротостью отсылал их от себя, тем более они с горькими слезами умоляли его не отталкивать их. Уступая их слезам, он принимал их, возлагая всю свою надежду на Бога. Замечая трудное положение старца, некоторые уважаемые афонские иноки, в том числе и патриарх Серафим, советовали ему перейти в более просторный монастырь Симопетру, который в это время был никем не занят, так как братия покинула его вследствие задолженности. Паисий подал прошение собору Святой Горы, который разрешил ему перейти в Симопетру. Старец перешел, взяв с собою половину братии. Но он прожил на новом месте только три месяца. Турецкие заимодавцы, узнав, что в монастыре появились монахи, тотчас же пришли требовать свой долг и насильно взяли у старца 700 левов. Испугавшись других заимодавцев, старец поспешил покинуть Симопетру и вернулся в Ильинский скит.

Положение братии стало еще тяжелее, так как не предвиделось никакого выхода из материальных затруднений. Теснота помещения, скудость средств, постоянное опасение непосильных налогов, а с другой стороны, невозможность отказывать в приеме новым братьям, желавшим проводить монашескую жизнь под руководством опытного старца, побуждали старца искать нового местопребывания. Но куда же он мог переселиться со своим многочисленным братством? На Афоне подходящего места не было. Надо было подумать о какой-либо другой стране, и такой страной могла быть одна только Молдовлахия. Эта страна уже давно была знакома старцу Паисию. С нею у него были прочные духовные связи, половина его братии была из Молдовлахии, там процветали и православная вера, и монашеская жизнь, там были благочестивые правители как духовные, так и светские, которые, несомненно, знали о старце Паисий, относились к нему с расположением и уважением и могли предоставить ему и его братству вполне подходящее убежище. Там его общежительное братство могло вполне спокойно существовать и развиваться.

После долгих размышлений, а может быть и предварительных сношений с влиятельными лицами Молдовлахии, старец и братия решили покинуть Святую Гору и переселиться в благословенную Молдовлахийскую землю. Сам старец в своем письме к иерею Димитрию так говорит о причине своего переселения в Молдовлахию: «Житию во святой Афонской горе самое то место, весьма жестокое и трудное, не способствовало, так как там даже двое или трое, живя вместе, едва могут кровавым потом и большим трудом удовлетворить свои телесные нужды, а тем более такое множество. Кроме того, мы опасались и турецких властей, чтобы они не наложили на наше бедное общество даней, подобных тем, какие платят прочие святогорские монастыри, что, как я слышал от многих, и должно было исполниться. По всем этим причинам и по многим другим, о которых я уже писал тебе, мы боялись, как бы нас не постигло крайнее разорение, достойное многого плача и рыдания, и не пришел бы конец нашему жителству, созданному с немалым трудом и потом. Поэтому, положившись на всемогущего Бога, на всяком месте своего владычества прославляемого, мы и переселились все вместе из Святой Горы в православную молдовлахийскую землю».

Семнадцатилетние подвиги старца Паисия на Афоне не прошли бесплодно для афонитов. Созданный старцем Ильинский скит явился основанием нынешнего благоустроенного Свято-Ильинского скита и заветы старца Паисия нашли свое осуществление в жизни и деятельности позднейших святогорских старцев. Переселением старца Паисия в Молдовлахию заканчивается третий период в жизни старца. Ему в это время исполнился сорок один год. Он выполнил первую половину своего жизненного подвига, собрал большое духовное внутреннее богатство, укрепил и умножил его самостоятельным подвигом, молитвою и чтением святоотеческих книг, достиг высокой духовной зрелости, так что мог стать руководителем и других в духовной жизни, что он и показал устройением своего братского общежития на Афоне. Теперь ему предстояло выполнить вторую половину своего жизненного дела — поделиться с другими собранным им духовным богатством, распространить и утвердить основанное им монашеское общежитие и своим примером и влиянием обновить и углубить духовную жизнь православного монашества. Эту вторую половину своего жизненного дела старец выполнил в последний период своей жизни, который можно назвать периодом «учительства», или «старчества» и который продолжался до

самой его кончины. К рассмотрению этого последнего периода жизни старца Паисия мы теперь и переходим.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАСЦВЕТ ПАИСИЕВА БРАТСТВА В МОЛДАВИИ: ДРАГОМИРНА, СЕКУЛ, НЯМЕЦ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ И КОНЧИНА СТАРЦА

(1763—1794)

«У множества же уверовавших было одно
сердце и одна душа; и никто
ничего из имения своего не называл
своим, но все у них было общее... и
каждому давалось, в чем кто имел нужду"
(Деян. 4, 32, 35).

Глава 1

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В МОЛДАВИЮ. УСТРОЙСТВО БРАТСТВА В ДРАГОМИРНЕ. УСТАВ БРАТСТВА. ПОСТРИЖЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ В СХИМУ. ПОРЯДОК БОГОСЛУЖЕНИЙ. ПОРЯДОК ПОСЛУШАНИЙ. КЕЛЕЙНАЯ ЖИЗНЬ БРАТИИ. ПОПЕЧЕНИЕ СТАРЦА О БОЛЬНЫХ. КНИЖНЫЕ ЗАНЯТИЯ СТАРЦА: ИСПРАВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ КНИГ ПО ГРЕЧЕСКИМ ПОДЛИННИКАМ. ЗИМНИЕ ЗАНЯТИЯ СТАРЦА С БРАТСТВОМ. БЕСЕДЫ И УВЕЩАНИЯ СТАРЦА. КОНЧИНА О. ВИССАРИОНА

Переселение старца Паисия в Молдовлахию оказалось очень полезным для его дела. Если бы старец продолжал жить на Афоне, то, во-первых, прекратился бы рост его братства за недостатком помещения и средств к существованию и, во-вторых, оно не могло бы иметь такого широкого влияния на духовную жизнь православного монашества в Молдавии и в России. Жизнь Паисиева братства на Афоне была подобна жизни деревца в небольшом и тесном питомнике. Деревцо выросло уже настолько, что ему не хватало пищи в его помещении. Оно нуждалось в пересадке в более просторное и удобное для него место. Это место оно и нашло для себя в Молдовлахии. Конечно, перемена места должна была вызвать некоторое расстройство в жизни братства, но это расстройство было временное, и жизнь братства скоро его преодолела и развернулась с наибольшей силой и полнотой.

Приготовившись к отъезду, старец Паисий нанял два корабля и в одном из них поместился сам со славянскою братией, а в другом поместил отца Виссариона с молдавскою братией и двинулся в путь. Всего на обоих кораблях было 64 человека. Путники благополучно достигли Царьграда, а затем и Голаца, откуда 17 лет тому назад старец отправился на Афон. В Молдовлахии старец и братия сначала были помещены в скиту Варзарешти, а затем им был предоставлен монастырь Святого Духа, именуемый Драгомирна в Буковине, со всеми его угодьями, причем воевода Григорий особою грамотою освободил монастырь от всяких даней. Предоставленный старцу монастырь оказался в довольно жалком состоянии. Келий в нем оказался всего пять, трапезная была без крыши, нашлось немного книг, а на скотном дворе было всего только шесть волов. Но монастырь занимал обширное пространство, был расположен в уединенном и безмолвном месте и имел полную возможность постепенно прийти в благоустроенный вид. Поэтому и старец, и братия были очень довольны предоставленным им местом. В скором времени в монастырь стали

поступать щедрые пожертвования от многих благотворителей, пожелавших оказать помощь старцу. Благочестивый воевода построил два ряда новых келий и архондрик. Примеру воеводы последовали бояре: одни жертвовали рабочий скот, другие коров и овец, иные присылали виноград, вино, пшеницу, обувь и одежду. Это общее сочувствие и щедрая помощь глубоко трогали старца и братию и они с радостными слезами благодарили Бога за полученную милость.

Драгомирнский монастырь Святого Духа находится близ города Сочавы и пограничного между Буковиной и Молдавией селения Ицканы и расположен в ущелье Карпатских гор. С внешней стороны он представляет собой настоящую крепость и окружен оградой с башнями, так что мог служить жителям города Сочавы убежищем при нападении запорожских казаков и татарских орд. Время основания монастыря, как и имя его первого строителя, точно неизвестны; обыкновенно думают, что он был основан в 1602 году радоуцким епископом Анастасием Крымкой. Но это не так. Когда по присоединении Буковины к Австрии в конце XVIII века последовало распоряжение австрийского правительства об отобрании недвижимых монастырских имений в Епархиальный фонд и была назначена особая комиссия для приведения их в известность, были открыты две жалованные грамоты молдавского воеводы Петра VII Хромого от 28 марта и 21 октября 1584 года, которыми Драгомирне предоставлялась в вечное и неотъемлемое владение пахотная земля близ селения Костина в Со-чавском округе. Из этого видно, что монастырь уже существовал в конце XVI века. Может быть, затем он пришел в упадок и был снова восстановлен Анастасием Крымкой. Во всяком случае, участие этого епископа в благоустройстве этого монастыря несомненно. В 1602 году он построил в монастыре храм в честь Сочествия Святого Духа, а на одной из башен над монастырскими воротами соорудил церковь во имя святителя Николая и в монастырском саду поставил церковь во имя святых пророков Еноха и Илии и святого апостола Иоанна Богослова.

Поселившись в Драгомирне, старец Паисий в скором времени представил молдавскому митрополиту и его синоду сведения о возникновении своего братства и его устав.

(1). Первый устав и чин наш, неотступно нами соблюдаемый, ни одному из братии никоим образом никакого движимого и недвижимого имущества и ни малейшей вещи не иметь и не именовать своей, но все иметь общее. Ради же порядка настоятель, усматривая нужду каждого брата в пище, одежде и прочем, должен, как отец, заботящийся о детях, давать каждому необходимое, не по самочинному избранию брата, а по послушанию. От такого основания в общежительных братиях возрастает искренняя любовь к Богу и ближнему, кротость, смирение, мир, единомыслие и отсечение воли. Послушание проходится братиею не ради какого-либо временного стяжания, не ради славы, чести и покоя телесного и не ради какого-либо иного человеческого соображения, но единого ради своего спасения. И от этого является в них сердце и душа едина, а мирская зависть, ненависть, гордость, вражда и прочие злобы не имеют где голову подклонить. От osobного же в общежитии имения рождаются всякая злоба и всякое нарушение заповедей Божиих. Придавая первое значение этому правилу, каждому вновь поступающему брату от Священного Писания открываем, что он никоим образом никакого osobного имения не должен иметь до последнего своего издыхания. Все братии единомысленно повинуются этому правилу.

(2). Второй чин, на котором, как думаем, все монашеское житие висит, состоит в том, чтобы стяжать послушание, т. е. всякую свою волю и рассуждение и самочиние оплевавши и вне повергши, волю и рассуждение и заповеди отца своего, согласные со Священным Писанием, всеусердно стараться исполнять, и братии, как самому Господу, а не людям, со страхом Божиим и со смирением до смерти послужить.

(3). Каков должен быть настоятель? Он должен изучить Священное Писание и учение духоносных отцов и кроме их свидетельств ничего от себя не приносить братии, ни учения, ни заповеди, но часто наставлять и открывать волю Божию. Руководствоваться Писанием в назначении послушаний, помня, что Слово Божие и ему и братии есть наставник и путеводитель ко спасению. Должен быть примером смиренномудрия и во всем согласного и единомысленного союза любви духовной. Не сам собою всякую вещь без совета начинать и творить, но собирая искуснейших в духовном рассуждении братии, с их советом, испытывая и Писания, начинать и творить. Если же случится дело, которое и пред всем собором надо объявить, то и весь собор собравши, с общего ведения и рассмотрения начинать и творить. И тогда между братией будет мир и единомыслие и союз любви нерешимый.

(4). Богослужения. Правило соборное, вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы и Божественную Литургию, также на все Господские, Богородичные и великих святых праздники всенощные бдения с чтениями, на меньшие же праздники полиелей и славословие с чтениями, и

прочий весь церковный чин и последование по соборному уставу, как во святой горе Афонской привыкли, должно всегда выполнять в нашей обители неуклонно, без торопливости в свое время. На службе же ктитория и благодетели святой обители по чину и уставу святой Церкви должны поминаться живые и умершие. Начальник же и все братия должны всегда на соборном правиле церковном всякий по чину своему в мантиях, рясах и клобуках быть; и никогда этого не оставлять, за исключением недуга или послушания. А если бы кто из братии не оказался на церковном правиле, настоятелю должно в трапезе пред всей братией об этом произвести допрос, и если не укажет вины благословенные, должен настоятель дать такому брату подобающий канон в течение всей трапезы, или неядение в тот день, при обычном своем духовном словесном вразумлении.

(5). В трапезу должно собираться настоятелю и братии всякий день, наблюдая о разрешении и неразрешении общий устав Церковный. На трапезе братии по своему чину быть в мантиях, рясах и клобуках, с великим и крайним молчанием и страхом Божиим, внимая чтению, которое должно быть каждый день в трапезе из житий святых и отеческих и учительных книг по уставу Церкви. Во все же недели и в Господние великие праздники и празднуемых святых, а, если возможно, то и на каждый день, должно непременно Панагии быти. И весь чин трапезы в нашем общежитии должен быть по чину Святой Горы. И никоим образом по келиям не есть ни настоятелю, ни братиям, кроме недуга или крайней старости. Пища для всех должна быть общая, только больные желудком, по учению святых отец и по рассуждению настоятеля, могут иметь особую полезную им пищу. Однако, и ту они должны вкушать в трапезе, а не в келий.

(6). В келиях братии должны сидеть со страхом Божиим, по преданию святых отец, более всякого подвига предпочитая умную молитву, как любовь Божию и источник добродетелей, в сердце умом совершаемую, как многие богоносные отцы о ней учат. Кроме молитвы иметь пение псалмов, умеренное чтение Ветхого и Нового Завета, учительных и отеческих книг. Кроме того, иметь и в келий, и на всяком месте, и во всяком деле память смерти и грехов своих, страшного суда Божиего и муки вечные и Царствия Небесного, и самоукорения, и упражняться в назначенном от настоятеля рукоделии или художестве. Праздным же отнюдь не быть, ибо праздность всякому злу научает. Безвременного же из келий ис-хождения и бесед бесполезных, как яда, бегать и отвращаться. Какие же отцы учат об умной молитве? Святой Иоанн Златоуст, святой Каллист Второй, патриарх Цареградский, святой Симеон, митрополит Солунский, святой Диодор, епископ Фотикийский, святой Исихий Иерусалимский, святой Нил Синайский, святой Иоанн Лествичник, святой Максим Исповедник, святой Петр Дамаскин, святой Симеон Новый Богослов, святой Григорий Синаит — все эти и другие святые отцы учат об умной молитве.

(7). Настоятелю следует ради искуса смиренномудрия и послушания и отсечения во всем своей воли и рассуждения, что есть лестница, возводящая послушников к Царству Небесному, посылать в поварню, пекарню, келарню, трапезу и на все внутри монастыря послушания братию. Братия же, взирая на подвигоположника Христа, показавшего подвиг послушания и смирения, не должны отказываться и от самого якобы последнего послушания, веруя, что оно приведет к Царству Небесному, если со смирением и страхом Божиим послужат братии и не как людям, а как Господу.

(8). Настоятель должен иметь ко всем братиям равную любовь; также должен заботливо наблюдать, чтобы и братия имели между собою истинную и нелицемерную любовь, как знамение ученичества Христова. Частную же любовь и особое содружество, как источник зависти и разорительное для истинной любви, всяким образом искоренять. Все немощи и падения чад своих должен настоятель отечески носить долготерпеливо, в надежде их исправления и истинного покаяния и исправлять их духом кротости, наставляя словом на полезное. А от общества их не удалять, особенно если от этого нет вреда прочим. Самочинно же живущих, своей воле и рассуждению последующих, отвергающих благое иго послушания и этим причиняющих вред прочим, ни в коем случае не терпеть. Но после достаточного наставления и вразумления наедине, при двух или трех братиях и перед собором, отделять и изгонять из братства, хотя бы со многими слезами и с сожалением и болезнью душевной, чтобы и другие не заразились их пагубною болезнью. Пришедших же в чувство и обратившихся к покаянию с радостью опять принимать и всякую милость и сострадание им оказывать и прощать их согрешения, веселясь со всею братией о их обращении.

(9). Настоятель должен иметь для управления угодыми и рабами монастырскими и всеми внешними делами монастырскими брата искусного, который мог бы, не нарушая заповеди Божией, без разорения душевного хорошо управлять этими внешними делами, чтобы самому, будучи свободным, с большим удобством заботиться о душевном спасении братии и о всяком церковном и общежительном благочинии. Так же и в духовном о брате попечении нужно иметь

помощника-брата, искусного в разуме, которого во время своих отлучек оставлять при братии ради духовного окормления. Имея намерение отправиться куда-либо, настоятель должен собрать звоном весь собор братии в церковь и, приложившись к святым иконам и взяв от иерея молитву на путешествие, объявить всему собору свое намерение и просить его смиренно, да молятся о нем к Богу, чтобы здраво и благополучно ему возвратиться. И, испросив прощения у всех и преподав благословение, отойти в путь свой. Возвратившись же из путешествия, не прямо идти в келию, но собравши всю братию, идти сначала в церковь и воздавши благодарение Богу, благодарить и братию за их молитвы и объяснивши братии милость Божию, показанную об общей братства пользы, ради которой было предпринято путешествие, отходить в свою келию.

(10). О принятии братии в иночество, о больнице, о мастерствах и странноприимнице. Приводимого Богом брата от мира во иночество настоятель должен сперва наедине испытать и объяснить ему от Писания силу иноческого общего жития, по Богу послушания и отсечения до смерти своей воли и рассуждения.

Заметив в нем истинное, а не притворное желание иночества и ревность Божественную, тогда и перед всем собором братии, снова открывши ему силу общего жития и послушания, принять его в общее житие. И не тотчас постригать его в иночество, но через установленное правилами время: иного три года, иного шесть месяцев держать в мирской одежде, смотря на плод послушания и отсечения своей воли. Постригать же во иночество оваго в рясу, оваго же в мантию и присоединять к братии. Если же, продержав кого-либо на испытании установленное время, настоятель не усмотрит в нем истинного повиновения и отсечения своей воли и через три года, такового не постригать, но отпускать в мир, чтобы не было от него соблазна общему житию.

(11). Если поступающий из мира во иночество принесет с собою в монастырь какое-либо имущество, то настоятель должен это имущество хранить в целости в монастырской сокровищнице до пострига. По постриге же может обратить его на общие монастырские нужды. Если же брат до пострига захочет уйти из монастыря в мир или какую-нибудь другую обитель, тогда все имущество его, принесенное им в обитель, надо возвратить ему в целости, чтобы не было ни брату, ни обители никакого смущения.

(12). Внутри обители должна быть непременно устроена больница, чтобы заболевшая братия имели о себе особенное попечение в пище, питии и во всяком упокоении. В ней должен быть поставлен искусный брат, могущий послужить больным в разуме духовном, а если бы нашелся хотя бы отчасти знающий искусство врачебное, то и таковой должен быть там поставлен.

(13). Должен настоятель заботиться и о том, чтобы в монастыре были различные мастерства, а в особенности необходимые для человеческого общежития, и на них определять братию, а неумеющих — обучать, чтобы таким образом самим братиям, проходящим на общую пользу различные мастерства, все общество братии могло без хлопот удовлетворяться в своих нуждах и не было бы надобности ради них выходить в мир и избежать от того душевного вреда.

(14). Должны быть устроены две странноприимницы: одна внутри монастыря для приходящих в обитель духовных и мирских лиц, другая же вне монастыря: да приходящие во обитель найдут упокоение и себе самим внутри монастыря и скотам своим вне монастыря. И над этими службами настоятель должен поставить искусных братии, которые могли бы в разуме духовном послужить братии, и настоятель должен как к духовной своей братии иметь духовную любовь, так и ко всем в обитель приходящим нищим, больным, неимущим, где главы подклонити, такую же любовь показывать, принимать с любовью одного в странноприимнице, другого в больнице и заботиться посильно об их телесных нуждах и, напутствовав их всем необходимым, с миром отпускать. Все эти и другие общежительные уставы как во святой горе Афонской по силе нашей сохраняли, так и здесь насколько возможно сохраняем: только еще странноприимниц готовых не имеем и достаточного количества келий для братии, так что живем в великой тесноте. Но надеемся, что Господь подаст нам все необходимое, дабы всякий брат, после трудов церковного правила и различного послушания, ради умного делания и телесного подвига, так же и упокоения имел бы свою особую келейку, как тихое и небурное пристанище, отчего может быть лучшее духовное устройство и успеяние в братии.

(15). Молим Ваше Преосвященство, да будет возбранен вход в обитель женскому полу, за исключением крайней нужды во время войны и бегства. Также и скит, созданный во имя Святого Еноха, Илии и Иоанна Богослова да не будет никогда отделен от монастыря. Да будут в нем братия из монастыря от настоятеля и от всего собора добре чин и уставы общежительные блюдушие определены, и все необходимое к жизни получают от общины. Страннии же иноки и свое особое стяжание имущие никоим образом там да не будут. И по определению собора пусть

там совершают и правила церковные и Божественную литургию ради поминовения ктиторов и благодетелей.

(16). Заключает в себе правило о переселении в село монастырских рабов и об устроении там для них церкви и мирского иерея, дабы монастырь остался без всякого смущения.

(17). О порядке избрания настоятелей. Да не будет по смерти одного настоятеля другой присылаем со стороны. Но по согласному и единомысленному всего собора избранию и по совету умирающего настоятеля и по благословию преосвященного митрополита должен быть таковой избран от общества братии, который бы всех превосходил разумом духовным, знанием Священного Писания и общежительного устава, также послушанием, отсечением своей воли, любовью, кротостью, смирением и всеми добродетелями, могущий словом и делом подать братии добрый пример, саном священства почтенный. И так как наше общество состоит из трех наречий, то должен он хорошо знать три языка: греческий, славянский и молдавский или хотя бы два — славянский и молдавский. Если же какой начальник будет поставлен со стороны, а не от собора братии, самым делом не стяжавший совершенного послушания и отсечения своей воли и рассуждения, не прошедший в общежитии терпения укоризны и бесчестия, силы Писания и общежительных уставов не ведущий, еще же и имеющий свое особое имущество и не с тою целью принявший начальство, чтобы положить душу свою за братию, но только чтобы себя упокоить и увеличить свое имение, как таковой может хорошо управлять стадом овец Христовых? Да и собор братии как покорится такому наставнику? И если бы когда-либо что-нибудь подобное и совершилось, без соборного избрания начальник над братией поставлен был, то иное от этого не воспоследует, как только всеконечное и совершенное расточение братии и разорение общему житию. Разве только никоим образом во всем соборе братии не найдется такого, который мог бы и словом, и делом, и примером вести братию ко спасению. Но и тогда со стороны взятый по такой крайней нужде должен быть поставлен с добровольным произволением всей братии, дав обещание Богу пред всею братией до самой смерти своей не иметь и не приобретать никакой своей собственности и вместе с братиею иметь общими все нужды. При таком только условии может не быть запустения общему житию.

(18). Монастырь сей нигде же никогда да поклонен будет, яко же о сем страшную клятву блаженной памяти ктитора святые обители сия обретохом: Зане же от сего всеконечное общему житию было бы разорение. Не поклонен же нигде монастырь сущий может благодатию Божией и общее в нем братии житие неразоримо и непоколебимо пребыти.

Представленный старцем Паисием устав братства был одобрен и утвержден высшею молдавскою церковною властью. Старец и братия могли начать спокойно устраивать свою жизнь на новом месте. Вскоре по переселении старца Паисия в Драгомирну произошло его пострижение в схиму. О прибытии старца в Драгомирну узнал его давний друг и наставник иеромонах Алексей, проживавший в Поляно-Мерульском скиту в Валахии у старца Василия. Он пришел в Драгомирну и прожил у старца всю зиму. По просьбе Паисия иеромонах Алексей облек его в схиму, сохранив ему прежнее имя Паисия. Это событие доставило радость всему братству. Отец Алексей прожил в Драгомирне до Пасхи 1764 года и ушел обратно в свой скит, провожаемый с большим сожалением и старцем, и братией, так как он привлек к себе все сердца своею необыкновенною добротою. По смерти схимонаха Василия Алексей был начальником и старцем в своем скиту.

Устраивая свою жизнь в Драгомирне, старец Паисий прежде всего обратил внимание на порядок богослужения, который во всяком церковном обществе составляет его основание. Богослужение в Драгомирне совершалось строго по чину Святой Горы. На правом клиросе пели по-славянски, на левом по-молдавски. Устав общежития соблюдался так же строго. Никто из братии не смел и дерзнуть назвать какую-нибудь вещь моею или твоею, но должен был считать все от Бога посылаемое общим достоянием братства, получая все необходимое для себя от старца. Трапеза всем подавалась общая, кроме больных и престарелых или слабых. Все послушания внутри монастыря — в поварне, в пекарне и т. д. выполняли сами братья. Они же сами исполняли и разные мастерства: сапожное, столярное, слесарное, портняжное и др. Каждый совершал свое послушание охотно и усердно, добросовестно ради Бога по силе своей. Ослушанию, самочинию, противоречию в братстве не было места. Братия сами работали и на огородах, и в поле и смотрели за скотом. Во время работы на устах должно было быть молчание, а в сердце тайная молитва. Сам старец нередко выходил с братией на общее послушание и работал вместе с прочими, подавая пример. Во время уборки хлеба братия проводили иногда по нескольку дней в поле. Ради правила церковного и других церковных нужд вместе с братьями отправлялся в степь и духовник, имея при себе и Божественные Тайны. Нередко старец призывал и врача, а иногда приезжал и сам и

проводил с братией в степи по три и по четыре дня, и это было для братии величайшим праздником. Старец благославлял их труды, радовался их усердию и беседовал с ними. Когда старец уезжал, братия с любовью провожали его, просили благословения и молитв, целовали его руки и возвращались на работу, радуясь тому, что повидали своего старца и послушали его бесед и наставлений. Когда старец не мог лично навестить жнецов, он посылал им письменное приветствие. Учил их, как они должны относиться друг к другу, беречь и любить друг друга. Он писал им: «Берегите себя от зависти. Где зависть, там нет Духа Божия; удерживайте язык, чтобы он не говорил пустых слов. Кто бережет язык, оберегает душу от скорби. От языка жизнь и смерть. Старшие должны учить младших, неопытных. Во всех должно быть смирение, доброта и любовь. Нужно укреплять себя страхом Божиим, памятью смерти и вечных мук. Каждый день нужно исповедывать помыслы старцу. Молитву Иисусову повторять постоянно. Приносите Богу жертву чистую, непорочную, благоуханную по вашему христианскому обету. Приносите ваши труды и ваш кровавый пот, как жертву всесожжения; загар от солнца да будет вам, как терпение мучеников». В заключение письма старец молит Господа сохранить труждающихся от всякого зла духовного и телесного и покрыть их от всех козней диавола. Такие письма, проникнутые любовью и заботливостью, ободряли и одушевляли братию и делали для нее легким и радостным тяжелый и утомительный труд.

В келейной жизни старец требовал от каждого брата, чтобы он проходил свое звание с полным сознанием и усердием, был монахом не по одежде только, но и по духу. Он требовал, чтобы братия в келиях читала писания святых отцов, творила умную молитву и по силе полагала частые поклоны со слезами. Каждый вечер братия, особенно новоначальные, приходили к своим старцам и исповедывали им свои помыслы. Исповедание помыслов старец считал основанием духовной жизни и видел в нем надежду спасения для души, искренно кающейся в грехах. Если между братиями случалось недоразумение, то непременно в тот же день должно было последовать и примирение по слову Писания, «солнце да не зайдет во гневе вашем». А если бы кто-нибудь из братии до такой степени ожесточился, что не захотел бы и мириться, такого старец отлучал, запрещая ему даже и на порог церковный становиться и молитву «Отче наш» читать, пока не смирится. На послушание вне монастыря старец посылал таких братии, от которых не было бы никакого соблазна мирским и для собственной души которых не было бы вреда. А если бы при исполнении дела оказалось необходимым нарушить какую-нибудь заповедь, то старец повелевал оставить это дело, говоря, что лучше пусть погибнет дело, нежели будет нарушена заповедь Божия и мы подпадем вечному осуждению. Больные, слабые, престарелые помещались в больнице и поручались попечению брата Онория, знавшего немного врачебное искусство и отличавшегося любвеобильным сердцем и умением утешить всякого страдальца духовною беседою. Старец очень любил и ценил Онория. Ему одному было только предоставлено для нужд больных самому брать в келий старца столько денег, сколько ему было нужно. Онорий, со своей стороны, был всецело предан старцу и по кончине его только на один год пережил его. Мало-помалу устроили в монастыре теплую церковь, поставили кельи, архондарик и пр.

Старец по целым дням был занят с братией, двери его келий не закрывались иногда до 9 часов вечера. Одни уходили, другие приходили по делам духовным или хозяйственным. Одних он утешал, с другими радовался, но никогда не огорчали его неудачи хозяйственные — он скорбел только о бедах духовных. «Тридцать лет прожил я при нем, — говорит его жизнеописатель, — и не видел его скорбящим о материальных нуждах. Он только тогда сильно скорбел, когда видел нарушение заповедей Божиих». При своих постоянных заботах о братстве старец Паисий находил время и для своих любимых литературных занятий. Им он посвящал ночи. Запасшись на Афоне святоотеческими книгами на древнегреческом языке, старец по ним проверял и исправлял в Драгомирне славянские переводы. О своих книжных занятиях в это время он подробно рассказывает в письме к архимандриту Феодосию. «Когда мы поселились в святой обители Драгомирнской, я стал всячески раздумывать о том, как бы мне приступить к исправлению славянских отеческих книг, а еще лучше к новому переводу святоотеческих писаний с древнегреческого языка, однако встретил немало препятствий к этому делу. Первое препятствие заключалось в том, что переводчик книг непременно должен быть вполне сведущим человеком и не только в грамматике, правописании и в особенностях того и другого языка, но также и в более высоких науках, как-то: риторике и философии, да, наконец, и самого богословия должен, так сказать, не перстом коснуться. Я же хотя и провел в юности моей четыре года в киевских училищах, но научился там только отчасти грамматике латинского языка, дальнейшему же моему учению помешало желание монашества. Однако и те небольшие сведения, которые я приобрел в

то время, с течением лет были почти утрачены мною, так что я боялся и трепетал начать столь великое дело исправления или перевода святоотеческих книг с такими слабыми познаниями. Вторым препятствием было мое неискусство в орфографии, т. е. в правописании. Кто же, будучи неискusным в правописании, осмеливается писать священные книги, тот, по моему мнению, хотя сердцем и верует в правду и устами исповедует во спасение, но рукою своею вследствие своего неискусства совершает хулу. Вот почему и я, будучи тогда еще неискusным в правописании, ужасался приступить к такому великому делу. Третье препятствие состояло в том, что у меня не было необходимых лексиконов. Переводить же книги без лексиконов — это все равно, что заниматься каким-либо ремеслом, не имея необходимых для того инструментов. Четвертым препятствием было то, что я знал тогда очень мало древнегреческих слов, настоящим же образом совсем не владел этим языком. Пятое препятствие заключалось в том, что язык древнегреческий превосходит все остальные языки вселенной мудростью, красотой, глубиной, обилием и богатством речений, так что и сами природные греки, в совершенстве образованные, едва могут постигать глубину его. Как же я, будучи столь малосведущим, мог осмелиться приступить к делу исправления или перевода книг с такого премудрейшего языка? Шестым препятствием было то, что и наш преславный славянский язык, который, по моему мнению, превосходит многие языки своею красотою, глубиной и обилием речений и ближе всех подходит к древнегреческому языку, я знал также в недостаточной степени. Принимая во внимание все эти обстоятельства, а также и то, что я был слишком обременен бесчисленными духовными и телесными внутренними и внешними различными попечениями, я почти потерял надежду когда-нибудь начать привлекавшее меня дело. Но, видя в нашем братстве великий голод слова Божия, от которого совершенно изнемогали души братии вместе с моею собственной душой, и возложив всю свою надежду на Господа, умудряющего слепцов, я решился, полагаясь на молитвы братии, приступить, наконец, к этому делу с большою осторожностью. Сознывая, что начинаемое мною дело исправления и новый перевод святоотеческих книг я не в состоянии буду сразу же выполнить в таком совершенстве, чтобы мои исправления и переводы могли быть немедленно переданы в другие монастыри для переписывания или для напечатания, и что может оказаться нужда в их вторичном рассмотрении и исправлении, видя как в зеркале, что не однажды, а еще много раз по мере приобретения необходимых лексиконов и моего усовершенствования в познании как древнегреческого, так и славянского языка явится нужда снова внимательно пересмотреть исправленные книги и подвергнуть их новому исправлению или мне самому, если Бог продлит век, или по смерти моей другим икусным в этом деле братьям, я положил в душе своей твердое решение, чтобы мой труд как несовершенный во всех отношениях неисходно оставался в одном только нашем братстве до тех пор, пока при помощи Божией не исправится окончательно. Свою работу я начал следующим образом: ввиду недостатка лексиконов, а также и моей неопытности, я принял за руководящую нить для себя перевод отеческих книг с древнегреческого языка на молдавский, сделанный нашими возлюбленными братьями иеромонахом Макарием и Даскалом Иларионом, людьми учеными и опытными в переводе книг. Часть же этого перевода была сделана братом Макарием еще на святой горе Афонской, а часть в Драгомирне, а также и отец Иларион трудился над своим переводом в нашем братстве. Приняв их перевод по всем соображениям за несомненно правильный, я начал, руководствуясь их переводом и следя по древнегреческому подлиннику, исправлять славянские книги. Таким способом я исправил следующие святоотеческие книги: Исихия, Диадокха, Макария, вторую, Филофея, Нила о молитве, Фалассия, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова «Слово о внимании и молитве», Кассиана Римлянина «О восьми помыслах» и другие, крепко держась, как слепец за тын, вышеупомянутого молдавского перевода, и таким образом закончил первое исправление названных книг. Спустя некоторое время, когда я понемногу стал приходить в лучшее познание своего дела, я заметил в моих первых исправлениях очень много ошибок. Тогда я вторично исправил некоторые из этих книг. Спустя еще немного времени, заметив в книгах новые погрешности, я в третий раз исправил. Впрочем, некоторые книги так и остались только при первом исправлении, потому что у меня не было времени исправить их вторично. Нужно, однако, сказать, что и исправленные мною книги далеки были от настоящего совершенства, так как и те самые древнегреческие книги, которые переписывались для нас на Афоне, оказались во многих местах не совсем правильными. Исправляя старые славянские книги, и не имея еще в своем распоряжении ни одного лексикона, я все-таки вновь перевел с тех же древнегреческих книг писания святых: Антония Великого, Исаии Отшельника и Петра Дамаскина, вторую книгу, но эти переводы вследствие моего тогдашнего неумения заключают в себе столько ошибок, что мне и подумать об этом страшно, исправить же их как следует при

отсутствии правильных древнегреческих книг нет никакой возможности. Книгу святого Федора Студита, вследствие крайней нужды в ней, я тогда же перевел с обыкновенного греческого языка, не удостоившись даже и до настоящего времени увидеть ее на древнегреческом языке. Впрочем, и в этом моем переводе по указанным причинам имеется очень много ошибок. Книгу святого Исаака Сирина древнего славянского перевода я целый год исправлял, проверяя ее то по древнегреческому печатному тексту, то по молдавскому переводу. Но, к прискорбию моему, вижу, что и эта книга далека от совершенства и что, если только Господь по своему милосердию продлит мне жизнь и даст мне, почти уже слепому, необходимое зрение, мне придется снова потрудиться над ее исправлением».

В другом месте старец Паисий рассказывает еще следующие подробности своих исправлений славянского текста этой книги: «Когда я проживал в небольшом еще числе братии на Афоне, была у меня книга святого Исаака Сирина, часть, которой я переписывал еще в юности моей в Киево-Печерской Лавре, а dokonчил ее для меня по моей просьбе один ревнитель на Афоне. Книга эта и до сих пор находится у меня. Читая эту книгу на Афоне много раз и со вниманием, я во многих местах не мог находить в ней смысла... Я отмечал такие места особыми знаками на полях, надеясь со временем, найдя лучшую книгу, исправить их. Спустя некоторое время я встретил одного иеромонаха, у которого оказалась книга святого Исаака, будто бы во всем сходная с болгарскою книгою, писанная более чем за четыреста лет до того и сходная будто бы с греческою книгою. Поверив такому заявлению и желая исправить свою книгу, я выпросил у иеромонаха его книгу, шесть недель день и ночь исправлял по ней свою книгу, но оказалось, что неясные места в моей книге так и остались по-прежнему неясными, ибо они оказались и в данной мне книге написанными точно так же, как и в моей. Желание мое достать книгу святого Исаака на древнегреческом языке оставалось неисполненным и во время пребывания моего на Афоне, и в первые года моего жительства в Драгомирне. По прошествии многих лет, когда я потерял уже почти всякую надежду приобрести эту книгу, всемогущий Бог своею благодатию побудил Иерусалимского патриарха Ефрема отпечатать эту книгу, и патриарх поручил это дело премудрейшему иеродидаскалу Никифору, впоследствии архиепископу Астраханскому, а тогда проживавшему в Царьграде. Узнав об этом, один брат из нашего общежития, бывший тогда в Царьграде, стал умолять и святейшего патриарха Ефрема и иеродидаскала Никифора, чтобы они, когда эта книга выйдет из печати, благоволили прислать ее мне в Драгомирну. По благословению патриарха отец Никифор сообщил брату нашему: «Как только книга будет напечатана, я немедленно пришлю ее вашему старцу в знак моей любви к нему». Все это было в 1768 году. Когда брат наш, возвратившись в обитель, рассказал об этом, душа моя наполнилась величайшею радостью и я с надеждою ждал исполнения обещания... В 1770 году в пост Рождества Христова иеродидаскал Никифор исполнил свое обещание и прислал мне бесценный дар, печатную эллино-греческую книгу святого Исаака Сирина, которую я принял с невыразимою радостью и, со слезами возблагодарив Бога, исполнившего мое давнишнее желание, немедленно же стал читать свою славянскую книгу, сличая ее до слова с печатною эллино-греческою с целью произвести в славянской книге исправление тех мест, в которых не оказывалось грамматического смысла, но вовсе не с целью нового перевода книги. Ибо тогда я не имел еще достаточных познаний в эллино-греческом языке, а также и необходимых книг. И потому тогдашний мой труд никак не может быть назван переводом, но только некоторым исправлением славянской книги... Когда же эллиногреческая книга святого Исаака была переведена на молдавский язык, тогда я, сравнив этот перевод с моею славянскою книгою, сделал в славянской и еще некоторые необходимые исправления. А так как славянская книга в некоторых частях оказалась более богатой словами, нежели греческая, и эти слова, по моему соображению, действительно принадлежали святому Исааку, то я их и не исключил из славянской книги, но только отметил. Весь этот мой труд исправления славянской книги святого Исаака начался в 1770 году и окончился в 1771 году».

Что касается Паисиева перевода книги святого Исаака с греческого языка на славянский, то этот перевод относится уже к 1787 году, когда старец жил уже в Нямецком монастыре, и об этом переводе мы будем говорить в другом месте. В 1774 году пришел со святой горы в Драгомирну один греческий монах по имени Констанций и принес с собою эллино-греческую книгу, написанную его рукою и заключающую в себе множество отеческих книг. В ней оказались и такие книги, которых старец Паисий до тех пор еще не видел на славянском языке. По усердной просьбе Паисия монах переписал для него эти книги. Но так как он был совершенно чужд грамматических познаний, то он и в свою книгу, и в свой список внес бесчисленное множество ошибок «так что, поистине, получилось золото святых словес валяющимся в грязи безграмотности, от которой даже

люди хорошо образованные, не имея в своих руках достоверных греческих подлинников, едва ли могут это золотое очистить».

Из книг, переписанных монахом Констанцием, старец перевел на славянский язык святого Марка и святого Никиту Стифата 300 глав. Из тех же книг монаха Констанция он перевел еще книгу святого Феодора Эдесского. Но все эти книги не только не пригодны к печатанию, но даже и к переписыванию на стороне, ибо нуждаются в предварительном тщательном исправлении по достоверным подлинникам. Далее старец Паисий пишет: «Что же я скажу о книге святого Каллиста, патриарха Цареградского, и преподобного Игнатия, о которой свидетельствует блаженный Симеон, архиепископ Солунский? Я сильно желал хотя бы только увидеть при жизни эту книгу, но Господь устроил так, что я не только увидел ее, но даже успел и перевести ее на славянский язык. Но и эта книга, хотя оказалась и лучшего правописания сравнительно с другими, не свободна от таких погрешностей, что даже сам наш искуснейший переводчик греческих книг на молдавский язык отец Иларион не мог отыскать в некоторых местах настоящего смысла и должен был перевести так, как ему казалось правильным. Его мнению следовал и я в своем переводе. Вот почему и эту книгу затруднительно печатать и распространять где-либо на стороне. Тоже самое должен я сказать и о второй книге святого Каллиста, именуемого Катафигиот: хотя я перевел ее на славянский язык, но и она не чужда многих погрешностей. Житие святого Григория Синаита, писанное учеником его святейшим Каллистом, патриархом Цареградским, было принесено схимонахом Саввою со Святой Горы нашему общему отцу и старцу Василию, а мы, воспользовавшись этим, переписали его для себя. Книгу же святого Максима Исповедника мы имели только одну — четыреста глав о любви, московской печати, и кроме нее его слово постническое по вопросу и ответу, переписанное мною еще в юности в нашем отечестве с многочисленными ошибками и пропусками. Эллино-греческого же текста ее я и до сих пор не видел, несмотря на все желание. Книги святого Нила Сорского на греческом языке совсем нет, а есть только на славянском, и я еще в юности моей переписал ее с бесчисленными орфографическими погрешностями и до сих пор не имею времени ее исправить». Таков собственный рассказ старца Паисия о его книжных занятиях в Драгомирне.

Из этого рассказа видно, что и здесь, как и на Афоне, старец занимался преимущественно исправлением славянских переводов, но в то время, как на Афоне он исправлял по славянским спискам, в Драгомирне он исправлял их по греческим подлинникам. Здесь же в Драгомирне. Началась и переводческая деятельность старца, достигшая своего полного развития уже в Нямецком монастыре. Трудясь над исправлением и переводом святоотеческих книг, старец Паисий делился результатами своих занятий со своею братией, и для этого в его обители был установлен такой порядок: когда наступало зимнее время и вся братия собиралась от внешних послушаний в монастырь и приходил пост Рождества Христова, тогда старец, пользуясь исправленными книгами, начинал вести с братией беседы и это продолжалось от начала Рождественского поста до Лазаревой субботы. Каждый день за исключением воскресных и праздничных дней братии собирались вечером в трапезу, зажигались свечи, приходил старец и, сидя на обычном своем месте, читал или книгу святого Василия Великого, или святого Иоанна Лествичника, или святого Дорофея, или святого Феодора Студита, или святого Симеона Нового Богослова, или кого-нибудь другого из богоносных отцов. Один вечер чтение и поучение велось на славянском языке, другой на молдавском. Когда чтение шло на славянском языке, молдаване в это время читали повечерие и наоборот. Читая книги, старец тотчас же и объяснял читаемое, приводя места из Священного Писания и из отеческих книг.

Вот образец его беседы: «Братие и отцы, сокрушенным сердцем подобает нам творить попечение, как учат божественные отцы, ибо Иоанн Лествичник говорит: если мы и высокую жизнь проходим, а сердца болезненного не приобретаем, то все это притворно и суетно. И Григорий Синаит говорит: болезнь сердечная и смирение и труд послушания по силе каждого с правотою сердца совершает дело истины. И он же снова: всякое делание телесное и духовное, не имеющее сердечного труда, никогда не принесет плода совершающему его, ибо Царство Божие усилием берется и употребляющие усилие достигают его, как сказал Господь. Ибо хотя бы кто-нибудь безболезненно многие годы трудился или трудится, но не заботится с горячим усердием сердца совершать труды покаяния, бывает чужд чистоты и не причастен Духу Святому. И еще: кто трудится с небрежностью и леностью, то хотя бы он, казалось, и много работает, никакого плода не получит, ибо идущие не болезненным путем впадают от уныния в бесполезные попечения и помрачаются. То же самое говорит и Симеон Новый Богослов: кто не подражает Христовым Страстям покаянием, слезами, смирением, послушанием и терпением, особенно же нищетою и

скорбями, поношением и поруганием, и не бывает причастником Его позорной смерти, тот не может быть и сопричастником Его духовного здесь воскресения и не может получить благодати Святого Духа, ибо божественный Павел говорит: если с Ним страдаем, то с Ним и прославимся. Если же стыдимся подражать Его страданиям, какие Он претерпел за нас, и живет в нас земное мудрование плоти избегать этих страданий, явно, что и славе Его мы не можем быть причастниками. Ибо без покаяния и слез, как мы сказали, ничто из сказанного не может быть и не будет ни в нас самих, ни в других. Он же в другом месте говорит: никто не может доказать от Божественного Писания, что без слез и всегдашнего умиления мог очиститься от страстей и чтобы кто-нибудь из людей мог достигнуть святости или получить Духа Святого, или увидеть Бога, или почувствовать Его внутри себя в своем сердце без предварительного покаяния и умиления, ибо только по мере слез печали и покаяния, все это производит божественный огонь умиления. И снова говорит: берегитесь, чтобы вам не лишиться иметь в себе Христа и чтобы вы не отошли с пустыми руками из этой жизни и тогда восплачете и возрыдаете». Приводя эти слова святых отцов, старец со слезами убеждал братию исполнять заповеди Христовы и приобретать себе сердце сокрушенное и смиренное. Все его наставления, все заботы, вся болезнь сердца были направлены к тому, чтобы все братии с полным единодушием, всем сердцем и всю душою хранили заповеди Божий и не проводили бесплодно и в нерадении время, данное Богом для покаяния. Он убеждал братию усердно заниматься чтением святоотеческих книг и строго хранить заповеди Христовы, без чего и самое их общежитие не может устоять. Он говорил: «Пусть никто из вас не говорит, что невозможно каждый день плакать, ибо говорящие так говорят вместе с тем, что невозможно каждый день и каяться. Прежде всего, вам следует с несомненною твердою верою и теплою любовью приступить к Господу и решительно отречься от мира сего со всеми его красотами и сладостями, от своей воли и от своего рассуждения и быть нищими духом и телом. И тогда благодатию Христовой возжжется в совершенных душах святая ревность. С течением же времени и по мере труда подадутся слезы и плач, и малая надежда во утешение души. Явится алчба и жажда правды, т. е. пламенное усердие поступать во всем по заповедям Его, достигать смирения и терпения, милосердия и любви ко всем, наиболее же к скорбящим, больным, злостраждущим и престарелым и все это плоды Духа по слову божественного апостола. Явится усердие носить немощи ближнего, полагать душу свою за брата, претерпевать искушения разного рода, обиды, поношение и укоризны, прощать от всей души друг другу всякие огорчения, любить врагов, благословлять проклинающих вас, добро творить ненавидящим вас, молиться за обижающих вас и гонящих вас, как того требует Христос. Ко всему тому мужественно с благодарностью терпеть разного рода телесные скорби, немощи, болезни любые и горькие, временные страдания ради вечного спасения души своей, таким образом, вы достигнете в мужа совершенна, в меру духовного возраста Христова. И если твердо пребудете в таких трудах, то устоит и братство ваше, пока угодно будет Господу. Если же отступите от внимания себе и от чтения отеческих книг, то отпадете и от мира Христова и от любви Его и от исполнения заповедей Его и тогда водворятся среди вас беспорядок, суета, неустройство, душевное смущение, колебание и безнадежие, ропот друг на друга и взаимные осуждения и за умножение всего этого иссякнет любовь многих, а может быть, даже и всех. И тогда разорится собор ваш сначала душевно, а потом и телесно».

Ежедневное чтение старцем святоотеческих книг и его беседы имели огромное воспитательное значение для братии. Впоследствии, когда жизнь братства стала приходить в упадок, братья сами признавались, что одною из важных причин этого упадка было прекращение ежедневных бесед старца. Старец имел такой дар убеждения, что и самого печального мог утешить своими словами и самого унылого мог одушевить. А где нужно было, обличал, запрещал, умолял, отлучал, долго терпел и при безуспешности отсылал от себя. И только самых ожесточенных и самочинных запрещал, угрожая им гневом Божиим. Никто не уходил от него неисцеленным и каждый день все готовы были стоять перед ним, чтобы только насладиться его беседою. Как-то один из братии сказал старцу: «Отче, помысл мне говорит, что вы имеете ненависть ко мне, так как часто с гневом укоряете меня при братиях». Старец ответил: «Возлюбленный брат, гневаться и раздражаться чуждо евангельской жизни. Если Божественное Евангелие повелевает и врагов любить, и добро им творить, то как же я могу ненавидеть чад моих духовных? А если я с гневом укоряю вас, то да подаст и вам Господь иметь такой гнев; я понуждаю себя казаться гневающимся, хотя благодатию Божией никогда гнева и ненависти не имею». Брат со слезами упал к ногам старца, прося прощения. Старец часто говорил братии: «Я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас боялся меня, как

грозного властелина, но чтобы вы любили меня как отца, подобно как и я люблю вас как детей моих духовных».

По установлению старца каждый духовник сообщал старцу о всяком брате, которого сам не мог умиротворить, так же и о причине его смущения. И когда такой скорбный брат войдет, бывало, в келью старца, то старец уже видел, с чем он приходит, и, подав брату благословение, прежде чем тот скажет что-нибудь, сам начинал с ним беседу и своими сладостными и утешительными словами отвлекал его мысли от случившихся ему скорбей. Беседу свою старец вел, применяясь к положению, к нраву, к разуму и к послушанию брата. С более разумными имел обыкновение говорить о высоких предметах, поясняя свои слова Священным Писанием, и до такой степени удивлял и утешал брата, что тот готов был от духовной радости ни во что вменить все, всю славу, радости и скорби мира. С более же простыми братьями старец говорил проще, приводя им примеры или от их мастерства, или от послушания и своими словами приводил их в такое чувство, что они готовы были укорять и себя, и самую скорбь свою, ради которой пришли к старцу. Слушая слова старца, братья вникали внутрь самих себя и забывали о причине, приведшей их к старцу и, приняв благословение, уходили от него, радуясь и благодаря Бога. Не один раз старец говорил братии, что когда он видит чад своих духовных, подвизающихся и ревнующих о сохранении заповедей Божиих и со смирением проходящих святое послушание, то он испытывает такую неизъяснимую радость, что большей радости не желает иметь даже и в Царствии Небесном. Когда же видит их нерадящими о заповедях Божиих, ходящих без страха Божия и презирающих святое послушание, тогда его душу охватывает такая скорбь, что и во аде большей быть не может. Однажды приходит к старцу один брат и говорит, что очень пристают к нему помыслы. Старец, улыбнувшись, сказал: «Почему вы такие глупые? Делайте так, как я делаю: я с вами весь день спорюся, а с иными и плачу, с иными радуюсь и другие дела делаю. Когда же выгоню вас всех из кельи, то вместе с вами выгоню и все помыслы. Тогда возьму в руки книгу и ничего не слышу, как будто в Иорданской пустыне безмолвствую».

Говоря о том, что слово старца было сильно и действенно, жизнеописатель объясняет это тем, что старец с детства исполнял все заповеди Божий. Он читал священные книги с величайшим вниманием, от внимания рождалось разумение, от разумения желание, от желания ревность. Однажды прочитанное навсегда оставалось в его памяти. Как-то у старца в кельи шла беседа о книгах. В беседе принимал участие один брат, знавший древний греческий язык. Спрошенный, как нужно перевести такую-то греческую фразу, он отвечал: «Объяснял нам ее наш учитель, но я не могу сейчас вспомнить». Услышав это, старец с улыбкой сказал: «А я, если прочту что-нибудь однажды, до смерти не забуду».

Чувствуя себя со всех сторон охваченными любовью и попечением старца, слушая его беседы, братия все более и более преуспевали в любви к Богу и в терпении Христовом, хотя и не все в одинаковой мере. Старец радовался и побуждал еще к большему усердию, говоря: «Не унывайте, чада, ибо ныне время благоприятное, ныне день спасения». Тогда, по словам жизнеописателя, жизнь в Драгомирне представлялась как бы земным раем. Люди, отвергнув ради любви Божией свою волю, стали мертвыми для мира сего. Тайные же их подвиги, сокрушение сердца, глубокое смирение, страх Божий, внимание и молчание и непрестанную молитву в сердце невозможно и передать словами, и на них исполнялись слова преподобного Исаака: «Господу приятно собрание смиренных, как собрание серафимов». Существовавший в братстве старца Паисия взгляд на существо монашеского подвига нашел свое выражение в «Поучении на пострижение монашеского чина», приписываемом некоторыми самому старцу. (Сбор. № 485. Рукоп. Academia Romana. См. в приложении 2-м.)

Эта тихая, мирная и радостная жизнь братии в Драгомирне омрачилась одним горестным событием.

Около 1766 года скончался отец Виссарион, первый ученик старца Паисия на Афоне и его единоклубный друг и ближайший помощник. Горько оплакав умершего, старец установил ежегодно совершать память его и поставлять всей братии поминальную трапезу, что и соблюдалось до самой кончины старца. В первые же годы пребывания в Драгомирне старцу Паисию пришлось выступить на защиту Иисусовой молитвы, то есть внутреннего сердечного молитвенного пребывания со Христом как главнейшего средства одоления злых помыслов и достижения чистоты сердца. На Украине в Мошенских горах появился некоторый монах, отрицавший умную молитву как ересь и прелесть. Этот монах приобрел такое влияние на свою братию, что некоторые, наслушавшись его речей, собрали отеческие книги, учившие об умной молитве, и, привязав к ним камни, потопили в реке. Узнав об этом, старец Паисий написал в 6

главах сочинение об умной молитве, которое и послал заблуждающимся инокам. Это сочинение будет воспроизведено дальше.

Глава 2

УЧЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ ОБ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ, УМОМ В СЕРДЦЕ СОВЕРШАЕМОЙ

«Сладостна бывающая в сердце чистая и постоянная память об
Иисусе и происходящее от нее неизреченное просвещение».

Св. Марк, митр. Ефесский

Учение старца Паисия об Иисусовой молитве, как и его учение о монашестве, тесно связано с учением об этом предмете его учителя и друга схимонаха Василия. Поэтому мы сначала вкратце передадим учение об Иисусовой молитве старца Василия, изложенное им в предисловиях на книги святого Григория Синаита, блаженного Филофея Синайского и блаженного Исихия Иерусалимского.

Свое предисловие на книгу святого Григория старец Василий начинает указанием неправильности мнения тех, которые думают будто бы умное делание прилично одним только совершенным, достигшим бесстрастия и святости. Думаящие так ограничивают свое моление одним только внешним исполнением псалмопения, тропарей и канонов, не понимая того, что такое внешнее моление назначено нам святыми отцами только как временное ввиду немощи и младенчества нашего ума с тем, чтобы мы, постепенно совершенствуясь, восходили на ступень умного делания и ни в каком случае не оставались при одном только внешнем молении. По словам святого Григория, только одним младенцам свойственно, совершая устами внешнее моление, думать, что они совершают что-то великое, и утешаясь количеством читаемого, выращивать в себе внутреннего фарисея. По словами святого Симеона Нового Богослова, тот, кто ограничивается внешним деланием молитвы, не может достигнуть внутреннего мира и преуспеть в добродетели, ибо он подобен ведущему борьбу со своими врагами в ночной темноте, он слышит голоса врагов, получает раны от них, но не видит ясно, кто они, откуда они пришли, как и для чего они борются с ним. По словам святого Исаака Сирина и преподобного Нила Сорского, если бы кто-нибудь захотел помимо умной молитвы одним только внешним молением и внешними чувствами отразить прилог вражий и противостать какой-либо страсти или лукавому помыслу, тот скоро оказался бы много раз побежденным ибо бесы, одолевая его в борьбе и снова добровольно ему покоряясь, как бы им побеждаемые, издеваются над ним и располагают его к тщеславию и самонадеянности, провозглашая его учителем и пастырем овец. Из сказанного можно видеть силу и меру как умной молитвы, так и внешнего моления. Не следует думать, будто святые отцы, удерживая нас от неумеренного внешнего моления и обращая к умной молитве, уничтожают этим внешнюю молитву. Да не будет! Ибо все священнодействия Церкви установлены в ней Святым Духом и все они отображают в себе тайну воплощения Бога Слова. И нет ничего в церковных обрядах человеческого, но все есть дело Божией благодати, не возрастающее от наших достоинств и не умаляющееся от наших грехов. Но мы говорим сейчас не об уставах святой Церкви, а об особом правиле и жительстве каждого из монахов, т. е. об умной молитве как таком делании, которое усердием и сердечною правотою, а не одними только словами, произносимыми без внимания устами и языком, обычно привлекает благодать Святого Духа. И этим умным деланием может разумно заниматься не только совершенный, но и всякий новоначальный и страстный, блюдя сердце. И потому святой Григорий Синаит, более всех и до тонкости рассмотревший и обсудивший живущую в нем благодатию Святого Духа жития и писания и духовные подвиги всех святых, заповедует иметь все старание об умной молитве.

Также и святой Симеон Солунский заповедует и советует и архиереям, и священникам, и монахам, и мирянам на всякое время и на всякий час произносить эту священную молитву и как бы дышать ею, ибо нет более крепкого оружия ни на земле, ни на небе, говорит он вместе со святым апостолом, как имя Иисуса Христа. Знай и то, добрый труженик этого священного делания, что не только в пустыне или в уединенном отшельничестве были учителя и многочисленные делатели этого священнодействия, но и в самых великих лаврах и даже в городах. Например, святейший патриарх Фотий, возведенный на патриаршество из сенаторского звания и не будучи монахом, уже на своем высоком посту обучился умному деланию и до такой

степени преуспел в нем, что, по словам святого Симеона Солунского, лицо его сияло благодатию Святого Духа, как у второго Моисея. По словам того же святого Симеона, патриарх Фотий написал и замечательную книгу об умном делании. Он же говорит, что и святой Иоанн Златоуст, и святые Игнатий и Каллист, будучи патриархами того же Царьграда, написали свои книги об этом внутреннем делании. Итак, если ты, возражая против умной молитвы, скажешь, что ты не пустынножитель, чтобы тебе заниматься этим деланием, то тебя обличат патриарх Каллист, который обучился умному деланию, проходя поварскую службу в великой лавре Афонской, и патриарх Фотий, который будучи уже патриархом, обучился искусству сердечного внимания. Если ты ленишься заниматься умным трезвением, ссылаясь на послушания, то ты особенно заслуживаешь порицания, ибо, по словам святого Григория Синаита, ни пустыня, ни уединение не бывают настолько полезны при этом делании, как разумное послушание. Если ты скажешь, что не имеешь учителя, который научил бы тебя этому деланию, сам Господь повелевает тебе учиться из Священного Писания, говоря: «Испытайте Писания и в них обрящете живот вечный». Если ты смущаешься, не находя безмолвного места, тебя опровергает святой Петр Дамаскин, который говорит: «В том состоит начало спасения человека, чтобы оставить свои хотения и разумения и исполнять Божий хотения и разумения, и тогда во всем мире не найдется такой вещи или места, которые могли бы воспрепятствовать спасению». Если тебя смущают слова святого Григория Синаита, много говорящего о прелести, бывающей при этом делании, то сам же этот святой отец и исправляет тебя, говоря: «Мы не должны ни бояться, ни сомневаться, призывая Бога. Ибо, если некоторые и совратились, повредившись умом, знай, что они потерпели это от самочиния и высокоумия. Если же кто в повиновении с вопрошением и смиренномудрием ищет Бога, никогда не потерпит вреда благодатию Христовой. Ибо праведно и непорочно живущему и избегающему самоугодия и высокоумия не может причинить зла, по словам святых отцов, весь бесовский полк, хотя бы и воздвиг на него бесчисленные искушения. Только самонадеянно, самосоветно поступавшие впадают в прелесть. Те же, кто претыкаясь о камень Священного Писания, из опасения прелести уклоняются от умного делания, превращают белое в черное и черное в белое. Ибо не для запрещения умного делания учат нас святые отцы о причинах бывающей прелести, но для предохранения нас от прелести. Как и святой Григорий Синаит, повелевая обучающимся молитве не бояться и не сомневаться, указывает и причины прелести: самочиние и высокоумие. Желая, чтобы мы не получили от них вреда, святые отцы повелевают изучать Священное Писание и им руководствоваться, имея брат брата добрым советником, по слову Петра Дамаскина. Если ты страшишься приступить к умному деланию из благоговения и в простоте сердца, и я вместе с тобою готов устрашиться. Но не следует бояться пустых басней по пословице «Волка бояться — в лес не ходить». И Бога следует бояться, но не бежать от Него и не отрекаться от Него.

Немалым препятствием к деланию умной молитвы является для некоторых их телесная немощь. Не будучи в состоянии понести труды и посты, какие несли святые, они думают, что без этого им невозможно начать умное делание. Исправляя их ошибку, святой Василий Великий учит: «Воздержание определяется каждому по его телесной силе» и, я думаю, не безопасно, разрушив безмерным воздержанием силу тела, сделать его бездейственным и не способным к добрым делам. Если бы хорошо было для нас быть расслабленными телом и лежать как бы мертвыми, едва дышащими, то Бог таковыми бы нас и сотворил. Если же Он не сотворил нас такими, то согрешают те, кто прекрасное Божие создание не сохраняют таким, каким оно создано. Об одном только должен заботиться подвижник, не скрывается ли в душе его зло разленения, не ослабело ли трезвение и усердное обращение мысли к Богу, не омрачилось ли в нем духовное освящение и от него происходящее просвещение души. Ибо, если все упомянутое доброе в нем возрастает, то не будет времени восстать в нем телесным страстям, когда душа его занята небесным и не оставляет телу времени для возбуждения страстей. При таком устроении души принимающий пищу ничем не различается от непринимającego. И он выполнил не только пост, но и совершенное неядение и имеет похвалу за свое особенное попечение о теле: ибо умеренное жительство не вызывает распаления похоти. Согласно с этим и святой Исаак говорит: «Если понудишь слабое тело выше силы его, двойное смущение наносишь душе». И святой Иоанн Лествичник говорит: «Я видел эту враждебницу (утробу) упокояемой и бодрость уму подающей». И в другом месте: «Я видел ее, истаеваемую постом и возбуждающую похоть, дабы мы надеялись не на себя, а на Бога Живого». Так учит и история, которую вспоминает преподобный Никон: уже в наши времена был найден в пустыне один старец, который тридцать лет не видел ни одного человека, хлеба не ел, питаясь одними корнями, и он признался, что все эти годы он был борим блудным бесом. И отцы решили, что не гордость и не пища были причиной этой блудной брани, а то, что старец не был научен

умному трезвению и противоборству вражиим прилогам. Потому то и говорит святой Максим Исповедник: «Дай телу по силе его и весь твой подвиг обрати на умное делание». И святой Диадок: «Пост имеет похвалу сам по себе, а не по Богу: его цель приводит желающих в целомудрие». И потому не подобает о нем высокоумдрствовать подвижникам богочестия, но в вере Божией ожидать исхода нашего устроения. Ни в каком искусстве художники не судят по инструменту о результате работы, но ожидают окончания работы и по нему судят об искусстве. Имея такое установление о пище, не возлагая всю свою надежду на один пост, но в меру и по силе твоей постясь, стремись к умному деланию. Таким образом, ты и гордости можешь избежать, и не будешь гнушаться добрых Божиих творений, воздавая Богу за все хвалу.

Умная молитва есть могущественное оружие, которым подвижник побеждает невидимых врагов своих. Одни из святых отцов дают правила монашествующим вместе с деланием заповедей Христовых совершать продолжительное псалмопение, каноны и тропари. Другие отцы, изучив тончайшее делание духовного разума, находят недостаточным для новоначальных пребывать в одном только телесном обучении, но, преподавая им вместе с исполнением заповедей Христовых умеренное пение и чтение, устанавливают, вместо длительного псалмопения и канонов, делание умной молитвы, добавляя при этом, что если Дух Святой посетит действием сердечной молитвы, тогда, ни мало не сомневаясь, оставлять внешнее правило, ибо восполняет его внутренняя молитва. Третьи, имея большой опыт и познания житий и писаний святых, особенно же будучи просвещены действием и премудростью Святого Духа, устанавливают для новоначальных общее, а не частичное обучение деланию умной молитвы, разделяя его на два вида — делательную и зрительную. Эти отцы повелевают иметь всю заботу об умном делании, отдавая пению немного времени только в часы уныния, ибо, по их словам, церковные службы и песнопения преданы всем вообще христианам, а не тем, которые хотят безмолвствовать. Впрочем, и путем длительных псалмопений и чтением канонов и тропарей можно придти в преуспевание, хотя и очень медленно и с большими трудностями; вторым же путем удобнее и легче, а третьим всего скорее, и при том с отрадою и частым присещением Святого Духа, утверждающим и успокаивающим сердце, особенно при усердном старании и добром желании. Поскольку святая умная молитва срастворяется с соблюдением заповедей Божиих и изгоняет бесов и страсти, постольку, наоборот, небрегающий о заповедях и не заботящийся об умной молитве, но занимающийся одним только пением, бывает влачим страстями.

Преступление заповедей Господних во всех одинаково усматривается, но проявляется многообразно: напр., кто-нибудь положит себе за правило не преступать заповедь, не отдаваться страсти, но по некоторому обстоятельству или смущению или козни врага случится ему кого-нибудь оскорбить, или осудить, или разгневаться, или победиться тщеславием, или спорить и оправдываться, или празднословить, или солгать, или объестся, или опиться, или скверное подумать, или что-нибудь подобное совершить. Чувствуя себя виноватым перед Богом, он тотчас же начинает укорять себя и с покаянием припадать перед Богом умною молитвою от сердца, да простит его Бог и подаст ему помощь не впадать больше в такие согрешения. И, таким образом, он полагает начало соблюдению заповедей и хранению своего сердца от злых прилогов в молитве, боясь и трепеща, чтобы из-за них не потерять Царствия Небесного. Другой же живет просто, нерадя о том, падает ли он, или стоит, и думая, что в настоящие времена нет людей, хранящих заповеди и боящихся преступить их, и что всякий волей или неволей погрешает перед Богом и бывает виновен в тех или иных тонких грехах и страстях: и потому он не хочет и беречься от них, считая это вещь невозможной. Считая себя ответственным лишь за прелюбодеяние и блуд, убийство и кражу, отраву и тому подобные смертные грехи и воздерживаясь от них, он мнит себя стоящим. К таковому относятся слова отцов: лучше падающий и восстающий, нежели стоящий и не кающийся. Нужно удивляться, как оба эти человека, повинные в одних и тех же всечашных грехах, являются различными перед Богом, да, думаю, и перед духовными людьми. Один совсем не знает падения и восстания, хотя им и владеют страсти; другой же падает и восстает, побеждается и побеждает, подвизается и трудится, не хочет отвечать злом за зло, но не удерживается вследствие привычки, старается не сказать чего-нибудь злого, скорбит, когда получает обиду, однако укоряет себя за то, что скорбит, и кается в этом, или, если и не скорбит о полученной обиде, то и не радуется. Все находящиеся в таком устроении суть противящиеся страсти, не хотят покоряться ей, скорбят и борются. Отцы же сказали, что всякая вещь, которой не хочет душа, маловременна.

Хочу еще сказать об искоряющих страсти. Есть такие, которые радуются, когда получают обиду, но потому, что надеются иметь награду. Таковой и принадлежит к искоряющим страсти,

но не с разумом. Другой радуется, получая обиду, и считает, что он и должен был ее получить, ибо сам подал к тому повод. Таковой с разумом искореняет страсть. Есть наконец и такой, который не только радуется, будучи обижаем, и считает себя самого виновным, но еще и скорбит о смущении своего обидчика. Да введет нас Бог в такое устроение души! Для более ясного познания того и другого жительства скажем еще так: первый, подчиняя себя закону, исполняет только свое пение, второй же понуждает себя к умному деланию, имеет всегда с собою имя Иисуса Христа для истребления врага и страстей. Тот радуется, если только окончит пение. Этот же благодарит Бога, если в тишине, не возмущаясь злыми помыслами, творит молитву. Тому желательно количество, этому — качество. У того, спешащего исполнить количество пения, скоро создается радостное самомнение, полагаясь на которое, он питает и растит в себе внутреннего фарисея, если не внимает себе. У этого, дорожащего качеством молитвы, бывает познание своей немощи и помощи Божией. Молясь, или лучше сказать, призывая Господа Иисуса на прилоги вражий, на страсти и на злые помыслы, он видит их погибель от страшного имени Христова и понимает Божию силу и помощь. С другой стороны, насилуемый и смущаемый злыми помыслами, познает свою немощь, ибо не может противостать им одними только своими силами. И в этом состоит все его правило и вся жизнь. И хотя враг может и ему внушать радостное самомнение и фарисейские мысли, однако он встречает в этом подвижнике готовность призывать Христа на все злые помыслы и, таким образом, не достигает успеха в своих кознях. Но скажет кто-нибудь, что и первому возможно призывать Христа на вражий прилог. Да, возможно, но каждый по опыту знает, что в настоящее время у делателей внешнего правила нет обычая обучаться молитве на злые помыслы. Таковые особенно не хотят принимать слова произносимого или пишемого о внутреннем внимании, в коем заключается наука моления на злые помыслы. И не только не принимают, но и противятся, и учителей своих выставляя, утверждают, будто бы новоначальным не положено святыми отцами умное делание, а только одно псалмопение, тропари и каноны, устами и языком произносимые. И хотя они говорят и учат это неправильно, однако все их слушают, ибо такое моление не требует обучения или отречения от мирских похотей, но всякий, стоит только ему захотеть, может так молиться, монах ли или мирянин. Священное же умное делание, будучи славным и богоугодным искусством из искусств и требуя не только отречения от мира с его похотями, но еще и многого наставления и обучения, не находит исполнителей среди монахов. При всем том следует опасаться правых и левых уклонений, т. е. отчаяния и самонадеянности. Замечая, что у обучающихся умному деланию бывают по случаю, а не намеренно, невольные падения, называемые отцами повседневными грехами, не должно приходить от этого в сомнение, ибо по мере всякого бывает и преуспеяния, и ниспадения от доброго к противоположному. С другой стороны, слыша о великой милости Божией к нам грешным, мы не должны быть самонадеянными и бесстрашно приступать без великого смирения и посильного исполнения заповедей к этому умному священнодействию. Созная, что и самонадеянность, и отчаяние внушаются врагом, бегать крепко и того, и другого.

И, таким образом, со многим рассмотрением Священного Писания и пользуясь советом искусных, во смирении обучаться этому деланию. Святые отцы, которые учат одними заповедями Христовыми побеждать страсти и очищать сердце от злых помыслов, указывают подвижникам иметь два крепчайших оружия — страх Божий и память вездеприсутствия Божия, по сказанному: «Страхом Господним всяк уклоняется от зла», и: «Предзрех Господа предо мною выну... да не подвижуся», предлагают кроме того иметь память смерти и геенны и еще чтение Святых Писаний. Все это хорошо для хороших и благоговейных мужей; у нечувственных же и окамененных, хотя бы и сама геенна или Сам Бог видимым образом открылись, никакого не явится от этого страха. При том же и сам ум в новоначальных монахах скоро притупляется к памяти таковых вещей и бежит от них, как пчела от курения дыма. Но хотя указанная память и бывает добра и полезна в час брани, духовнейшие и искуснейшие отцы сверх этого добра указали и еще большее и несравненное добро, могущее помогать даже и весьма слабым.

Первое средство можно сравнить с тем, когда мелют в жерновах своими руками и своею собственною силой, а это последнее средство, когда мелют на мельнице водою и различными приспособлениями. Как вода сама собою движет колеса и камень, так и пресладкое имя Иисуса, вместе с памятью о Боге, всецело живущем в Иисусе, подвигает ум в молитву, о чем великий в богословии Исихий говорит: «Душа благодетельствуемая и услаждаемая Иисусом с радостью и любовью и исповеданием воссылает хвалу Благодарителю, благодаря и призывая Его с веселием», и в другом месте: «Как невозможно проводить эту жизнь без пищи и питья, так невозможно без умного хранения душе достигнуть чего-либо духовного и удобного Богу или освободить свой ум от греха, хотя бы кто и принуждал себя не грешить из-за страха мук». И еще: «Проникшие в наше

сердца помыслы, если мы их не хотим и крепимся и противостоим, может изгонять молитва Иисусова, произносимая из глубины сердца». Первым из указанных выше средств, без умного делания, хотя и достигается преуспеяние, однако очень медленно и с трудом. Вторым же средством скоро и легко приближается делатель к Богу. Ибо там бывает одно только внешнее моление и поучение, и делание заповедей, здесь же и то, и другое, и внешнее, и внутреннее хранение. Когда новоначальный монах, по отречении его от мира и действия грехов великих и смертных, положит пред Богом обещание воздерживаться не только от малых грехов, повседневных и простительных, но и от действия самих страстей и злых помыслов, и, войдя внутрь к сердцу умом своим, начнет призывать на всякую брань и на всякий злой помысл Господа Иисуса или, если по немощи своей уступит прилогу вражью и нарушит заповеди Господни, припадет к Господу с сердечной молитвою, каюсь, осуждая себя, и в этом устроении пребудет до своей кончины, падая и восставая, побеждаясь и побеждая, день и ночь прося отмщения от соперника своего, то не будет ли существовать для него надежда на спасение? Ибо, как показывает опыт, невозможно даже и самым великим мужам вполне уберечься от повседневных грехов, сущих не к смерти, источником которых бывают: слова, мысль, неведение, забвение, неволя, воля, случай, и которые прощаются вседневною благодатию Христовой, по словам святого Кассиана. Если кто, малодушествуя, скажет, что святой Кассиан под очищающимися благодатию Христовой от вседневных грехов разумеет одних святых, а не новоначальных и страстных, пусть будет место и такому мнению, но ты, главным образом, принимай во внимание суждение и решение о таких вещах святых писаний, по которым всякий новоначальный и страстный осуждается этими повседневными грехами, и снова может получить прощение благодатию Христовой, как и все святые всечасным покаянием и исповеданием Богу. Ибо, как говорит святой Дорофей, есть служащий страсти и есть сопротивляющийся страсти. Служащий страсти, когда услышит одно слово, теряет покой, или говорит пять слов или десять в ответ на одно слово и враждует, и смущается, и даже потом, когда уже успокоится от волнения, не перестает злобствовать на сказавшего ему то слово, и печалится о том, что не сказал ему больше, нежели сказал, и придумывает слова, еще более злые, чтобы сказать ему, и постоянно говорит: почему я не сказал ему так? скажу ему еще так-то, и все время гневается. Это одно устроение, когда злое состояние является обычным. Другой, когда услышит слово, также теряет спокойствие и также говорит в ответ и пять, и десять слов и скорбит, что не сказал еще трех слов более обидных, и печалится, и помнит зло, но проходит немного дней, и он умиротворяется; иной неделю остается в подобном состоянии, а иной через день утихает, а иной обижают, враждует, смущается, смущает и тотчас же утихает. Вот сколько бывает различных устроений, и все они подлежат суду, пока остаются в силе. Поэтому можно судить и о всех других случаях, почему страстный не может очиститься благодатию Христовой от повседневных грехов, кажущихся малыми.

Рассмотрим теперь, когда подобные же грехи бывают простительны новоначальным и страстным. Тот же святой Дорофей говорит: бывает, что кто-нибудь, услышав слово, скорбит в себе, но не о том, что получил неприятность, но о том, что не перетерпел. Этот находится в устроении сопротивляющегося страсти. Другой борется и трудится и побеждается страстью. Иной не хочет отвечать злом на зло, но увлекается привычкою. Иной старается не сказать ничего злого, но скорбит, что получил огорчение, и упрекает себя за то, что скорбит, и кается в этом. Иной же не скорбит, что получил огорчение, но и не радуется. Все они суть сопротивляющиеся страсти: они не хотят служить страсти и скорбят, и подвизаются. Таковые хотя и страстные, но благодатию Христовой могут получить прощение вседневных грехов, не с намерением, но невольно совершаемых, о которых Господь заповедал святому Петру до седмижды семидесяти раз прощать в день. Это же самое говорит и святой Анастасий Синаит: «Мы так рассуждаем и думаем о принимающих святые Тайны Тела и Крови Господних, что если они имеют некоторые малые и простительные грехи, как-то: погрешают языком, слухом, оком или тщеславием, или печалью, или раздражительностью, или чем-нибудь другим подобным, но осуждают себя и исповедуют свой грех Богу, и таким образом, принимают святые Тайны, таковое принятие бывает им во очищение грехов их. Так как в начале было нами сказано о благоискусном преодолении страстей умною молитвою и заповедями, покажем теперь яснее и самый ход умного сражения со страстями. Находит ли на нас прилог вражий какой-либо страстию или злым помыслом, делатель молитвы призывает на них Христа, и погибает диавол со своим прилогом. Падет ли по немощи мыслию или словом, или раздражительностью, или плотским пожеланием, молит Христа, исповедуясь Ему и каюсь. Объят ли бывает унынием и печалью, стесняющими ему ум и сердце, хватается за память смерти и геенны и вездеприсутствия Божия и, немного при помощи их потрудившись, призывает

Христа. Затем, обретши мир от борьбы, снова молит Христа быть милостивым к нему за его грехи вольные и невольные. И, одним словом, в час брани и мира душевного прибегает он ко Христу, и бывает ему Христос вся во всех, как в добрых, так и в злых обстоятельствах. И не увлекается таковой самостью, будто бы он выполняет что-либо, молясь или угождая Богу. Ибо иной есть смысл внешнего моления, иной же сего внутреннего: тот, исполняя количество пения, уповает этим угодить Богу; оставляя же его, осуждает себя. А этот, будучи укоряем совестью в повсечасных грехах и терпя нападение вражиих прилогов, всегда вопиет ко Христу, держа в уме своем слова: «Если и на всю лестницу совершенства взойдешь, о прощении грехов молись». И опять: «Хочу лучше пять слов сказать умом моим, нежели десять тысяч языком», и таким образом без всякого сомнения выполняет указанное святым Дорофеем сопротивление страстям.

Если же кто скажет, что можно и без умного делания очиститься от грехов благодатию Христовой через покаяние, тому отвечаем так: поставь с одной стороны заповеди Христовы, с другой же всегдашнюю молитву: и остави нам долги наши. Дай мне и истинную решимость не нарушать ни одной заповеди, т. е. не похотствовать, не гневаться, не осуждать, не клеветать, не лгать, не празднословить, любить врагов, добротворить ненавидящим, молиться за обижающих, уклоняться сластолюбия, сребролюбия и блудных помыслов, печали, тщеславия, презорства — одним словом, всех грехов и злых помыслов. И с такою решимостью приступи к обучению умному деланию и замечай внимательно, сколько раз в день, вопреки своей решимости, ты нарушишь заповеди и какими грехами, страстями и злыми помыслами уязвишься. Поревнуй той вдовице, которая умоляла судью день и ночь, и начини вопить ко Христу ежечасно за всякую заповедь, которую нарушишь, и за всякую страсть, за всякий злой помысл, которым будешь побежден. Присоедини к этому доброго советника — Святое Писание, и, проведя так немало времени, приди и научи меня, что ты увидишь в душе своей. Едва ли и сам ты не признаешь, что невозможно уместиться всему этому во внешнем молении, но только в умном делании. Ибо оно научает своего ревнителя всем этим тайнам и удостоверяет душу его, что, оставляя многое псалмопение, каноны и тропари и обращая всю свою заботу на умную молитву, он не только не погубляет своего правила, но еще и умножает его. Как у ветховетного закона сила и хотение были в том, чтобы всех приводить ко Христу, хотя этим, казалось, и умалялся самый закон, так и многое пение отсылает делателя к умной молитве, а не распространяется на всю монашескую жизнь. Ибо и самый опыт научает такового, когда он, молясь, замечает как бы некоторое преграждение между ним и Богом, как бы медную стену, по пророку, не позволяющую уму ясно взирать к Богу в молитве, или внимать сердцу, в котором заключены все душевные силы и источник помыслов как добрых, так и злых.

Умное делание, несомненно, требует страха и трепета, сокрушения и смирения, и многого испытания Священного Писания, и советования с единомышленными братьями, но ни в каком случае не бежания и отрицания, а также и не дерзости, и не самочиния. Дерзкий и самонадеянный, стремясь к тому, что выше его достоинства и устроения, с гордостью поспешает к зрительной молитве. Охваченный тщеславною мечтою взойти на высокую степень, проникнутый сатанинским, а не истинным желанием, таковой легко уловляется дьявольскими сетями. И что нам порываться к высокому преуспеянию в умной и священной молитве, которого, по святому Исааку, едва достаивается один из десяти тысяч? Довольно, вполне довольно для нас, страстных и немощных, увидеть хотя след умного безмолвия, т. е. делательную умную молитву, которою прогоняются от сердца прилоги вражий и злые помыслы, в чем и состоит дело новоначальных и страстных монахов, через которое можно достигнуть, если Бог захочет, и зрительной или духовной молитвы. И не следует нам унывать от того, что немногие достаиваются зрительной молитвы, ибо у Бога нет неправды. Только не будем лениться идти путем, ведущим к этой священной молитве, т. е. делательную умную молитвою будем сопротивляться прилогам и злым помыслам. Идя этим путем святых, мы удостоимся и жребия их, хотя и не здесь на земле, как говорят святой Исаак и многие другие святые.

Умная молитва сопровождается различными телесными ощущениями, среди которых нужно отличать правильные от неправильных, благодатные от естественных и от происходящих от прелести. Ужаса и удивления достойно, говорит старец Василий, как некоторые, зная Священное Писание, не вникают в него. Другие же, и, не зная и не спрашивая опытных, осмеливаются, полагаясь на собственный разум, приступать к умному вниманию и при этом говорят, что внимание и молитву нужно совершать в желательной области: это, говорят они, есть область чрева и сердца. Такова первая и самопроизвольная прелесть: не только молитвы и внимания не следует

совершать в этой области, но и самую ту теплоту, которая происходит в час молитвы из похотной области в сердце, ни в каком случае не нужно принимать.

По слову святого Григория Синаита, нужен немалый труд, чтобы ясно постигнуть и сохранить себя в чистоте от того, что противно благодати, ибо диавол имеет обыкновение показывать новоначальным свою прелесть под видом истины, представляя им зло, как нечто духовное, показывая мечтательно одно вместо другого по своему произволу, вместо теплоты, возбуждая свое жжение, и вместо веселия, доставляя бессмысленную радость и чувственную сладость. Впрочем, делателю умной молитвы полезно знать и то, что жжение или теплота иногда поднимается от чресл к сердцу и сама собою, естественным образом, если не сопровождается блудными помыслами. И это, по словам святейшего патриарха Каллиста, происходит не от прелести, но от естества. Если же кто-нибудь посчитает эту естественную теплоту за благодатную, то это уже будет, несомненно, прелесть. Поэтому подвизающийся должен не останавливать на ней своего внимания, но отгонять ее. Иногда же диавол, соединив свое жжение с нашею похотью, увлекает ум в блудные помыслы. И это есть несомненная прелесть. Если же тело все разогревается, а ум остается чистым и бесстрастным и как бы прикрепленным и погруженным в глубине сердца, начиная и оканчивая молитву в сердце, это есть, несомненно, от благодати, а не от прелести.

В другом месте старец Василий говорит о телесных ощущениях при умной молитве следующее: прежде всего, по словам святейшего патриарха Каллиста, приходит теплота от почек, как бы опоясующая их, и она кажется прелестью, но это не так: теплота эта не от прелести, но от естества, и есть следствие молитвенного подвига. Если же кто считает эту теплоту от благодати, а не от естества, то это несомненная прелесть. Но какова бы ни была эта теплота, подвизающийся должен не принимать ее, но отвергать. Приходит и другая теплота — от сердца, и если при этом ум впадает в блудные помыслы, это есть несомненная прелесть; если же тело все от сердца разогревается, а ум остается чистым и бесстрастным и как бы прикрепленным во внутренней глубине сердца, то это есть несомненно от благодати, а не от прелести. Зная все это, необходимо с самого начала приучать свой ум в час молитвы стоять сверху сердца и смотреть в глубине его, а не на половине сбоку и не на конце внизу. Следует это делать потому, что когда ум стоит сверх сердца и внутри его совершает молитву, тогда он, как царь, сидя на высоте, свободно наблюдает плещущие внизу злые помыслы и разбивает их, как вторых вавилонских младенцев о камень имени Христова. При этом, будучи значительно удален от чресл, он может легко избежать пехотного жжения, ставшего присущим нашей природе через преступление Адама. Если же кто собирает внимание к молитве на половине сердца, тогда или по оскудению сердечной теплоты или вследствие ослабления ума и притупления внимания от частого совершения молитвы, или же под влиянием возбуждаемой от врага брани, ум сам собою ниспадает к чреслам и против воли смешивается с пехотною теплотою. Некоторые по крайней своей нерассудительности или, лучше сказать, по неведению, начинают творить молитву снизу на конце сердца при чреслах, и, таким образом, касаясь умом своим частию сердца, частию чресл, сами призывают к себе прелесть, как заклинатель змею. Другие же, страдая совершенно неразумием, не знают даже самого места сердечного и думая, что оно находится посреди чрева, дерзают там творить умом молитву — горе их обольщению!

Так же следует различать и теплоту в молитве, какая есть естественный дар, излианный в сердце, как миро благоуханное через святое крещение, и какая привходит к нам от прародительского преступления, и какая возбуждается диаволом. Первая в одном только сердце с молитвою начинается и в сердце же заканчивает молитву, подавая душе успокоение и духовные плоды. Вторая от почек имеет начало и к почкам оканчивает молитву, причиняя душе жесткость, студеность и смущение. Третья, возникнув от смешения с похотным жжением, распаляет члены и сердце блудным сладострастием, пленяет ум скверными помыслами и влечет к телесному совокуплению. Внимательный все это скоро распознает и заметит: время, опыт и чувство все ему сделают ясным. Священное Писание говорит: «Господи, не доброе ли семя сеял еси? откуда убо возрастоша плевелы?» Невозможно не вкрадываться злу в доброе: так и со священным умным деланием сплетается прелесть, как плющ с деревом. Возникает прелесть от самомнения и самочиния и врачеством для нее служат смирение, исследование писаний и духовный совет, но не уклонение от обучения умному деланию. Ибо, по словам святого Григория Синаита, мы не должны ни бояться, ни сомневаться, призывая Бога: ибо если некоторые и сбились с пути, повредившись умом, знай, что они потерпели это от самочиния и высокоумия. Причина же высокоумию, с одной стороны, безрассудный и безмерный пост, когда постящийся думает, что он

совершает добродетель, а не ради целомудрия постится, с другой стороны — уединенное жителство. Устраняя первую причину, святой Дорофей говорит: «Безмолвствующий должен всегда держаться царского пути, ибо неумеренность во всем легко сопровождается самомнением, за которым следует прелесть». Уничтожая же вторую, говорит: «Только сильным и совершенным подобает единоборствовать с бесами и извлекать на них меч, который есть слово Божие».

Самый способ и действие прелести состоят, во-первых: во вражьем приобщении в похоти внутренних чресл, и, во-вторых: в призраках и мечтании ума. Предостерегая от первого, святой отец говорит: хотя враг и преобразует естественное движение чресл, как бы в духовное, вместо духовной теплоты, возбуждая свое жжение, и вместо веселия, принося бессмысленную радость и заставляя принимать свою прелесть за действие благодати, но время, опыт и чувство изобличают его обман. Указывая на вторую опасность, святой отец учит так: ты же, когда безмолвствуешь, ни в каком случае не принимай, если что-нибудь видишь чувственно или умно, внутри или вне себя: образ ли Христов или ангелов, или святого, или свет, или огонь и прочее. Здесь снова оживет возражатель и обвинит в прелести умное делание. Ибо они думают, что прелесть не примешивается внешнему пению. Однако да будет известно, что во всем: в пении ли, в молитве ли, прелесть имеет одинаковое место при неискusstве делателей, как говорит святой Иоанн Лествичник: «Испытаем и посмотрим, и измерим, какая нам в пении сладость прибывает от блудного беса и какая от живущей в нас благодати и силы». И в другом месте: «Поя и молясь, наблюдай приходящую сладость, как бы она не оказалась растворенною горькими отравками». Итак, ты видишь, что прелесть может одинаково постигнуть как поющих, так и проходящих молитву: но так как не знающие умного делания имеют одно только опасение, как бы им выполнить песненное правило, о злых же помыслах и похотном кипении они не доискиваются, то они и не знают, когда пехотная часть сама вскипает и когда возбуждается вражьем приобщением, и как всего этого избежать. Они сражения слышат и раны получают, но кто их враги, и ради чего они воюют, этого не ведают. Познав из сказанного, что не умное делание бывает причиною прелести, но одно только наше самочиние и высокоумие, не следует нам убегать умной молитвы: ибо она не только не вводит нас в прелесть, но, напротив, открывает нам умные очи к ее познанию и уразумению, чего мы никогда не могли бы достигнуть, если бы не обучались этому священному умному деланию, хотя бы кто был и великий постник и безмолвник.

Ознакомившись с учением об умной молитве старца Василия, обратимся теперь к учению о том же предмете старца Паисия Величковского. Как было уже сказано, старец Паисий вынужден был выступить со своим сочинением ради предостережения своих братии от распространившихся в то время нападков на умную молитву, хотя и сознавал, что поставленная им себе задача превосходит силу его разума.

«Дошел до меня слух, — пишет он, — что некоторые лица монашеского звания, основываясь лишь на песке собственного суетумудрия, осмеливаются хулить божественную Иисусову молитву, умом в сердце священнодействуемую. Вооружает их на это, смею сказать, враг, чтобы их языками, как собственным орудием, опорочить это божественное дело и слепотою их разума омрачить это духовное солнце. Опасаясь, как бы кто-нибудь, слушая их басни, не впал бы в подобную им хулу и не погрешил бы перед Богом, похулив учение столь многих богоносных отцов, учащих об этой божественной молитве и будучи притом не в состоянии равнодушно слушать дерзкие слова на это пренепорочное делание, а также убеждаемый усиленными просьбами ревнителей этой молитвы, я задумал, призвав на помощь сладчайшего моего Господа Иисуса, написать в опровержение ложного умствования пустословов и в утверждение богоизбранного стада, собравшегося в нашей обители, несколько слов об умной божественной молитве на основании учения святых отцов для твердого, непоколебимого и несомненного в ней удостоверения. И так я, прах и пепел, преклонив мысленные колена сердца моего пред неприступным величием Божественной славы Твоей, молю тебя, едиnorodный Сыне и Слове Божий, просветивший слепорожденного, просвети и мой омраченный ум, даруй душе моей Твою благодать, да будет сей мой труд во славу имени Твоего и в пользу тем, кто хочет через умное делание молитвы духом прилепиться Тебе и всегда носить в сердце своем Тебя, а также и во исправление тех, кто по крайнему своему невежеству дерзнули похулить это божественное делание!» Далее следует изложение учения об умной молитве в шести главах.

В главе первой старец пишет о том, что умная молитва есть делание древних святых отцов и защищает ее против хулителей этой священной молитвы. Да будет известно, что это божественное делание было постоянным занятием древних богоносных отцов наших и просияло, как солнце, во многих местах пустынных и в общежительных монастырях: Синайской горе, в Египетском ските,

в Нитрийской горе, в Иерусалиме и окружающих его монастырях — словом, на всем Востоке и в Царьграде, в последние же времена и в Великой России. Этим умным деланием священной молитвы многие из богоносных отцов наших, воспламенившись серафимским огнем к Богу и ближнему, соделались строжайшими хранителями заповедей Божиих и удостоились стать избранными сосудами Святого Духа. Многие из них, побуждаемые сокровенным божественным вдохновением, написали об этой божественной молитве, в согласии с Божественным Писанием Ветхого и Нового Завета, книги святых своих учений, исполненные премудрости Святого Духа. И они это сделали по особому Божьему промыслу, чтобы как-нибудь в последующие времена не пришло в забвение это божественное дело. Но из написанных ими книг многие, Божиим за грехи наши попусшением, истреблены сарацинами, овладевшими греческим царством, другие же милостью Божией сохраняются и до нашего времени. На это божественное умное делание и хранение сердечного рая никто из правоверующих не дерзал когда-либо произнести хулу, но всегда все относились к нему с великим почтением и крайним благоговением, как к вещи, исполненной великой духовной пользы.

Начальник же злобы и противник всякому доброму делу диавол, видя, как в особенности через это умное делание молитвы монашеский чин, избирая благую часть, неотторжно любовью сидит у ног Иисусовых, в совершенстве преуспевая в Его божественных заповедях, начал употреблять все усилия, чтобы опорочить и похулить это спасительное дело, и, если только возможно, совершенно уничтожить его с лица земли: он стремился этого достигнуть то путем истребления книг, то посредством примешивания к чистой и небесной пшенице душевных плевел, благодаря чему люди, не имеющие рассуждения, видя тех, кто самочинно коснулся этого делания и по возношению своему пожал терние вместо пшеницы, а вместо спасения нашел гибель, произносят хулу на это святое дело. Не довольствуясь сказанным, диавол отыскал в италийских странах калабрийского змия, гордостью своею во всем подобного диаволу, еретика Варлаама, и вселившись в него со всею своею силою, побудил его хулить и нашу православную веру, и эту священную умную молитву. Смотрите же, други, дерзающие хулить умную молитву, не становитесь ли и вы соучастниками этого еретика и его единомышленников? Ужели не трепещете душою подпасть, подобно им, церковной анафеме и быть отчужденными от Бога? Какая, в самом деле, законная причина имеется у вас хулить эту пренепорочную и триблаженную вещь? Я никак не могу понять. Кажется ли вам бесполезным призывание имени Иисусова? Но и спастись ни о ком ином невозможно, как только о имени Господа нашего Иисуса Христа. Ум ли человеческий, которым совершается молитва, порочен? Но и это невозможно: ибо Бог создал человека по образу Своему и подобию; образ же Божий и подобие находятся в душе человеческой, которая как создание Божие, чиста и непорочна: а потому и ум, это главнейшее чувство душевное, подобное зрению в теле, также непорочен. Но, может быть, хулы заслуживает сердце, на котором, как на жертвеннике, ум священнодействует Богу тайную жертву молитвы? Также нет. Ибо и сердце есть создание Божие, и как все тело человеческое зело добро есть. Итак, если призывание имени Иисусова спасительно, а ум и сердце человека суть творения рук Божиих, то какой же порок человеку от глубины сердца умом воссылать сладчайшему Иисусу молитву и просить у Него милости? Или, может быть, вы за то хулите и отвергаете умную молитву, что Бог, по вашему мнению, не слышит тайную, в сердце совершаемую молитву, а только ту слышит, которая устами произносится? Но эта хула на Бога: Бог сердцеведец и самые тончайшие помыслы, бываемые в сердце, или еще только имеющие появиться, Он в точности знает и все знает, как Бог и Всеведец. Он и сам ищет от нас такой тайной, из глубины сердца воссылаемой молитвы, как жертвы чистой и непорочной, заповедуя: «Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне; и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве» (Мф. 6, 6).

Эти слова Господа святой Иоанн Златоуст, Христовы уста, светило всемирное, вселенский учитель, в 19-ой беседе на Евангелие от Матфея, по данной ему Духом Святым премудрости, относит не к той молитве, которая только устами и языком произносится, но к самой тайной, безгласной, от глубины сердца воссылаемой молитве, которую он начнет совершать не телесным только образом, не только произношением уст, но усерднейшим произволением, со всякою тихостью и сокрушением духа, со слезами внутренними и болезнью душевною, с затворением мысленных дверей. И приводит от божественного Писания во свидетельство об этой тайной молитве — Боговидца Моисея и святую Анну и праведного Авеля, говоря так: «Но болезнуешь ли душою? Не можешь и не вопить, ибо весьма болезнующему свойственно так молиться и так просить, как я сказал. Ибо и Моисей, бо-лезнуя, так молился, и болезнь его была услышана, почему и сказал ему Бог: что вопиеш ко мне? И Анна, хотя и голоса ее не было слышно, достигла

всего, чего хотела, так как сердце ее вопияло. И Авель не молча ли и не по кончине ли своей молился? И кровь его издавала глас, сильнейший трубы. Сте-ни и ты так же, как Моисей, не возбраняю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не ризы, из глубины призови Бога. «Из глубины, — сказал он, — возвах к Тебе, Господи!» От низу, от сердца возвыси голос; сделай таинством твою молитву. И в другом месте: «Ты не людям молишься, но Богу вездесущему и слышащему прежде, нежели ты скажешь, и знающему прежде, нежели ты подумаешь: если так молишься, великую получишь награду». И еще: «Он, будучи невидим, хочет, чтобы и молитва твоя была таковая же».

Видите, други, что по свидетельству непреодолимого столпа православия, существует и иная, кроме произносимой устами, тайная, невидимая, безгласная, из глубины сердца возносимая к Богу молитва, которую, как жертву чистую, как аромат благоухания духовного, принимает Господь, радуется ей и веселится, видя ум, который наиболее должен быть посвящен Богу, соединяемым с Ним молитвою. Зачем же вы на эту молитву вооружили хулою свой язык, понося, злословя, ненавидя, издеваясь, отвергая и отвращаясь ее, как самой скверной вещи и, вкратце сказать, даже не желая слышать о ней? Ужас и трепет схватывают меня при виде такого безумного вашего начинания! Но я и еще спрошу вас: не за то ли вы хулите эту спасительнейшую молитву, что, может быть, вам случилось видеть или вы слышали, что кто-нибудь из делателей этой молитвы повредился умом или принял за истину какой-либо обман, или потерпел какой-либо душевный вред, и вам подумалось, что причину всего этого была умная молитва? Но нет! нет! Священная умная молитва, действующая благодатию Божией, очищает человека от всех страстей, побуждает его к усерднейшему хранению заповедей Божиих и сохраняет его невредимым от всех стрел вражиих и прелести.

Если же кто осмелится проходить эту молитву самочинно, не по силе учения святых отцов, без вопрошения и совета искусных, будучи к тому же надменен, страстен и немощен, живя без послушания и повиновения, да еще и проводя уединенное и пустынное житие, которого и следа за свое самочиние не достоин видеть, такой воистину, и я утверждаю, легко впадает во все сети и прелести диавола. Что же? Неужели эта молитва является причиной прелести? Да не будет! Если же вы за это порочите умную молитву, то вы должны порочить и нож, если бы какому-нибудь малому ребенку случилось, играя этим ножом, по неразумию своему причинить себе рану. Тогда нужно и воинам запретить носить меч воинский, если бы случилось какому-нибудь безумному воину заколоть себя мечом. Но как ни нож, ни меч нельзя считать виновниками причиняемого ими вреда, так и меч духовный, священная и умная молитва неповинна ни в чем дурном; виновны же самочиние и гордость самочинников, вследствие которых они впадают в бесовскую прелесть и подвергаются всякому душевному вреду.

Впрочем, зачем я так долго расспрашиваю вас о причине вашей хулы на эту священную молитву? Я знаю, о други, хорошо знаю самую существенную причину вашей хулы: во-первых, ваше не по заповеди Христовой, без испытания, чтение Священных Писаний; во-вторых, недоверие к учению святых отец наших, учащих об этой божественной молитве; в-третьих, крайнее ваше невежество, может быть, никогда даже не видевших писаний о ней богоносных отец наших или, по крайней мере, совсем неразумяющих силы их богомудрых слов — вот в чем заключается существенная причина вашего зломудрия. Если бы вы со страхом Божиим и полным вниманием, с несомненною верою, с трудолюбивым испытанием и смиренномудрием прочитали отеческие книги, содержащие в себе весь разум жития евангельского и необходимые монахам к пользе душевной и исправлению, к истинному здоровому и смиренномудрому образу мыслей, то никогда бы не попустил вам Господь впасть в таковую глубину злохуления. Но Он воспламенил бы вас своею благодатию через это делание к неизреченной любви Своей, так что вы вместе с апостолом готовы были бы воскликнуть: кто нас отлучит от любви Христовой? (Рим. 8, 35). И вы не только не произносили бы на нее хулы, но готовы были бы и душу свою за нее положить, ощутив самим делом и опытом происходящую от этого умного внимания неизреченную душам своим пользу. Для избавления вас и всех сомневающихся от великого душевного вреда, я не нахожу более подходящего врачевания, как указать вам, насколько Господь поможет мне в этом, как святые богоносные отцы наши, основываясь на недвижимом камне Священного Писания, учат об этой всесвященной молитве, умом в сердце тайно совершаемой. Да и сами вы, когда ясно и наглядно видите истину учения святых отец, при помощи благодати Божией коснувшейся душ ваших, исцелитесь от вашего духовного недуга, принесете Богу искреннее покаяние в своем заблуждении и сподобитесь милости Его и совершенного прощения вашего прегрешения.

Во второй главе старец Паисий объясняет, откуда умная Иисусова молитва ведет свое начало, и какие свидетельства Священного Писания приводят о ней богоносные отцы. Да будет известно, что по писаниям святых отцов существуют две умных молитвы. Одна для новоначальных, соответствующая деянию, другая для совершенных, соответствующая видению: первая есть начало, вторая конец, ибо деяние есть восхождение к видению. Должно знать, что, по святому Григорию Синаиту, существует восемь первых видений, перечисляя которые, он говорит так: «Мы считаем восемь первых видений: первое — о Боге, безвидное и безначальное, несозданное, причина всего, Троичное Единство и превыше существенное Божество; второе — умных сил порядок и устройство; третье — существующего состав; четвертое — смотрительное снисхождение слова; пятое — всемирное воскресение; шестое — страшное и второе Христово пришествие; седьмое — вечную муку; восьмое — Царство Небесное, неимущее конца». Постараюсь теперь по мере моего слабого разума объяснить, в какой силе нужно понимать деяние и видение. Да будет известно (говорю это подобным мне, самым простым инокам), что весь монашеский подвиг, которым кто-либо при помощи Божией подвизается на любовь к Богу и ближнему, на кротость, смирение и терпение и на все прочие Божий и отеческие заповеди, на совершенное по Богу повиновение душою и телом, на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение в молитве, на плач и о смерти размышление, весь таковой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, насколько известно, называется деянием, видением же ни в каком случае не называется.

А если бы где-нибудь умный подвиг молитвы в писаниях святых отцов и назывался зрением, то это лишь по просторечию, подобно тому как и ум, будучи оком души, называется зрением. Когда же при помощи Божией вышеуказанным подвигом, особенно же глубочайшим смирением очистит человек свою душу и сердце от скверных душевных и телесных страстей, тогда благодать Божия, общая мать всех, взявши очищенный ею ум, как младенца, за руку, возводит его как бы по ступеням на упомянутые духовные видения, открывая уму, по мере его очищения, неизреченные и непостижимые уму божественные тайны, и это по справедливости называется истинное духовное видение: это есть зрительная или, по святому Исааку, чистая молитва, от нее же ужас и видение. Но войти в эти видения невозможно никому самовластно, произвольным подвигом, если не посетит его Бог и не введет в них Своею благодатию. Если же кто дерзнет восходить на таковые видения помимо света благодати Божией, тот, по святому Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не видения, будучи прельщаем мечтательным духом.

Предложив это рассуждение о деятельной и зрительной молитве, время уже теперь показать, откуда божественная умная молитва имеет свое начало. Да будет известно, что по неложному свидетельству богомудрого отца нашего Нила, постника Синайского, еще в раю самим Богом дана была первозданному человеку умная, подобающая совершенным, божественная молитва. Святой Нил говорит так: «Помолившись, как должно, ожидай того, что не должно, и стань мужественно, храня плод свой. На это ты был назначен с самого начала: возделывать и хранить. И потому, возделав, не оставляй возделанного без хранения: если же ты этого не сделаешь, то ты не получишь никакой пользы от молитвы». Толкуя эти слова, российское светило преподобный Нил, пустынный Сорский, просиявший, как солнце, в великой России умным деланием молитвы, говорит так: «Эти слова святой привел из Ветхого Завета — возделывать и хранить; ибо говорит Писание: сотворил Бог Адама и поселил его в раю возделывать и хранить рай. Под возделыванием святой Нил Синайский понимает молитву: под хранением необходимое после молитвы солгодение от злых помыслов». То же самое говорит и преподобный Дорофей, что первозданный человек, поселенный Богом в раю, пребывал в молитве. Из этих свидетельств видно, что Бог, создав человека по образу Своему и по подобию, ввел его в рай сладости возделывать сады бессмертные, т. е. мысли божественные, чистейшие, высочайшие и совершенные, как пишет святой Григорий Богослов. Это есть ничто иное, как то, что первому человеку, как чистому душою и сердцем, было назначено пребывать в зрительной, единым умом священнодействующей, благодатной молитве, т. е. в сладчайшем видении Бога и мужественно оберегать ее, как райское делание, как зеницу ока, чтобы она никогда не отошла от души и сердца.

Но несравненно большую получила эта молитва славу, когда всех святейшая, честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим, Пресвятая Дева Богородица, пребывая во святая святых и взошедши умною молитвой на крайнюю высоту боговидения, сподобилась быть пространним селением неместимого всею тварью Божия Слова, как свидетельствует об этом непреоборимый столп православия, святой Григорий Палама, архиепископ Фессалонитский *в*

своем «Слове на Вход во храм Пресвятые Богородицы». Он говорит, что Пресвятая Дева, пребывая во святая святых и уразумевши из Священного Писания о погибающем ради своего преслушания роде человеческом и исполнившись к нему крайнего милосердия, восприяла умную молитву к Богу о скорейшем помиловании и спасении рода человеческого. Вот его собственные слова, достойные ангельского разума: «Когда Богоотроковица услышала и увидела все происходящее, исполнившись милосердия к роду человеческому и изыскивая способ исцеления и врачевства, равносильного такому страданию, она нашла нужным тотчас же всем умом обратиться к Богу, восприявши о нас молитву, чтобы понудить Непонуждаемого и привлечь Его к нам, дабы Он сам разрушил осуждение и связал с собою создание, исцелив немощное». И ниже: «Не усматривая же из всего существующего ничего лучше этой молитвы подходящего для человека, устремляясь к молению крепко со всем старанием, Дева обретает священное безмолвие, как самое необходимое молитвенникам для собеседования. Всякая иная добродетель есть как бы врачевание в применении к душевным недугам и от малодушия укоренившимся лукавым страстям; боговидение же есть плод здравствующей души, как некоторое конечное совершенство. Поэтому человек боготворится не от словес и не от видимых действий предусмотрительной умеренности, ибо все это и земленно, и низменно, и человеческо; но от пребывания в безмолвии, благодаря которому мы отрешаемся и освобождаемся от земного и восходим к Богу и, пребывая на высоте безмолвного жития, ночью и днем терпеливо подвизаясь в молитвах и молениях, приближаемся некоторым образом и приступаем к неприступному и блаженному Естеству. И, таким образом, терпеливо творя молитву, срастворившуюся неизъяснимо сущему выше ума и чувства Свету, мы видим в себе как в зеркале Бога, очистивши сердце священным безмолвием». И ниже: «Вот почему Пречистая, отрехшись от житейского пребывания и молвы, удалилась от людей и предпочла жизнь всем невидимую и необщительную, пребывая в неведомых. Здесь, отрешившись от всех вещественных уз, отказавшись от всякого общения и любви ко всему и превзойдя снисхождение к собственному телу, Она собрала ум к одному с Ним соображению и пребыванию, и вниманию, и к непрестанной божественной молитве и через нее, сама в себе бывши и устроившись превыше многообразного мятежа и помышлений, она открыла новый и неизреченный путь на небо, который есть, скажу так, — мысленное молчание. Прилежа ему и внимая умом, она перелетает все создания и твари, лучше, нежели Моисей, зрит славу Божию, созерцает божественную благодать, ни в какой мере не подлежащую силе чувства, а также душ и умов нескверных благодостное и священное видение, ставши причастницей которого, Она является светлым облаком живой воды, зарею мысленного дня и огнеобразною колесницею Слова».

Из этих слов святого Григория Паламы видно, что Пресвятая Дева, пребывая во святая святых, взшла умною молитвою на крайнюю высоту боговидения и сама собою явила пример осмотрительного по внутреннему человеку жителства — отречением от мира во имя мира, священным безмолвием ума, мысленным молчанием к непрестанной божественной молитве и вниманию ума сосредоточением и восхождением через деяние к боговидению, дабы, взирая на нее, отрехшиеся от мира усердно подвизались в указанных умных трудах и потах, стараясь по мере сил Ее молитвами быть Ее подражателями. И кто может достойным образом восхвалить божественную умную молитву, делательницей которой была сама Божия Матерь, наставляемая руководством Святого Духа!

Однако, во утверждение и несомненное удостоверение всех сомневающих настало время показать, какие свидетельства Священного Писания приводят о ней богоносные отцы, писавшие по просвещению божественной благодати. Божественная умная молитва имеет непоколебимое основание прежде всего в словах Господа Иисуса: «Ты же, егда молишия, вниди в клеть свою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, иже в тайне, и Отец твой, видяй в тайне, той воздаст тебе яве». Эти слова, как уже было сказано, святой Иоанн Златоуст толкует о безгласной, тайной, из глубины сердца воссылаемой молитве. Огненный же столп, огненные уста Святого Духа, око церковное святой Василий Великий, толкуя слова Священного Писания: «Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих», прекрасно поучает об умных устах и об умном действии, т. е. об умной молитве. Его слова об этом привожу в точности: «Выну хвала Его во устех моих». Думается, невозможно то, что говорит пророк: каким образом хваление Божие может быть всегда во устах человеческих? Когда человек ведет обычную житейскую беседу, он не имеет во устах хвалу Божию; когда спит, молчит, конечно; когда ест и пьет, как уста его совершают хвалу? На это отвечаем, что есть умные уста внутреннейшего человека, посредством которых человек становится причастником жизненного слова Божия, которое есть хлеб, сшедый с небес.

Об этих устах говорит пророк: «Уста моя отверзох и привлекох дух». Эти уста и Господь призывает нас иметь отверстыми ко приятию пищи истинной: «Расшири, — говорит Он, — уста твоя и исполню я». Может однажды начертанная и запечатленная в разуме души мысль о Боге именоваться хвалою, от Бога всегда пребывающей в душе. Может, по апостольскому слову, старательный все творить во славу Божию. Ибо всякое делание и всякое слово, и всякое действие умное имеет силу хваления. Праведник — ест ли он или пьет, или иное что делает, все во славу Божию делает: у него даже и спящего сердце бдит». Из этих слов святого Василия ясно, что кроме уст телесных существуют еще и умные уста и умное действие и хваление, мысленно во внутреннем человеке совершаемое.

Блаженству же соименный, египетское, лучше же сказать, вселенское солнце, ярче солнца просиявший дарованиями Святого Духа великий Макарий в своих словах об этой молитве говорит так: «Христианин должен всегда иметь память о Боге, ибо написано: «Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца», чтобы он не только тогда, когда входит в молитвенный дом, любил Господа, но и тогда, когда ходит, беседует, ест и пьет, имел память о Боге и любовь, и желание; ибо сказано: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). Преподобный же и богоносный древний отец, святой Исаия Постник, о сокровенном поучении, т. е. об Иисусовой молитве, мыслью в сердце совершаемой, приводит во свидетельство следующие слова Божественного Писания: «Согрея сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь» (Пс. 38, 4). Преподобный Симеон, просиявший в царствующем граде, как солнце, умною молитвою и неизреченными дарованиями Пресвятого Духа и за это получивший от всей церкви наименование Нового Богослова, в своем Слове о трех образах молитвы пишет следующее: «Святые отцы наши, слыша слова Господа, яко от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы и та суть сквернящая человека (Мф. 15, 19), учившего очищать внутреннее сткляницы, да и внешнее будет чисто (Мф. 23, 26), оставивши мысль о всяком ином делании, подвизались в этом хранении сердца они и всякое иное делание без труда соблюдут, без него же никакая добродетель удержаться не может». Эти слова преподобного ясно показывают, что вышеупомянутые слова Господа божественные отцы признавали свидетельством и основанием хранения сердца, т. е. мысленного призывания Иисуса. Тот же преподобный во свидетельство божественной умной молитвы приводит еще и иные слова Священного Писания: «Веселися, юноше, во юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен и отстави ярость от сердца твоего» (Ек. 11,9, 10); и: «Аще дух владеющего възидет на тя, места твоего не остави» (Ек. 10, 4).

И апостол Петр говорит: «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, некий кого поглотити» (1 Петр. 5, 8). И апостол Павел, очевидно, о сердечном хранении пишет ефесянам: «Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего» (Еф. 6, 12). Преподобный Исихий, пресвитер, богослов и учитель Иерусалимской церкви, написавший книгу в 200 глав о мысленном призывании в сердце Иисуса, т. е. об умной молитве, приводит следующие о ней свидетельства Божественного Писания: «Блаженны чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8) и опять: «Внемли себе, да не будет слово тайно в сердцах твоих беззакония» (Втор. 15, 9). И апостол говорит: «Непрестанно молитесь» (1 Сол. 5, 17), и сам Господь говорит: «Без Мене не можете творити ничесоже... Иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног». Божественный и богоносный отец наш Иоанн Лествичник об этой священной молитве и истинном безмолвии ума приводит из Священного Писания следующие свидетельства: «Великий великие и совершенные молитвы делатель сказал: хочу пять словес умом моим рещи» и проч. и опять: «Аз сплю, сердце же мое бдит» (Песнь Песней 5, 2); и снова: «Возвах всем сердцем моим» (Пс. 118, 145). Богоносный отец наш Филофей, игумен обители Купины Пресвятые Богородицы на Синае, составивший о хранении сердца небольшую книжицу бесценных жемчужин божественной премудрости, в непоколебимое основание своего учения полагает слова Священного Писания: «Воутрия избивах вся грешные земли» (Пс. 100, 8) и: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лук. 17, 21) и «Уподобися Царствие Небесное зерну горшич-ну и бисеру, и квасу»; и опять: «Всяким хранением соблюдай твоё сердце» (Прем. 4, 23) и опять: «Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон ...противу воуюющъ закону ума моего и пленяющъ мя» (Рим. 7, 22—23). Божественный отец наш Диадокх, епископ Фотикийский, в своем слове об умной Иисусовой молитве дает следующие основания из Священного Писания: «Никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1 Кор. 12, 3) и из притчи евангельской о купце, ищущем доброго бисера, заключает о молитве: «Сей есть бисер многоценный, который ценою всего своего имени

может приобрести человек и иметь неизреченную об его обретении радость». Преподобный отец наш Никифор Постник в своем слове о хранении сердца уподобляет это божественное мысленное в сердце делание молитвы сокровищу, скрытому на поле, и называет его «горящим светильником».

Божественный и богоносный отец наш Григорий Синаит деланием этой молитвы во святой Афонской горе и других местах достигший высшего боговидения, составивший божественную премудростию троичные песни, которые по всему миру еженедельно поются, сложивший также и канон животворящему кресту, приводит об этой божественной молитве следующие удостоверения из Божественного Писания: «Поминай Господа твоего выну» (Втор. 18) и опять: «В заутрии сей семя твое, и в вечер да не оставляет рука твоя» (Ек. 11, 6), и опять: «Аще бо молюся языком, дух мой молится, ум же мой без плода есть (1 Кор. 1, 1); помолюся убо усты, помолюся и умом», и: «Хощу рещи пять словес умом» и проч. Свидетелем он приводит Иоанна Лествичника, также относящего эти слова к умной молитве. Апостольским стопам последователь, непреодолимый столп православной веры, разорвавший на Флорентийском соборнице, как паутинную сеть, духовор-ные ереси латинян огненным мечом духа и истинною православных догматов, всесвященнейший, премудрейший и словеснейший митрополит Эфесский Марк пишет о божественной Иисусовой молитве: «Подобало бы по заповеди непрестанно молиться, и духом и истинною поклонение Богу возносить; но расположение житейским помыслам и тяжесть попечения о теле отводит и отстраняет многих от Царствия Божия, внутри нас сущего, и препятствует пребывать у умного жертвенника, принося от себя Богу духовные и словесные жертвы по божественному апостолу, сказавшему, что мы храм Бога, живущего в нас, и что Дух Его божественный живет в нас. И нет ничего удивительного, если это обычно бывает со многими, живущими по плоти, когда мы видим и некоторых отречшихся от мира монахов, мысленно обуреваемых действиями страстей, подвергающихся вследствие этого великому смущению, омрачающему разумную часть души, и потому немогущих достигнуть при всем их желании истинной молитвы. Сладостна бывающая в сердце чистая и постоянная память об Иисусе и происходящее от нее неизреченное просвещение». Преподобный отец наш российский, святой Нил Сорский, составивший книгу о мысленном хранении сердца, пользуется следующими словами Священного Писания: «От сердца исходят помышления злая и сквернят человека» (Мф. 15, 19). «Духом и истинною подобает Отцу кланяться», и проч. Другое светило российское, святитель Христов Димитрий, митрополит Ростовский, составивший слово о внутреннем мысленном делании молитвы, приводит следующие места Священного Писания: «Тебе рече сердце мое: Господа взыщу; взыска тебе лице мое; лица твоего Господи, взыщу» и опять: «Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к тебе, Боже» и опять: «Всякою молитвою и молением моля-щаяся на всякое время духом». Все эти слова он, вместе со святым Иоанном Лествичником и Григорием Синаитом и преподобным Нилом Сорским, относит к умной молитве. Так же и устав церковный, излагая церковные правила о поклонах и о молитве, приводит об этой божественной молитве следующие слова Божественного Писания: «Дух (есть) Бог: и иже кланяется Ему, духом и истинною достоин кланяться» (Ин. 4, 24). Приводит также и свидетельство святых отцов в той части их учения, которая относится к умной молитве, и после этого говорит: «Здесь мы заканчиваем слово о святой и священной, и приснопамятной умной молитве» и далее переходит ко святой для всех единой молитве, указанной церковным чиноположением. Таким образом благодатию Божиею нами показано, что богоносные отцы, умудряемые Святым Духом, основание своего учения о мысленном священнодействии тайно совершаемой по внутреннему человеку молитвы утверждают на недвижимом камне Божественного Писания Нового и Ветхого Завета, откуда, как из неисчерпаемого источника, заимствуют многочисленные свидетельства.

В третьей главе своего послания об умной молитве старец Паисий говорит, что эта молитва есть духовное *художество*. «Да будет известно, что божественные отцы называют это священное мысленное делание молитвы художеством. Так святой Иоанн Лествичник в слове 23 о безмолвии говорит: «Если ты опытно научился этому художеству, то ты знаешь, о чем я говорю. Сидя на высоте, наблюдай, если умеешь: и тогда увидишь, как и когда, и откуда, и сколько, и какие тати идут украсть гроздь. Утомившись, этот страж, вставши, помолится, потом снова садится и мужественно продолжает первое делание». Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, об этой же священной молитве говорит: «Трезвение есть художество духовное, совершенно избавляющее человека при помощи Божией от страстных помышлений и слов, и от лукавых дел». Святой Никифор Постник о том же говорит: «Придите, и я открою вам художество, или лучше науку вечной небесной жизни, вводящую своего деятеля без труда и пота в пристанище бесстрастия».

Художеством эту святую молитву вышеупомянутые отцы называют, думаю, потому, что как художеству не может человек сам собою научиться без художника, так и этому мысленному деланию молитвы без искусного наставника навыкнуть невозможно. Усвоение его, по святому Никифору, большинству и даже всем приходит от учения; редкие же получают от Бога без учения, болезненностью делания и теплотою веры.

В четвертой главе послания говорится о том, какую подготовку должен иметь тот, кто хочет проходить это божественное делание. Поскольку эта божественная молитва выше всякого другого монашеского подвига и есть завершение всех трудов, источник добродетели, тончайшее и скрытое во глубине сердца делание ума, постольку невидимый враг нашего спасения распространяет на нее невидимые, тонкие и едва постижимые человеческому уму сети разнообразных своих обольщений и мечтаний. Поэтому желающий научиться этому божественному деланию должен, по святому Симеону Новому Богослову, предать себя в полное послушание человеку, боящемуся Бога, усердному хранителю Его божественных заповедей, опытному в этом мысленном подвиге, могущему показать своему ученику правильный путь ко спасению. Смирением, рождающимся от послушания, таковой возможет избежать всех обольщений и сетей диавольских и всегда упражняться в этом мысленном делании тихо, безмолвно, без всякого вреда и с великим успехом для души своей. Если же, и предав себя в послушание, он не нашел бы в своем отце, самым делом и опытом искусного в этой божественной молитве, наставника, ибо в настоящее время совершенно оскудели опытные наставники этого делания, то все-таки он не должен приходить в отчаяние, но продолжая пребывать в истинном по заповедям Божиим послушании со смирением и страхом Божиим, а не в самочинном и своевольном без послушания жительстве, за которым обычно следует обольщение, и, возложив всю надежду на Бога, вместе с отцом своим повиноваться учению преподобных отец наших, тонкочастно научающих этому божественному деланию и от них учиться этой молитве. И во всяком случае благодать Божия поспешит и наставит молитвами святых отец научиться, без всякого сомнения, этому божественному делу.

В пятой главе содержится учение о том, что такое эта священная молитва по своему качеству и действию. Святой Иоанн Лествичник в слове 28 о молитве говорит: «Молитва есть по своему качеству сопребывание и соединение человека и Бога: по действию же утверждение мира, примирение с Богом, мать и вместе дочь слез, умиловление грехов, мост, проводящий через искушения, ограждение от скорбей, сокрушение браней, дело ангелов, пища всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетели, причина дарований, тайное преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира отчаянию, доказательство надежды, освобождение от печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, ослабление ярости, зеркало преуспеяния, показание меры, обнаружение состояния, показатель будущего, печать славы. Молитва есть воистину для молящегося и судилище, и самый суд, и престол суда Господня прежде будущего Престола». Святой же Григорий Синаит в главе 113 пишет: «Молитва есть в новоначальных как бы огонь веселия, издаваемый сердцем; в совершенных же, как свет, благоухая, действуемый» и в другом месте: «Молитва есть проповедание апостолов, действие веры или, лучше, непосредственная вера, уповаемое явление, осуществляемая любовь, ангельское движение, сила бесплотных, их дело и веселие, благовествование Божие, откровение сердца, надежда спасения, знамение освящения, образование святости, познание Бога, явление крещения, обручение Духа Святого, радование Иисусово, веселие души, милость Божия, знамение примирения, Христова печать, луч мысленного солнца, утренняя звезда сердец, утверждение христианства, явление примирения Божия, благодать Божия, премудрость Божия или, лучше, начало самопремудрости, явление Божие, монахов дело, безмолвствующих жительство, лучше же, источник безмолвия, печать ангельского жительства».

Блаженный Макарий Великий говорит о молитве «Глава всякого доброго старания и вершина всех деланий есть претерпевать в молитве, посредством которой мы всегда можем прошением от Бога приобрести и прочие добродетели, через молитву в сподобляющихся бывает приобщение святости Божией и духовного действия, и соединение ума, устремленного к Господу, неизреченною с Ним любовью. Кто всегда понуждает себя с терпением пребывать в молитве, возгорается к Богу божественным усердием и пламенным желанием от духовной любви и, по мере своей, приемлет благодать духовного освятительного совершенства» (Беседа 40, гл. 2). Святой Симеон, архиепископ Фессалоникский, об этой же священной молитве говорит: «Сия божественная молитва Спаса нашего призывание: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, и молитва есть, и моление, и исповедание веры, и подательница Святого Духа и даровательница божественных даров, и очищение сердца, и изгнание бесов, и вселение Иисус

Христов, и источник духовных мыслей и помыслов божественных, и избавление грехов, и врачевание души и тел, и подательница божественного просвещения, и источник милости Божией, и даровательница смиренным откровений и тайн Божиих, и самое спасение, т. к. носит в себе спасительное имя Бога нашего: каковое имя и есть нареченное на нас имя Иисуса Христа Сына Божия» (гл. 296). Так же и прочие богоносные отцы, говоря об этой святой молитве, свидетельствуют об ее действии и о неизреченной, происходящей от нее пользе и о преуспевании через нее в божественных дарованиях Святого Духа.

Кто же, видя, как эта священнейшая молитва приводит подвижника к такому небесному сокровищу различных добродетелей, не воспламенится ревностью Божией ко всегдашнему деланию этой молитвы, чтобы ею всегда сберечь в душе и сердце все сладчайшего Иисуса и непрестанно поминать в себе Его вседражайшее имя, неизреченно воспламеняясь ею любить Его? Только тот не почувствует горячего желания приступить к этому мысленному деланию мысленной молитвы, кто охвачен пристрастием помыслов к житейскому, связан узами попечений о теле, отводящими и отдаляющими многих от Царствия Божия, внутри нас сущего, кто самым делом и опытом не вкусил душевную гортанию неизреченной божественной сладости этого всеполезнейшего делания, кто не уразумел, какую сокровенную духовную пользу заключает внутри себя эта вещь. Хотящие же быть соединенными любовью со сладчайшим Иисусом, оплевав все красоты мира сего и все наслаждения его, и покой телесный, не захотят иметь в жизни этой ничего иного, как только постоянно упражняться в райском делании этой молитвы.

В последней шестой главе своего послания старец Паисий пишет о некоторых внешних приемах обучения этой молитве для новоначальных. Прежде чем излагать его наставления мы вместо предисловия приведем по этому поводу краткую заметку одного из современных нам подвижников, который пишет следующее: «Цель умной молитвы есть единение с Богом, который есть Дух, и единение с которым поэтому может быть только духовным. Что касается внешних приемов, употребляемых некоторыми подвижниками при упражнении в этой молитве, то, безусловно, они имеют второстепенное значение. У несовершенных душа человека сообразуется с телом, говорят отцы. Поэтому безмолвию души должно предшествовать безмолвие тела, т. е. благочиние его, как говорит Иоанн Лествичник. И для собранности ума, необходимой для молитвы, тоже могут быть подходящими некоторые внешние условия обитания и даже положения тела. Но было бы заблуждением думать, что от внешних условий и приемов может зависеть подвиг возрастания в духовной молитве. Одно несомненно, что раз сущность молитвы состоит в том, чтобы молиться умом в сердце, то сообразно с этим и ум наш должен быть направлен в сердце. А все остальное имеет второстепенное значение. Поэтому в русском Добротолюбии все упоминания о внешних приемах опущены» (Арх. Феофан Полтавский). После этого предварительного замечания обратимся к посланию старца Паисия. Он пишет: «Так как в древние времена делание умной молитвы процветало во многих местах, где имели свое пребывание святые отцы, и много тогда было учителей этому духовному деланию, то пища о нем, они говорили только о происходящей от него духовной пользе, не имея нужды писать о самом способе этого делания, приличествующем новоначальным. Когда же увидели, что истинные и далекие от обольщения наставники этого делания стали умаляться, то побуждаемые Духом Божиим, дабы истинное учение о начале этой молитвы не оскудело, описали и самое начало, и способ, как нужно обучаться этой молитве новоначальным и входить умом в сердечные страны, и необманчиво совершать там умом молитву.

Святой Симеон Новый Богослов о начале этого делания говорит так: «Истинное и необманчивое внимание и молитва состоит в том, чтобы уму во время молитвы блюсти сердце и внутри его всегда обращаться и из глубины его воссылать моление Господу. Вкусив здесь, яко благ Господь, ум уже не удаляется из обители сердца и вместе с апостолом говорит: «Добро есть нам zde быти», и всегда обзревая тамошние места, изгоняет всеваемые врагом помыслы». Далее он говорит о том же еще яснее: «Седши в безмолвной келий в каком-либо уединенном углу, со вниманием твори то, что скажу тебе: затвори дверь, отвлеки ум твой от всякой суеты, прижми к груди твою бороду, направляя вместе с умом и чувственное око. Замедли дыхание, чтобы дышать не слишком свободно. И попытайся мысленно найти внутри в груди место сердечное, где естественно любят иметь свое пребывание все силы душевные, и прежде всего ты найдешь там тьму и грубость неослабную. Когда же ты будешь продолжать и будешь совершать это дело и ночь, и день, ты обрешь, о чудо! постоянное веселие. Ибо как только ум найдет место сердечное, тотчас видит то, чего никогда не видал: видит он посреди сердца воздух и себя всего светлым и исполненным рассуждения. И с тех пор, откуда бы ни возник помысл, прежде, чем он перейдет в

дело или сделается идолом, призыванием Иисуса Христа он отгоняет его и истребляет. Отсюда ум, имея злобу на бесов, воздвигает на них естественный гнев и, гоня их, низлагает мысленных противников. Многому и другому научишься с помощью Божией блюдением ума, держа Иисуса в сердце» («Слово о трех образах внимания и молитвы»).

Преподобный Никифор Постник, еще яснее научая о входе умом в сердце, говорит так: «Прежде всего да будет твоя жизнь безмолвною, свободною от попечений и со всеми мирною. Затем, войдя в келию твою, затворишь и сядши в одном из углов, сделай, как я говорю тебе: ты знаешь, что при дыхании мы вдыхаем в себя воздух; выдыхаем же его не ради чего-нибудь иного, но ради сердца, ибо сердце есть причина жизни и теплоты тела. Сердце привлекает воздух, чтобы дыханием выделить свою теплоту, для себя же получить свежий воздух. Орудием же такой деятельности является легкое, которое, будучи от Создателя создано пористым, постоянно, как мех, вводит и выводит окружающий воздух. Таким образом, сердце выполняет неизменно то назначение, ради которого оно и устроено для благосостояния организма. Итак, ты сядь и, собрав ум твой, веди его тем путем, которым воздух идет к сердцу, и понудь его сойти в сердце вместе со вдыхаемым воздухом. Когда же он войдет туда, то последующее будет не невесело и не нерадостно». Далее он пишет: «Поэтому, брат, приучи ум нескоро оттуда исходить: ибо вначале он очень унывает от внутреннего затвора и тесноты. Когда же привыкнет, то уже не хочет оставаться в внешних блужданиях: Царствие Небесное внутри нас есть. Когда мы его там рассматриваем и взыскуем его чистою молитвою, то все внешнее представляется нам мерзким и ненавистным. Итак, если ты сразу, как сказано, войдешь умом в сердечное место, которое я тебе показал, воздай благодарение Богу и прославь Его, и радуйся, и всегда держись этого делания, и оно научит тебя тому, чего ты не знаешь. Следует же тебе и это знать, что, когда ум твой будет там находиться, он не должен оставаться молчаливым и праздным, но должен иметь своим постоянным делом и поучением молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, и никогда не должен прекращать это занятие. Оно удерживает ум от возношения, делает его недоступным и неуловимым для козней вражиих, и возводит его к любви Божией, и к повседневному божественному желанию. Если же, потрудившись много, не сможешь войти в страны сердца, сделай, как я скажу тебе, и при Божией помощи ты обретишь искомое. Знаешь ли ты, что разумное начало каждого человека находится в груди его? Здесь именно, даже при молчании уст, мы и говорим, и рассуждаем, и молитвы совершаем, и многое иное. Этому-то разумному началу, устранив от него всякий помысл (можешь, если хочешь), дай говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» и понудь себя одно это, вместо всякой иной мысли, всегда внутри вопиять. Если ты продержишься этого порядка некоторое время, откроется тебе сердечный вход, как мы тебе написали, вне всякого сомнения, как и мы сами опытом узнали. Придет к тебе вместе со многожеланным и сладким вниманием и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и пр.»

Божественный Григорий Синаит, уча также, как следует умом совершать в сердце призывание имени Господа, говорит: «Сидя с утра на седалище в одну четверть, низведи ум в сердце и держи там. Наклонившись с напряжением, испытывая болезненность и в груди, и в плечах, и в шее, непрестанно взывай умом или душою: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Когда же станет слишком тесна и болезненна, может быть, даже и несладостна, частота повторения (что бывает не от однообразия часто вкушаемой снеди, ибо сказано: ядущие мя еще взалчут — Сирах 24, 23), переменяв ум в другую половину, говори: «Сыне Божий, помилуй мя». И много раз повторяя эту половину, ты не должен от лености или от скуки часто переменять ее, ибо не укореняются растения, часто пересаживаемые. Сдерживай же и дыхание легких, чтобы оно не было слишком свободным. Ибо дыхание воздуха, от сердца исходящее, помрачает ум, возбуждая или не допуская ему снизойти к сердцу и развеивая мысль. Не допуская его к сердцу, оно предает его в плен забвению или настраивает его поучаться иному, а не должному, оставляя его нечувственно пребывать в том, в чем не следует. Если увидишь нечистоты лукавых духов, т. е. помыслы, возникающие или преобразующиеся в уме твоём, не ужасайся, не удивляйся; если и добрые уразумения некоторых вещей явятся у тебя, не внимай им, но удерживая дыхание, как можно, и заключая ум в сердце и призывание Господа Иисуса часто и постоянно совершая, ты скоро пополнишь и истребишь их, поражая их божественным именем. Ибо говорит Лествичник: «Иисусовым именем бей ратников, ибо нет ни одного более крепкого оружия ни на небе, ни на земле».

Далее тот же святой, поучая о безмолвии и молитве, продолжает: «В терпении должно быть сидение твое, ради сказавшего: в молитве претерпевающи; и не скоро нужно вставать, ослабевая

по причине болезненной притрудности и умного взывания и частого водружения ума. Посему, поникнув долу и собирая ум в сердце, призывай на помощь Господа Иисуса. Ощущая боль в плечах, часто болезнующая головой, терпи все это, ища в сердце Господа: нудящихся есть Царствие Божие и нуждники восхищают е» (Мф. 11—12). Тот же отец говорит и о том, как нужно совершать молитвы: «Так сказали отцы: один — Господи Иисусе Христе, — Сыне Божий, помилуй мя. Всю. Другой же — половину: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя, и это удобнее по причине младенчества еще ума и немощи, ибо никто не может сам собою чисто и совершенно наименовать тайно Господа Иисуса, но только Духом Святым. Как младенец, не умеющий говорить, он не может еще совершать эту молитву членораздельно. Не должен он по слабости часто переменять призывание имен, но медленно ради удержания». Еще: «Одни учат произносить молитву устами, другие же умом; я же считаю необходимым и то, и другое. Ибо иногда ум от уныния изнемогает произносить ее, иногда же уста. Однако следует взывать безмолвно и несмущенно, чтобы чувство душевное и внимание ума, смущаемое голосом, не отошло, пока ум, обыкнув, не преуспее в деле, не воспримет силу от духа молиться крепко и всячески. Тогда он уже не будет иметь нужды говорить устами, да и не сможет, будучи в состоянии в совершенстве творить молитву одним только умом». Из сказанного видно, что вышеупомянутые отцы дают вполне ясное учение о способах обучения умному деланию для новоначальных. Из их учения можно понять наставления об этом делании и других подвижников, хотя последние высказывались и не с такою ясностью.

На этом кончается послание старца Паисия об умной Иисусой молитве.

Глава 3

БЕДСТВИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ И ЗАБОТЫ СТАРЦА ПАИСИЯ О БЕЖЕНЦАХ. ПЕРЕХОД ДРАГОМИРНЫ ПОД ВЛАСТЬ АВСТРИЙЦЕВ, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СТАРЦА И БРАТИИ В СЕКУЛ. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕКУЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ. ЖИЗНЬ БРАТСТВА В СЕКУЛЕ. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В НЯМЕЦ. НЯМЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ПРОШЛОЕ ЗАБОТЫ СТАРЦА О БОГОСЛУЖЕНИИ, О БОЛЬНЫХ, О ПРЕСТАРЕЛЫХ И О СТРАНСТВУЮЩИХ. ЖИЗНЬ ПАИСИЕВА БРАТСТВА В НЯМЦЕ. КНИЖНЫЕ ЗАНЯТИЯ СТАРЦА ПАИСИЯ В НЯМЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ

Мирная жизнь в Драгомирне неожиданно нарушилась. В 1768 году, по словам жизнеописателя старца, «возста страшная буря и страх смертный. Две империи, Российская и Турецкая, воздвигаясь друг на друга, ярящиеся и огнедышущие». Молдавия и Валахия сделались театром военных действий. Жители искали спасения в бегстве. Горы, леса и монастыри наполнились перепуганными беглецами, спасавшимися от ярости турок и татар. Драгомирнский монастырь, расположенный в огромном лесу, в неприступном месте, привлек к себе множество людей, искавших убежища. В первые седмицы Рождественского поста монастырь до такой степени переполнился народом, что невозможно было пройти по монастырю. Весь окружающий лес был заполнен беглецами. Была суровая снежная зима. Старец, видя страшную нужду людей, из которых многие были босы и полураздеты, старался всеми мерами облегчить их положение. Он предоставил нуждающимся половину монастыря, переведя всю братию в другую половину и поместив ее по три, по четыре, и по пяти человек в одной келий. Трапезу большую и теплую отдал простому народу, особенно несчастным измученным женщинам. Келарю, пекарю и повару было приказано давать пищу всем приходящим и требующим. Некоторые брали сырые припасы и сами готовили себе пищу, другие получали, как и братия, готовое кушанье и хлеб. Хлеб пекли и кушанье готовили непрерывно, желая удовлетворить всех нуждающихся. Но скоро блеснул свет благодати Божией, и луна омрачилась. Русская армия перешла границу и вступила в пределы Молдавии. Турки обратились в бегство. Беженцы стали возвращаться в покинутые жилища.

Однако вместе с войною пришли и другие бедствия: моровая язва, неурожай, трехлетний голод. Война продолжалась 6 лет. Только в 1774 году был заключен мир между Россией и

Турцией и братья обители получили возможность начать свою прежнюю жизнь. Но тут пришло новое горе. Едва только русские войска покинули Молдавию, как австрийская императрица Мария-Терезия потребовала от турецкого султана следуемую ей по уговору за оказанную ему помощь часть Молдавской земли. В эту часть австрийцы включили, вопреки желанию молдаван, и Драгомирнский монастырь.

Старца испугал предстоящий переход под власть Римско-Католической державы. Он предвидел, что со стороны новой власти неизбежно последуют притеснения монастырю, которые могут повести к разорению налаженного общежития. Вместе со старцем сознавала угрожающую опасность и вся братия. В это время старец получает письмо от игумена Секульского монастыря в Молдавии с приглашением перейти на жительство в его монастырь. Обрадованный этим приглашением, старец немедленно написал письмо молдавскому господарю и митрополиту с просьбою разрешить ему перейти с братией в Секульский монастырь. Получив разрешение, старец стал готовиться в дорогу. Из опасения неприятностей и задержки со стороны австрийцев он производил все свои сборы в глубочайшей тайне. Сначала он незаметно перевез в Секул церковные вещи, а затем велел и братии собираться в дорогу. Все братья, которых в то время было 350 человек, выразили готовность идти со своим старцем. Но старец не сразу взял всех с собой. Он оставил в Драгомирне 150 человек, назначив им двух духовников, одного молдаванина, а другого русского, и поручив первому быть начальником монастыря, а второму — его помощником. С остальными же отправился в путь. Чтобы скрыть от австрийцев свое намерение, он отправил их будто бы на послушание на монастырскую землю, находившуюся по дороге в Секул. А сам пошел в церковь и помолвившись там с горячими слезами, преподал мир и благословение остающимся и плачущим братьям и вышел из обители, направляясь к тому месту, где его ожидали раньше вышедшие братья. Около монастырской мельницы старец соединился с ними и после более чем месячного путешествия они благополучно прибыли в Секул 14 октября 1775 года.

У известного странника, инока Парфения, мы находим следующее описание Секульского монастыря: «Монастырь стоит внутри Карпатских гор, в двух часах ходу от монастыря Няцца. Дорога туда идет ущелием между столь высоких гор, что и солнца не видать. Монастырь находится в самом тихом и безмолвном месте, самой непроходимой пустыне, окружен высокими до облаков горами и темными непроходимыми лесами, так что зимой и солнце в него мало светит, а ветра в нем никогда не бывает, но всегда великая тишина. Только подле монастыря протекает небольшая речка, и журчит в ней по каплям вода. Воистину здесь закрывается от очей и слуха весь суетный мир со всеми своими соблазнами».

О прошлом Секульского монастыря известно, между прочим, что в половине XVI века там, где теперь стоит монастырь, находилась пустынь старца Зосимы. Прийдя сюда со своими учениками, как полагают, из Нямецкого монастыря, Зосима вырубил часть леса, построил деревянную церковь во имя святого Иоанна Предтечи и несколько келий кругом нее и начал здесь свои молитвенные подвиги. О пустынножителех скоро узнали соседние жители. Появились благотворители. В 1595 году один боярин, Нестор Уреке, ворник Нижней Молдавии, с супругою своею Митрофанией построили в монастыре каменную церковь, в которой и сами были погребены. Над могилами их теплятся неугасимые лампы. В храме хранится великолепная шитая шелками с золотом и серебром плащаница, работы княгини Митрофании.

По прибытии в монастырь старей вскорости написал письмо к оставшимся в Драгомирне братьям. Он поощряет их к деланию заповедей Божиих и к сохранению наставлений святых отцов. Хотя они и разлучились друг с другом по месту своего жительства, однако собор их остается единым. Он давно хотел им писать, но задержался вследствие своей телесной слабости и множества обязанностей и попечений. Он убеждает их трезвиться и постоянно полагать начало своему исправлению, отсекаать празднословие, которое мертвит душу, не ходить из келий в келию без благословения духовника, исповедывать духовнику помыслы, через что рассыпаются все козни врага, читать писания отцов, от чего просвещается ум человека и возрастает ревность к исполнению заповедей евангельских, без исполнения которых одною верою спастись нельзя. Пусть каждый по силе своей принимает участие в трудах общей жизни. Пусть не составляют сборищ у монастырских ворот для празднословия. Где есть усердие — там почивает Бог, там сияет свет, там является мир, там сатана не находит места, оттуда отходят страсти. Где нет усердия — там обратное: вместо добра — зло, вместо света — тьма, вместо Христа — диавол. Старец умоляет духовников бодрствовать над сердцами братиев.

Секульский монастырь произвел на старца Паисия и братии очень отрадное впечатление своим уединенным, тихим, безмолвным местоположением. Но в то же время они увидели, что этот

монастырь слишком тесен для их многолюдного братства. Всех келий в монастыре оказалось четырнадцать. Жили по три, по четыре и по пяти человек в одной келье и не могли поместиться. С наступлением весны стали приходить из Драгомирны новые братья. Стало еще теснее. Принялись за постройку новых келий. Все были завалены работой. Одни строили кельи внутри монастыря, другие прилепляли их к стенам наподобие ласточкиных гнезд, как, бывало, делали когда-то на Афоне, иные строили себе помещение вне монастыря в лесу. В таких заботах и трудах провели три года. За это время построили около 100 келий и, наконец, все перешедшие из Драгомирны братья нашли себе приют.

Желая утвердить свой общежительный устав на новом месте, старец Паисий в 1778 году снова обратился к молдавскому митрополиту с просьбой разрешить пользоваться ранее утвержденным уставом в Секуле. Он просил, чтобы после его смерти новый настоятель избирался собором братии из среды самих же братии. Новый настоятель должен быть избираем из тех, которые долгое время провели под самым совершенным послушанием без всякого порока и через послушание и отсечение воли приобрели глубокое смирение, а через смирение удостоились дара здравого рассуждения и приобрели любовь Христову одинаково ко всем братиям и глубочайший мир, претерпевая продолжительное время искушения и поношения и, укоряя всегда самих себя, освободились навсегда от раздражительности и гнева и приобрели кротость и простоту. Избираемый должен уметь руководить братией и врачевать души их.

Ибо если нельзя никому самому по себе выучиться искусству врачевания без руководства опытного врача, тем более нет возможности изучить искусство наставления душ без надлежащего обучения. Затем старец снова припоминает историю своего общежития и излагает основания, на которых оно утверждается. Основания эти следующие:

а) Нищета. Совершенная самовольная нищета по обещанию монашеского образа, т. е. чтобы никто из братии никак не имел своего особенного имущества до своей смерти, ни денег, ни иной какой-нибудь вещи, ни имущества движимого или недвижимого до самых ничтожных вещей. Все, что необходимо для жизни, да будет и да называется общим.

б) Послушание. Каждый из братии нашего собора по доброй своей воле отдается душой и телом под благое иго послушания, заповеданного Священным Писанием и Святыми Отцами, чтобы не быть самовластным и самочинным, не иметь ни в чем своей особой воли и своего рассуждения, но во всем, что по Божьему и душеполезно, быть подчиненным и покорным до самой своей смерти и никакого дела, хотя бы по своему мнению и доброго, не делать без ведома и благословения старца.

в) Исповедание. Все братия почаще, а новоначальные непременно ежедневно, должны исповедывать и открывать каждому своему духовнику все тайны своего сердца, не скрывая ничего, потому что без частого исповедания нет возможности приобрести исправления души своей и наставления на путь Божий.

г) Пребывание до смерти с братиями. Т. е. чтобы все братия по данному своему обещанию перед Богом и по связи вечной и неразвязной Божественной любви пребывали до смерти своей с собором братии, собранным во имя Христа, терпя и перенося всю тесноту жизни ради Царствия Божия, а равно мужественно претерпевая все искушения и поношения, через которые, как золото в огне, очищается смирение монаха, укоряя себя в сердце своем и во всем считая себя виновным и как купленный раб по силе своей и телесной и душевной со всяким усердием и со многим смирением и страхом Божиим, как братиям Христовым и как Самому Христу служа, быть готовыми на всякую службу, которая им будет назначена.

д) Чтение Божественного Писания и поучений Святых Отец.

е) Соблюдение святых постов и церковного правила, а также и келейного правила.

ж) Служение больным и слабым и старым в соборе братиям и тем, которые не помещаются в больнице.

з) Исполнение монастырских должностей и поручений с соблюдением заповедей Божиих, да не расстроится любовь к ближнему, и удовлетворение всех нужд хозяйственных своим собственным трудом в своих мастерских.

Эти основания своего общежития, как свои заповеди, старец завещал своему братству письменно, о чем свидетельствует его преемник и ученик старец Софроний.

Мало-помалу монастырская жизнь в Секуле вошла в свою правильную и тихую колею. В Секуле установился тот же порядок жизни, какой был и в Драгомирне. По зимам старец ежедневно собирал всех в трапезу, читал им отеческие книги, учил их исполнению заповедей Божиих, послушанию, смирению и страху Божию. Видя, что братия охотно слушают его и делают

успехи в духовной жизни, старец радовался и благодарил Бога, даровавшего им это тихое и уединенное место. Теснота обители и скудость жизни не смущали его, так как он еще с ранних лет искал этой скудости и тесноты Христа ради. Наиболее тягостным было то, что по числу братии церковь оказалась малою и тесною, а между тем число желающих жить со старцем с каждым днем увеличивалось, и у старца не хватало силы отказать им в приеме.

Книжные занятия старца не прерывались и в Секуле. Здесь особенно стала развиваться его переводческая деятельность. Предполагалось устройство школы для обучения молодых иноков греческому языку с целью привлечения их к делу перевода и исправления отеческих книг, а пока старец посылал наиболее способных учеников в Бухарест для обучения их там греческому языку.

Однако совершенно неожиданно положение старца изменилось. Об этом обстоятельстве сам старец рассказывает в письме, посланном через духовника Иакинфа ученикам Амвросию, Афанасию и Феофану, жившим в России во Владимирской губернии во Флорищевой пустыни. Дело заключалось в следующем. Весною 1779 года Молдовлахийский господарь Константин Мурузи прислал в Секул некоторое количество припасов и в собственноручном письме к старцу просил его сообщить о всех нуждах обители, обещая свою помощь. Старец ответил благодарственным письмом и просил отпустить ему 500 левов для устройства четырех больших келий под мастерские — портняжную, сапожную и ткацкую и для занятий с молодыми монахами по греческому языку. Заинтересованный обителью старца князь передал о его просьбе ближайшим боярам. «Конечно, — сказали они, — исполнить просьбу старца нетрудно, но от этого ему будет мало пользы, так как он живет в обители крайне стесненной для такого значительного братства. Монастырь Секул тесен, церковь там маленькая, путь к нему каменистый, тяжелый, по дну узкого ущелья, во время дождей заливаемого водою, подвоз необходимых предметов очень затруднителен». Тогда князь сказал. «Мне хотелось бы устроить этого старца более удобно. Неужели в нашей стране не найдется монастыря, где бы старец и его братство могли устроиться лучше?». Бояре отвечали: «Во всей нашей стране нет большого и более удобного по путям сообщения монастыря, как Нямец, который находится в очень близком расстоянии от Секула». Князь обрадовался и решил тотчас же написать письмо митрополиту Гавриилу, прося его согласия на перемещение старца Паисия в Нямец, где был большой монастырь. Митрополит согласился, и князь тотчас же послал письмо Паисию, предлагая ему перейти вместе с братией в Нямецкий монастырь. Старец получил это предложение в июне 1779 года и очень опечалился.

Переселение в Нямец представлялось ему, как и его ближайшим помощникам, крайне нежелательным по многим причинам: во-первых, пришлось бы покинуть обитель тихую и уединенную и идти в монастырь богатый, большой, шумный, посещаемый многочисленными богомольцами. Во-вторых, старец сознавал, что своим переселением в Нямец он стеснит и огорчит тамошних братии. В-третьих, сознавая свою старость и слабость, старец опасался новых попечений и забот, неизбежно связанных с переселением в многолюдный монастырь и с объединением под одним управлением трех разнородных братии — Нямецкой, Секульской и своей собственной, прежней. При многочисленности братии он предвидел затруднительность своего обычного по зимам собирания братства для чтения и разъяснения отеческих книг. Наконец, он опасался и того, что многочисленные светские посетители монастыря внесут мирскую суету и в монашеские кельи, и в самые души иноков и помешают ему вести откровенные беседы с братьями о различных вопросах и недостатках монастырской жизни. Все это и многое другое глубоко смущало старца. Он заскорбел и потерял душевный покой.

Наконец, он решил послать князю письмо с отказом от переселения в Нямец. Он умолял князя не настаивать на их перемещении в Нямецкий монастырь и не лишать их тихого и безмолвного пребывания в Секуле. Он описывал ожидающий братию на новом месте душевный вред, расстройство наладившейся в Секуле жизни, разорение и смущение Нямецкого братства, могущий возникнуть ропот и непримиримую вражду, пагубную для обеих сторон. С этим письмом он послал к князю старшего духовника молдавского языка, благоговейного Иринарха, знавшего и греческий язык, и в спутники ему дал еще другого духовника, и стал с нетерпением ожидать ответа на свое письмо. Между тем в июле пришли к нему из Нянца начальники монастыря, до которых уже дошли слухи о предстоящем перемещении к ним старца с братьями, и со слезами стали просить старца, чтобы он не обижал их и не расстраивал на старости лет их жительство, в котором они живут от своей юности, чтобы не пришлось им плакаться на него до самой смерти. Эти жалобы болезненно отзывались в душе старца. Он заплакал и, показывая нямецким начальникам письмо князя, сказал: «Видите, отцы святые, вот где заключается причина смущения и скорби и нашей, и вашей. Но да уверит вас Христос, что у меня никогда и в помысле не было

причинить вам какое-нибудь насилие и опечалить ваши души. Вы знаете, что и Секуль мы получили не по насилию нашему, но потому, что бывший в нем игумен, видя наше печальное положение в Драгомирне, сам по любви своей к нам позвал нас к себе Неужели вы думаете, что я осмелился бы совершить злое дело по отношению к вам? Какими глазами посмотрел бы я на ваши лица, причинив вам такую обиду? Как бы я мог приступить к престолу Божию и причаститься Святых Тайн, зная, что есть плачущие и вопиющие на меня к Богу за мое насилие? Да не будет этого! Я уже написал князю и буду еще просить его оставить и нас и вас мирно пребывать в своих обителях. Ибо здесь мы благодатию Божией имеем глубокий мир».

Умиротворенные и успокоенные словами старца, нямецкие начальники вернулись в свой монастырь.

Между тем старцевы послы пришли к князю и вручили ему послание старца Паисия. Когда послание было прочитано, иноки на словах подробнее объяснили князю все свои обстоятельства и умоляли оставить старца и братию в Секуле и не вносить смущения и расстройств в их духовную жизнь. Однако князь не уступил им. Он приказал приготовить новое письмо старцу и сделал в нем следующую собственноручную приписку: «Мы эту святую обитель предоставляем вам не только для утверждения вашего братства, но и для того, чтобы порядок вашего братства послужил примером для прочих обителей. Поэтому окажи послушание и иди в Нямец, ничем не смущаясь».

9 августа, в пятницу, посланные вернулись с письмом от князя в свой монастырь. Когда старец распечатал письмо и увидел написанные в нем слова «окажи послушание и иди в Нямец», он заплакал и до такой степени охватила его душу безмерная печаль, что он не мог ни есть, ни пить, ни спать и совершенно изнемог телом. Все же братия были в великом страхе и в скорби и в смущении, как бы старец не умер от безмерной печали. В другом своем письме старец Паисий описывает, с каким волнением он ожидал возвращения от князя духовника Иринарха, молясь Богу день и ночь об исполнении желания остаться на прежнем месте. Но вот приехал Иринарх и на вопрос старца: «Что послал нам Бог?» ответил, передавая старцу письмо: «Прочитав, узнаете», — и вышел из келий. Ночью, когда стемнело, в тишине, старец стал читать ответ князя и прочитав, пришел в полное уныние — ему предписывалось не только переходить в Нямец, но переходить с тем, чтобы быть примером для других монастырей. «Кто же я, — думал старец, — чтобы принять такое мнение о моем достоинстве? Я слаб и немощен, почти мертвый и душой, и телом. Я не могу собственную душу направить по пути заповедей Господних, я принял ответственность за души собравшихся около меня братии, а теперь на меня возлагается еще большая тяжесть. О, горько душе моей». Всю ночь старец проплакал. Наутро собрались к нему старейшие из духовников и братии и стали со слезами умолять его прекратить безмерную печаль и подкрепиться пищею. Они говорили: «Какая будет нам польза, если ты прежде времени умрешь, а мы без тебя останемся одинокими? Что мы тогда будем делать?» Старец, видя своих духовных детей так сильно скорбящих и плачущих, помолчал немного и, обратив свой духовный взор ко Господу, тяжело вздохнул, горько заплакал и сказал: «Тесно нам, братия, отовсюду». Потом, поднявшись с постели, осенил себя крестным знаменiem, поклонился иконе Богородицы и сказал: «Писание говорит: «При двою или триех свидетелях да станет всяк глагол». Если вы, братие, так говорите, то да будет воля Божия! Идем и не хотяще». После этого он подкрепился немного пищею, но спать не мог. Затем он призвал к себе трех духовников и несколько братии и велел им идти с письмом князя в Нямецкий монастырь, собрать там все начальство и братию, прочитать им письмо князя и затем приготовить келий ему и другим братиям, которых он решил на первый раз взять с собой в Нямец. Посланные сделали, как им было приказано, и возвратились в Секул.

Старец же в это время при содействии старшей братии сделал распределение, кому из братии переходить в Нямец и на какие послушания и кому оставаться в Секуле. Управление Секульским монастырем он поручил одному из духовников, Илариону. После этого он приказал по звону собрать братию в церковь, пришел туда и сам, помолился со слезами Господу и, сообщив братиям волю князя, дал благословение остающимся на месте, утешив их словами, что каждый из них всегда может приходить к нему во всякой скорби и нужде душевной и телесной, и, выйдя из церкви, двинулся в путь. Так как по своей слабости он не мог идти пешком, то для него был приготовлен экипаж, запряженный одною лошадию, а братия, как пчелы окружив его экипаж, шли рядом с ним, слушая его последние наставления. Больные и престарелые, выйдя навстречу ему из больницы, плакали, что не могут провожать его, а здоровые провожали его не менее часа и только по настойчивому его требованию, когда он им напомнил о предстоящем бдении, вернулись назад в монастырь. Некоторые же провожали его до самого Нямца, куда и прибыли в самое навечерие праздника Успения Пресвяты Богородицы в среду.

Когда старец и братия приблизились к Нямецкой обители, там зазвонили во все колокола и все нямецкие братия вышли за монастырские ворота навстречу старцу. Впереди шли три священника в фелонях, и один из них держал в руках Святое Евангелие, а другие — святые кресты. Два диакона в стихарях имели в руках кадильницы. Старец приложился к Евангелию и к крестам и вступил в обитель, предшествуемый священниками и диаконами и сопровождаемый братиями обеих обителей при пении ирмосов Богородице. Войдя в церковь, старец приложился к иконам, причем особенно усердно молился перед чудотворной иконой Богородицы, вручая себя и братии Ее заступлению и хранению, покрову и попечению и возлагая на Нее всю свою по Боге надежду. В своем письме к князю старец, между прочим, открывает ему одно давнее событие своей жизни, а именно, что еще до своего отбытия на Афон, в молодости, старец приходил в Нямец молиться перед чудотворной иконой Божией Матери и удостоился три раза держать эту святую икону своими грешными руками. С того времени он почувствовал великую любовь к этому святому месту, куда потом, неисповедимыми путями Божиими, ему пришлось перейти со своим собором.

Когда старец приложился к иконам, два начальника Нямецкого братства Иоасаф и Варлаам, игумен и проигумен, поставили старца на игуменское место. Когда пропели тропарь и кондак храма и произнесли ектению и отпуст, старец со слезами сказал собравшимся, что он пришел к ним не по собственному желанию и исканию, но по решению и распоряжению князя и митрополита и просил всех хранить взаимный мир и взаимную любовь. Из церкви старец направился в приготовленную ему келию и немного отдохнул. Для пришедших с ним братии было приготовлено 15 келий, в которых они и разместились в большой тесноте, по несколько человек в каждой келий. Только духовникам по их обязанностям было отведено каждому по келий. Несмотря на утомление, старец от большой печали не мог уснуть, хотя уже пять дней оставался без сна. К началу всенощного бдения он с большим трудом пришел в церковь и сидя слушал Божественную службу, молясь Пречистой Богородице о том, чтобы Она утешила его душу, прогнала окутавший ее мрак и печаль и послала ему отрадный сон. И когда уже окончилась вечерня и началась утренья, и было прочитано Евангелие, стал приходить к старцу желанный сон. Старец ушел в свою келию и лег на постель, но заснул только тогда, когда стало уже светать, и сладко проспал два часа. Проснувшись, он почувствовал облегчение головы, некоторую крепость во всем теле, и вся печаль отошла от его сердца. По окончании литургии и молебна Божией Матери пошли в трапезу с праздничною иконою и с пением тропаря праздника, а после трапезы, по возвращении в церковь, разошлись по келиям. Старец пригласил к себе бывших начальников обители и, побеседовав с ними наедине братски, обещал покоить их во всем до самой смерти и ни в чем их не притеснять. И они, совершенно примирившись со всем случившимся, через некоторое время были облечены в схиму и поживши еще несколько лет, отошли ко Господу. Из нямецких братии только немногие ушли из монастыря, а остальные присоединились к общему братству, из двух соборов составилась один собор и установились полный взаимный мир и единодушие. Старец написал князю о принятии им Нянца, о соединении обоих братств и просил помочь в устройстве новых келий. Князь благодарил старца за послушание и обещал оказать помощь как в устройстве келий, так и во всех других нуждах.

Так произошло перемещение старца Паисия с братией из Секула в Нямецкий монастырь. Секульский монастырь по-прежнему остался под его главным управлением, и порядок жизни в обоих монастырях установился один и тот же. Секульские братия часто посещали старца, а однажды в год и сам старец проводил несколько дней в Секуле. Вот как он сам описывает эти свои поездки в письме к тем же инокам Амвросию, Афанасию и Феофану: «Около отдания Успения, когда все уже готово к моему отъезду, братия по звону собираются в церковь и при входе поют «Достойно». Приложившись к иконам и прослушав ектению и отпуст, я по немощи сажусь на приготовленное место и говорю всему братству наставление на языках славянском и молдавском, прося их молиться о благополучном моем путешествии, трудиться в исполнении заповедей Божиих и сохранять между собою мир Христов и всякое монашеское благочиние и благоговение. После этого я выхожу из церкви в сопровождении братии и, преподав ей благословение, отправляюсь в Секул. Когда я приближаюсь к монастырю, навстречу мне выходит духовник Досифей со всеми больными и престарелыми братиями и, приняв благословение, отходит. При моем дальнейшем шествии выходит мне навстречу за монастырские ворота духовник Иларион со своей братией. Преподав им благословение, я вхожу в обитель, сопровождаемый всем братством. Совершив все положенное по чину, я иду в свою келию, где и проживаю до храмового праздника Усекновения Главы Иоанна Предтечи. После праздника, дня за два до моего отъезда оттуда, после повечерия, собираются братия в трапезу, один день — славянского языка, другой день —

молдавского, и бывает мое к ним последнее наставление. В день же моего отъезда из Секула обычным порядком происходит прощание. По прибытии в Нямец совершается обычная встреча. При выходе моем из церкви в свою келию, встречают меня два инока, которым на время моего отсутствия поручается келия, и берут благословение. Я вхожу в келию, благодарю Бога за благополучное возвращение». В конце письма старец прибавляет: «Об остальных же наших делах, об устройстве вокруг монастыря многих новых келий и о переходе к нам всех братии из Драгомирны и немалого числа из Секула и о прочем известит вас духовник Иакинф». Во время пребывания старца в Секуле он каждый день принимал братии, которые могли свободно приходить к нему во всякое время и заявлять ему о своих нуждах как духовных, так и телесных, причем старец говорил им: «Если кто-нибудь из вас имеет нужду и скорбит и ропщет, но ко мне не приходит и не извещает, я о такой его скорби перед Богом не отвечаю». Находившимся в больнице, которые сами не могли придти к старцу, он посылал благословение и все необходимое через заведующего больницей отца Досифея, который с такою любовью и заботливостью относился к больным, что его часто можно было видеть просиживающим целые ночи у их постели и утешающим их надеждою на выздоровление и другими ободряющими словами.

В Нямецком монастыре начинается последний, самый трудный, но и самый плодотворный период в жизни и деятельности старца Паисия. Число братии, объединившихся вокруг него одним духом нестяжательности, послушания и любви к Богу, своему старцу и друг к другу, возросло здесь до 700 и более. Слух об их высокой жизни и об их мудром старце распространился далеко по всему православному Востоку.

Старец вел обширную переписку и сношения с многочисленными подвижниками не только в Молдавии, но и на Афоне, в Царьграде, в России и в других местах. Каждый странствующий инок, каждый паломник считал своим долгом посетить славную Нямецкую Лавру, увидеть ее знаменитого старца, посмотреть строгий чин ее общежития и благолепие монастырского богослужения, чтобы потом рассказать об этом на своей родине, в своей обители. Книжные занятия старца достигли в это время своего наибольшего расцвета. Он уже не один только и не в кругу только немногих друзей работал над исправлением и переводом отеческих книг. Он основал целую школу для обучения справщиков и переводчиков и широко поставил переписку исправляемых и переводимых книг, так что своими многочисленными рукописями не только наполнил монастырскую библиотеку, но и распространил их в огромном числе списков далеко за пределами своей обители и в особенности по монастырям и по келиям обширной Русской земли. Он сумел поднять в православном русском монашестве интерес к книжным занятиям, к чтению и списыванию отеческих книг, к духовным беседам, а свою Нямецкую Лавру сделал центром и светочем православного монашества и школою подвижнической жизни и духовного просвещения для православного Востока. В Нямецком монастыре получили свое воспитание многие молдавляхийские и русские иноки, которые потом во многих обителях сделались насадителями православного старчества и монашеских общежитий по уставу Паисиева братства.

Начиная описание этого периода в жизни старца Паисия, скажем сначала несколько слов о Нямецком монастыре. По словам преосвященного епископа Арсения Нямецкий монастырь имеет для Молдавии такое же значение, как Троице-Сергиева Лавра или Киево-Печерская Лавра для России. В течение ряда веков он был рассадником христианского просвещения в Молдавии, воспитав в своих стенах многих молдавских святителей — епископов и митрополитов, самоотверженно защищавших родную православную веру. Для православного народа он был высокой школой нравственной жизни, давая в лице своих иноков примеры подвижничества и преданности вере. В годы тяжких народных испытаний, междоусобной войны между княжествами Молдавии и Валахии во время нередких войн с турками, поляками и венграми, во время голода, пожаров и других народных бедствий к нему тянулась православная Молдавия и находила здесь материальную и духовную поддержку.

Монастырь расположен в чрезвычайно живописной местности. Там, где небольшая горная речка Нямцул вырывается на простор из Карпатских ущелий среди высоких холмов, покрытых вековым хвойным лесом, белеют стены и здания этой обители, с которой связаны лучшие страницы молдавско-славянской культуры и письменности придунайских княжеств. Основание монастыря относится к концу XIV века. Тогда пришли в Молдавию при митрополите Иоасафе три инока, Софроний, Пимен и Силуан со своими учениками. Они пришли из Тисмана и были учениками святого Никодима Освященного. Молдавский господарь, по всей вероятности Петр Воевода Мушат, выстроил для них небольшую церковь в честь Вознесения Господня. Первый документ, свидетельствующий о существовании монастыря, относится к 1407 году, когда

монастырь получил во владение села и вместе с монастырем Быстрицею управлялся одним игуменом Дометианом. Монастырь расширялся и богател благодаря щедрым пожертвованиям молдавских господарей, иерархов и других лиц. История первых лет существования монастыря связана также и с именем известного проповедника митрополита Григория Цамблака, который по прибытии своем в Молдавию игуменствовал в этом монастыре приблизительно до 1420 года. Свое название монастырь, как и многие другие местности вокруг него, получил, по всей вероятности, от цитадели, построенной недалеко отсюда немецкими рыцарями крестоносцами в XII—XIII веке. Развалины крепости существуют и до сих пор на высокой скале, недалеко от Нямца.

Нынешний храм Вознесения Господня выстроен в 1497 году господарем Стефаном Великим, о чем свидетельствует надпись над входными дверями храма. В начале XVIII века игуменом в Нямце был иеромонах Пахомий. Узнав о знаменитом русском подвижнике святом Димитрии Ростовском, он в 1704 году оставил игуменство и уехал в Россию, чтобы повидать святого Димитрия и поклониться печерским угодникам. Он удостоился не раз беседовать со святым Димитрием, получил от него собственноручно написанную книгу и возвратился в Нямец. После этого он уединился с несколькими иноками в пустынном месте, где теперь находится Покровский скит (на расстоянии одного часа ходьбы от Нямецкого монастыря) и предавался там молитвенному подвигу. В начале 1707 году он был вызван из своего уединения и поставлен в епископа Романского. После семилетнего управления епархией он снова удалился в Покровский скит, а три года спустя опять уехал в Киево-Печерскую Лавру, где и скончался в 1724 году, послав незадолго перед кончиной в основанный им Покровский скит свое завещание, заключающее в себе, между прочим, и устав для скита. Таким образом, между Нямецким монастырем и русскою православною церковью еще в начале XVIII века существовала живая связь. Эта связь и потом не порывалась.

В одной из церквей хранится большая плащаница прекрасной работы, шитая золотом и жемчугом по малиновому бархату. Вокруг этой плащаницы идет шитая надпись, в которой говорится, что эта плащаница пожертвована в церковь Нямецкого монастыря монахиней Марией в 1741 году. По преданию, монахиня Мария — великая княжна Мария Петровна, дочь императора Петра Великого, постригшаяся в одном из женских монастырей в Молдавии. В ризнице монастыря хранится большое русское Евангелие, выносимое на входах двумя диаконами. Это Евангелие прислано в дар монастырю из Петербурга в 1764 году. В 1849 году император Николай Павлович прислал монастырю 10 полных священнических облачений из хорошей парчи и деньги на постройку больницы. Император Николай II пожертвовал монастырю полное священническое и диаконское облачение. Главной святыней Нямецкого монастыря является древняя чудотворная икона Богоматери. Время написания этой иконы неизвестно. Она подарена была некогда греческим императором Иоанном Палеологом молдавскому господарю Иоанну Доброму, который в начале XV века передал ее Нямецкому монастырю.

Поселившись в Нямце, старец Паисий стал утверждать и здесь свой обычный порядок монашеской жизни. Прежде всего он обратил внимание на порядок богослужения и установил совершать его так, как оно совершалось в его братстве. Чтение и пение велись на двух языках, молдавском и славянском. На утрнях, между кафизмами, читались два поучения — одно на славянском, другое на русском или молдавском языке. На похвальной неделе акафист Божьей Матери читался по-славянски, по-молдавски и по-гречески. Во всем поддерживалась тесная связь с русской церковью. На отпустах поминались преподобные Антоний и Феодосий и прочие чудотворцы печерские. 21 сентября совершалась служба святителю Димитрию Ростовскому, 3 мая праздновалась память преподобного Феодосия Печерского, 10 июля — преподобного Антония, 11 июля — благоверной княгини Ольги, 15 июля — равноапостольного князя Владимира.

При помощи князя старец устроил в обители больницу, странноприимницы и значительно увеличил число келий. Забота о больных, престарелых и странствующих особенно занимала старца, ибо все они приходили к нему и со слезами умоляли ради Христа приютить их в обители. Старец помещал кого нужно было в больницу и приказывал брату Онорию, который и здесь был приставлен к тому же делу, какое он выполнял в Драгомирне, оказывать им всяческую заботу и покой и иметь о них неусыпное попечение. Он требовал, чтобы все служащие в больнице служили больным, как Господу, каждую неделю меняли белье и мыли головы, очищали их одежды, кровати и постели от насекомых, летом же почаще проветривали их платье и провешивали на солнце. Старец требовал, чтобы внутри больницы соблюдалась безукоризненная чистота, чтобы каждый день курили в ней ладаном или другим благовонным веществом. Приказывал также давать призреваемым более питательную пищу, лучший хлеб и вино. И все были довольны и со слезами благодарили старца за его попечение. Странствующие монахи, заходившие в обитель, могли

отдыхать в ней сколько хотели, неделю, и две, и месяц. И никто никогда не говорил им ни слова упрёка. Иные просили старца позволить им и зиму привести в обители, и он позволял, а не имеющим одежды и белья давал все необходимое. Когда же наступало лето и они отправлялись в свой путь, он в изобилии снабжал их всем необходимым для дороги и отпускал с миром. Принимал старец и мирских мужчин, страдавших различными болезнями или мучимых различными духами и не имеющих, где главу приклонить, и в особой больнице кормил их от общего стола и они жили там сколько хотели, некоторые даже и до самой смерти.

Главный храмовой праздник Вознесения Господня праздновался в Нямеце с особой торжественностью. Богослужение продолжалось всю ночь. К этому празднику и раньше в Нямеце стекалось великое множество народа обоего пола и всякого звания и знатных, и простых, и богатых и бедных, не только из Молдавии и Валахии, но и из других стран, желавших поклониться чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, а при старце число богомольцев стало еще больше. Старец Паисий старался всех их по возможности упокоить. В течение четырех дней он сам не имел ни минуты свободной, с утра до вечера имея открытыми двери своей келий: каждому, и богатому и бедному, желавшему войти к нему, был открыт свободный доступ. Он всех принимал с любовью, благодарил их за принятый на себя труд путешествия и, благословив, отпускал их на гостиницу или в другие приготовленные для них келий. Перед праздником старец назначал несколько братии из более благоговейных и исполненных страха Божия наблюдать за более слабыми, обходя обитель день и ночь, чтобы не произошло какого-либо соблазна. Исполняя его волю, братия оберегали друг друга. По окончании же праздника все благодарили Христа Бога и Пречистую Его Матерь, сподобивших их мирно, благополучно и радостно отпраздновать святой праздник Господень.

Перемещение из одного монастыря в другой, соединение первоначальных учеников старца, собранных им еще на Афоне и в Драгомирне с братствами других монастырей, не могли не отражаться неблагоприятно на внутренней жизни обители. По словам самого старца, внутренняя жизнь братства в Нямеце уже не достигала той высоты, на какой она стояла в Драгомирне. Сам старец по-прежнему внимательно и заботливо следил за жизнью братства. В церкви он сам обходил братию и смотрел, чтобы все стояли чинно, со страхом и трепетом и соблюдали все установленные поклоны. Однажды старец заметил идущего по монастырю послушника, размахивавшего руками и глядевшего туда и сюда. Старец призвал к себе его духовника и сказал: «Так ли ты наставляешь своих учеников? Они бесчинствуют и соблазняют братию». В наказание он дал обоим, и духовнику и послушнику, правило: три дня в трапезе класть поклоны, да и прочие научатся не производить бесчинства. Несмотря, однако, на все заботы старца, ему с трудом удавалось преодолевать те неблагоприятные влияния, которые разлагающим образом действовали на братство, и жизнеописатель старца заявляет: под конец жизни старца духовное наше житие снизошло от первого драгомирнского и секульского, единодушного, мирного и любовного всесовершенно вниз невосвратно. Причины же тому: молва, излишество, мятёж, забота каждого о себе самом и оставление чтения божественных и отеческих писаний и внимания к себе. Старец, который предвидел все это, часто плакал и предостерегал братию. Он убеждал всех не оставлять внимательного чтения отеческих писаний, неуклонно держаться тесного евангельского пути и избегать нерадивого притворно-монашеского миролюбивого жития. Указывая другие причины ослабления братской жизни, жизнеописатель старца говорит: как сад древесный, часто пересаживаемый, увядает, так и нашего собора сад душевный пострадал от переходов и перемены монастырей. В Драгомирне и Секуле по зимам каждый вечер бывали соборные поучения старца, а в Нямеце они прекратились, и приходилось больше пользоваться книгами. Здесь и старец больше занимался переводами и исправлениями. Приезды знатных лиц обоего пола также много вредили братии. Один странствующий инок спросил старца Паисия: «Как, отче, нынешнее житие против Драгомирнского?» Старец ответил: «На всякий год ниже идет, а удержать в одной мере, хотя и стараюсь, невозможно. Причина тому — невозбранный вход женскому полу и оставление соборного поучения».

Конечно, упадок духовной жизни в Паисиевом братстве замечен был только старцу и его ближайшим помощникам, судившим о состоянии братства со строгой точки зрения идеального монашества. Для постороннего же наблюдателя, даже монаха и подвижника, жизнь братства представлялась совсем в ином свете, как это видно, например, из рассказа соловецкого пустынноика Феофана, посетившего Нямецкую обитель при старце Паисии. Этот Феофан был родом из малороссийских земледельцев. Двенадцати лет он лишился родителей и остался сиротой. Шестнадцати лет он начал свое собственное хозяйство. Однажды, тогда он работал в

поле, Божественный свет озарил его душу. Особенное умиление наполнило его сердце. Он отпряг волов, оставил плуг и землю, и охваченный любовью ко Христу, пошел по святым местам. В Киево-Печерской Лавре он был принят в число послушников. Здесь он в разных трудах провел 17 лет и, наконец, был определен прислуживать подвижнику Досифею, проживавшему в затворе уже третий десяток лет. Досифей никуда не выходил из своей келий и никого не принимал к себе. Желавшие получить от него благословение и наставление могли беседовать с ним через окно его келий. Особый дар слова соединялся в нем с прозорливостью: он обличал тайные грехи и располагал к покаянию, предостерегал от будущих бед и искушений. У этого подвижника Феофан учился монашеской жизни. Скоро в нем возгорелось сильное желание посетить святыне, ознаменованные событиями земной жизни Иисуса Христа. Феофан попросил у своего старца благословения на этот путь. Но старец сказал: «Нет тебе пути ни в Иерусалим, ни в Святую Гору. Тебе предлежит в свое время другой путь. А теперь, если желаешь, ступай в Молдавию, это будет тебе на пользу». И старец велел Феофану идти на Подол (нижняя часть Киева), где он найдет двух молдавских иноков: пусть он их приведет к старцу. Феофан отправился на Подол и действительно нашел там двух молдавских иноков. Один из них был Софроний, друг и ученик старца Паисия, бывший после него настоятелем Нямецкого монастыря. Исполнив поручение, данное ему старцем Паисием, Софроний уже собирался отправиться в обратный путь, как к нему явился Феофан и пригласил его к затворнику. Досифей стал просить Софрония и его спутника взять с собою в Молдавию Феофана. Молдавские иноки охотно на это согласились, и Феофан отправился с ними, оказывая им по пути разные услуги. Нелегко показался Феофану этот путь вследствие притеснений со стороны турок и разных лишений, которые приходилось переносить на пути, так что он даже пожалел о том, что ушел из Киева. Но не напрасно послал его в Молдавию прозорливый старец. Когда путники подходили к Нямецкому монастырю, их встретил сам старец Паисий и приветствовал Феофана такими словами: «Чад Феофане, не напрасен был к нам, убогим, твой путь; Бог сосчитал все стопы твои, Он приготовит себе Свою награду». Обласканный старцем Феофан сперва жил в Нямце, потом ходил в другие молдавские обители, осматривал их местоположение, изучал монашеские уставы, нравы и обычаи монашеской жизни. Вот что он рассказывает о жизни нямецких иноков. Нестяжание их было полное; в келиях, кроме иконы, книги и орудий для рукоделия не было ничего. Иноки особенно отличались смирением. Гордости и тщеславия они сторонились. Ненависти и взаимных обид они не знали, если случалось кому-либо по неосторожности или горячности оскорбить другого, он спешил примириться с ним. Кто не хотел простить согрешившего брата, был изгоняем из монастыря. Походка у иноков была скромна. При встрече один другого предупреждал поклоном. В церкви каждый стоял на назначенном ему месте. Празднество не допускалось не только в церкви, но и нигде в другом месте, ни в монастыре, ни вне его. С аввою Паисием жило тогда до 700 братии и, когда они собирались на послушание по сто и полтораста человек, то один из братии читал книгу или рассказывал какую-нибудь душеполезную повесть. Если же кто-нибудь начинал праздный разговор, его немедленно останавливали. В келиях одни писали книги, другие переплетали, иные пряли волну, иные шили клобуки и камилавки, вязали четки, ткали волну на рясы и мантии для братии, выделявали ложки и кресты или занимались разными другими рукоделиями. Все были под надзором духовников и наставников; приходя к ним, исповедывали свои грехи и в особенности помыслы — начало всех дурных дел. И это они делали дважды в день: утром они объявляли о соделанном ночью, а вечером — о соделанном, сказанном или подуманном днем, и все это они открывали со смирением, без стыда и лжи. Без благословения духовника никто не дерзал даже съесть какой-либо плод, которых в той стране очень много.

Феофану так понравилась жизнь в Нямце, что он просил старца Паисия навсегда оставить его в своей обители, но старец сказал: «Иди в Россию и послужи еще немного своему старцу, который скоро отойдет ко Господу. По его благословию иди спасаться туда, куда он тебе укажет». Феофан с грустью расстался с Нямцем. На прощание Паисий сказал ему: «Чад, Бог и Пречистая да сохранят тебя на всяком пути. Верую, что Бог не даст тебе искусьеся более меры и сподобит части избранных Своих ради молитвы преподобных отцов наших Антония и Феодосия печерских чудотворцев и старца твоего Досифея. Да будет на тебе от нашего смирения благословение Божие. Скажи благоговейному старцу твоему благодарность и не забывай нашего убожества». Снабженный на дорогу всем необходимым, Феофан покинул Нямец и благополучно возвратился в Киев. Интересен еще следующий рассказ Феофана. Когда он возвращался из Молдавии и ему случалось быть задержанным турками, которые спрашивали его, кто он и откуда идет, то стоило ему только показать приходной лист от Паисия, как турки, махая руками, кричали: «О, Паисий,

гайда, гайда!», — т. е. иди свободно. Видя это, Феофан удивлялся, до какой степени известен туркам и почитается ими блаженный старец.

Тот же Феофан рассказывает о чистоте православия в Паисиевом братстве, а также и о многоплеменном его составе. Проживая уже в Соловецком монастыре, Феофан, испытывая одного из своих учеников, спросил его: «Покажи, как ты складываешь свои персты для крестного знамения?» Тот, показав ему троеперстное сложение, сказал: «Так, отче, как православная церковь учит». Феофан на это сказал: «Будучи в пустыне, я не запрещал темным людям креститься двумя перстами, только бы они ходили в церковь, но ты берегись последователей раскола. Когда я жил в Киеве, то я во всей Малороссии не видел никого, кто бы крестился двуперстным сложением. Был я и в Молдавии, в Нямецком монастыре, у старца Паисия; там было более 700 братии из разных стран — молдаван, сербов, болгар, венгерцев, гуцулов, греков, армян, евреев, турок, великороссиян и малороссиян: и все они крестились троеперстным сложением, а о двуперстии там и не слышно».

Интересен также переданный Пападопуло-Керамевсом рассказ одного знатного грека Константина Караджа, посетившего старца Паисия в праздник Вознесения Господня. Этот грек еще раньше доставил старцу Паисию от своего отца рукопись одного пустынного, содержавшую в себе поучение для монашествующих, и отец Паисий в благодарность прислал его отцу собственноручно написанную копию этой рукописи замечательно красивым и четким почерком. Греку захотелось повидать самого старца и поклониться иконе Божией Матери. Он описывает свое путешествие с женою из города Пашкани в Нямецкий монастырь, восхищается живописными местами и рассказывает о встрече, оказанной ему в Нямце. Их встретили с колокольным звоном — честь, какая оказывается только господам и знатнейшим боярам. Сам старец с пятьюдесятью братьями в камилавках и рясах встретили его у святых ворот. Мы, рассказывает он, поспешили выйти из экипажа и, подойдя к старцу, поцеловали его правую руку, потом мы пошли в церковь и при пении молитв целовали иконы, а потом пошли в келию старца. В первый раз в жизни, рассказывает грек, я увидел своими глазами воплощенную и нелицемерную святость. Меня поразило его лицо, светлое и бледное, без капельки крови, большая белая борода, блестящая как серебро, и необыкновенная чистота его одежды и всей его обстановки. Его разговор был кроткий и совершенно искренний. Он производил впечатление человека, совершенно отрешившегося от тела. Рассказав затем вкратце прошлую жизнь старца и его монастырский устав, грек описывает посещение им разных помещений монастыря; в одной из комнат он видел множество сложенных красивыми рядами рубах и другого белья, рясы и камилавки, куда раз в неделю приходят братия для получения чистого белья, а особые надзиратели следят за тем, чтобы вымытое старое белье полагалось на свое место. Видел он и трапезную, куда собираются все братия во главе с совершавшим литургию в тот день. За столом они употребляют рыбу и масло. Пьют и вино по уставу. И старший говорит вначале: «Во славу Бога», — потом — «Во здравие воеводы», — и наконец — «Во здравие всех христиан». Во время обеда один из братии на амвоне читает жития святых. Ненужных разговоров не бывает. Но всегда полная тишина, большая чистота и строгое воздержание. Четыре духовника ежедневно ходят по келиям и рассматривают дело каждого. Далее грек рассказывает, как после довольно долгого пребывания в келье старца гостей отвели в комнату, им назначенную, где они также были поражены необыкновенной чистотой и убранством. В течение всего их пребывания на празднике и им и другим почетным гостям подавали прекрасную пищу: мясо, птицу, цыплят, рыбу, белый хлеб, вино, сладости. И всем собравшимся во дворе монастыря, которых было около трех тысяч, также выдавали хлеб, рыбу и вино, сколько было нужно, без всякой платы. Пробывши в монастыре два дня, путешественники возвратились в Пашкани.

Особенно видное место, как в жизни самого старца, так и в жизни братства получили в Нямце книжные занятия старца. Еще в детстве он любил чтение и списывание отеческих книг. Но тогда он списывал их просто, не ставя себе вопроса о правильности или неправильности их текста. На Афоне его книжные занятия получили характер проверки и исправления славянских переводов по древнейшим славянским спискам. Когда этот способ исправления не дал удовлетворительных результатов, старец занялся изучением греческого языка и собиранием греческих подлинников отеческой литературы, и в Драгомирне приступил уже к исправлению славянских книг по греческому тексту. Не удовлетворяясь и этим, старец, по мере своего усовершенствования в греческом языке и приобретения необходимых научных пособий, занялся, наконец, самостоятельным переводом отеческих книг с греческого языка на славянский. В Нямце все виды деятельности старца получили особенно широкую и правильно организованную постановку. При

содействии научно подготовленных иноков и под постоянным руководством старца здесь происходило и списывание книг, и исправление славянского текста по греческим подлинникам и новые переводы с греческого языка. Сам старец, несмотря на свои годы и болезненность, показывал своим помощникам пример неутомимой деятельности. Будучи весь день обременен делами монастыря, духовными и хозяйственными, он ночи проводил за переводом и исправлением книг. По словам жизнеописателя, старец нес труды, превышающие естественные человеческие силы. Если бы не благодать Божия укрепляла его, то невозможно было бы человеческому естеству и понести такой труд. Надо только представить себе, что весь правый бок старца, до самой ступни, был покрыт ранами, так что он даже и лежать на нем не мог. Сидя, согнувшись на своей кровати, он всего себя обкладывал книгами. Здесь лежали словари различные, Библия греческая и славянская, грамматика греческая и славянская и переводимая книга. Тут же стояли зажженные свечи. А старец, сгорбившись, как малый ребенок, писал всю ночь, забывая и свою слабость, и свои раны, и необходимость отдыха и сна. Он до такой степени углублялся в свои занятия, что не слышал монастырского била, не замечал ничего, происходившего кругом него, не мог дать ответа на вопросы спрашивающих его. Прислуживающий ему брат в это время и не допускал к нему никого. Когда же являлось неотложное дело, то служащий брат должен был много раз повторить старцу свои слова, прежде чем получал от него ответ. Принуждаемый отвечать, старец с болью и оханьем едва бывал в состоянии отвлечь свой ум от книги, как он и сам признавался. «Для меня, — говорил он, — нет более тяжкого труда как, когда перевод делаю, приходится мне давать ответ на какой-либо вопрос. Тогда пока отвлеку ум от книги — весь потом покроюсь».

Отметим кстати, что старец обладал необыкновенным искусством письма, какое редко у кого можно встретить. В юности, например, он, переписал книгу святого аввы Дорофея. Как она велика, а он уместил ее на 24 листочках бумаги, на каждой страничке у него выходило по 70 строк уставным письмом, тонко как волос и буквы не заплывали, но четко, чисто, оставляя края вверху, внизу и по сторонам, как следует. Когда один ученик, удивляясь, спросил у старца, каким пером писал он эту книгу, не голубиным ли, старец ответил: «Нет, гусиным».

В 1787 году старец Паисий совершил свой важнейший литературный труд — перевод с греческого языка подвижнических слов святого Исаака Сирина. В предисловии к этому переводу старец подробно рассказывает как о внешних обстоятельствах этого дела, так и о тех трудностях, которые встретились ему при переводе, и о тех способах, которыми он преодолевал эти трудности. Он пишет:

«В 1786 году принесли мне со Святой Горы Афонской рукописную греческую книгу святого Исаака, причем принесшие книгу усердно просили меня приступить к ее переводу. К тому же понуждали меня и братия обители. Я же, сознавая старость свою и свою крайнюю слабость, а также значительный объем книги и трудность дела и неизвестность часа моей кончины, откладывал исполнение этой просьбы. С другой же стороны, усматривая Промысл Божий, сподобивший меня увидеть рукописную греческую книгу святого Исаака, нарочно принесенную мне для перевода, а также принимая во внимание мои успехи в познании греческого языка и то, что у меня были необходимые для перевода пособия, и чувствуя родившееся в душе моей желание приступить к переводу святого Исаака и, наконец, принимая во внимание просьбы братии, я начал в том же году в пост Рождества Христова новый перевод книги святого Исаака Сирина. В основание этого перевода я положил печатную греческую книгу, еще в Драгомирне полученную мною из Константинополя от Никифора Феотоки, рукописною же пользовался как пособием. И, действительно, я имел от нее большую помощь и без нее при всем моем старании, при одной только печатной книге, перевод мой оказался бы очень недостаточным, так как во многих местах некоторые слова, находящиеся в славянской книге, находятся и в рукописной греческой, а в печатной греческой — отсутствуют, из чего можно понять, что в древности трудившиеся над славянским переводом имели в своем распоряжении такую же рукописную греческую книгу. И так переводя эту книгу с печатной греческой, я вместе с тем внимательно, слово за словом, следил за рукописною греческой и за древней славянскою и за исправленною в Драгомирне, со вниманием разбирая имена и глаголы, соображаясь, насколько было возможно, и со свойствами обоих языков, греческого и славянского. Весь этот труд я совершал с большой духовной радостью, пренебрегая своею слабостью и болезнями, и таким образом закончил свой перевод в 1787 году».

Описывая встречающиеся ему трудности перевода и способы, которыми он их преодолевал, старец пишет: «Занимаясь долгое время исправлением и переводом отеческих книг, я заметил, что все книги на греческом языке несравненно яснее показывают грамматический смысл, нежели славянские переводы. Это происходит оттого, что греческий язык имеет и предшествующие и

последующие пояснительные частицы, помогающие уяснению грамматического смысла. Наш же славянский язык, хотя и превосходит многие языки своей красотой и огромным богатством слов, и из всех языков является ближайшим к греческому по образованию имен и глаголов и по составу и свойствам своим, однако, много теряет от недостатка пояснительных частиц. Ибо хотя местоимения *иже*, *он*, *сей*, *той* в славянском языке и употребляются вместо частиц греческого языка, однако же все это не может быть применимо с такою точностью, как в греческом языке ко всем словам и падежам, кроме звательного, и не может дать славянскому переводу такого ясного смысла, какой мы находим в греческих книгах. Кроме того, в греческом языке почти все слова мужского и женского рода, будут ли они употреблены с частицами или без частиц, в именительном и винительном падежах имеют различное произношение, благодаря чему получается ясный смысл речи; в славянском же языке слова мужского рода неодушевленные, оканчивающиеся на твердый знак и на мягкий знак и женского рода неодушевленные, оканчивающиеся на «ь» в именительном и винительном падежах имеют одно и то же окончание, и это делает смысл речи более темным. Затем, хотя в греческом и славянском языках все слова среднего рода в именительном, винительном и звательном падежах, как в единственном, так и во множественном числе имеют одно и то же произношение, но так как очень многие греческие слова женского рода при переводе на славянский язык оказываются среднего рода и вследствие этого получают в именительном и винительном падежах одинаковое окончание, то и это в немалой степени затрудняет смысл речи.

Замечая все это и желая, чтобы в моей книге и вообще в моих переводах существовала ясность, наиболее приближающаяся к ясности греческих книг, я обратил внимание еще и на то, что в книгах того премудрейшего и преглубочайшего языка старательно сохраняется со всей осмотрительностью во всех словах правописание. Поэтому, хотя этот язык и имеет много таких слов, которые и в единственном и во множественном числе имеют одно и то же произношение, но он не удовлетворяется одним только произношением, но всякое слово обозначает соответствующим правописанием. Заметив это, я положил себе правилом в моих переводах самым тщательным образом сохранять во всех словах единственного и множественного числа должное правописание, не оставляя без правописания ни одного слова, разве только по ошибке или забвению. И я уверяю читателей, что в моем переводе слова, употребленные в единственном числе, в единственном же, без всякого колебания, и должны быть понимаемы, а употребленные во множественном — во множественном. Благодаря этому в моем переводе достигается наибольшая ясность славянской речи».

В пояснение сказанного старец пишет дальше: как было уже сказано, в славянском языке слова неодушевленных предметов мужского рода на «ь» и «ъ» и женского рода на «ь» в именительном и винительном падежах единственного числа имеют одно и то же окончание, и если при них нет глагола действительного залога или других управляющих слов, то никто не может распознать, в каком падеже они поставлены. Например: добродетель — добродетель. Какое из этих двух слов стоит в именительном падеже, и какое в винительном — не видно. По-гречески, благодаря различию окончаний, этой неясности нет. Чтобы устранить эту неясность в славянском тексте, старец Паисий обозначает точкою сверху слово, стоящее в винительном падеже: добродетель — добродетель, или добродетель — добродетель. Необходимость такого обозначения становится особенно ясной из рассмотрения некоторых фраз. «Добродетель рождает страх Божий», «Страх Божий отгоняет леность». Смысл этих фраз окажется совершенно различным смотря по тому, какое из слов является подлежащим и какое дополнением. Если в первой фразе поставим точку над «добродетель», то получится смысл: добродетель рождается от страха Божия. Если же поставим над «страх», то получится смысл: страх Божий рождается от добродетели. То же самое получается и во второй фразе, смотря по тому, где стоит точка. Если точка стоит над словом «страх» — это значит: страх Божий отгоняется леностью, если же точка стоит над словом «леность» — это значит: леность отгоняется страхом Божиим. Приведем еще пример употребления пояснительных точек в другом роде. «Аще соблюдете заповеди Моя — послушайтесь Утешителя, Духа истины... Его же мир не может прияти... и Той научит вы всякой истине». В греческом языке Утешитель мужского рода, Дух же — среднего рода. В славянском же и то и другое — мужского рода. Точки показывают, к какому слову относится «его же» и к какому — «той». Без точек славянский текст был бы неясен». Далее старец пишет: «В переводе этой книги, как и во всех других моих переводах, я всегда употребляю способ перевода так называемый дословный, каким переведены с греческого языка на славянский Священное Писание и все церковные книги. Переводя таким способом, я старательно, насколько мог, соблюдал свойства

обоих языков, употребляя в славянском переводе для ясности, где было необходимо глаголы «есмь» и «бываю», а вместо частиц местоимения: он, той, сей; все это, употребляемое на соответствующих местах, придает переводу необходимую ясность. Следует еще и то знать, что я в своих переводах слова Священного Писания привожу так, как они приводятся в греческом подлиннике, не позволяя себе изменять их и приводить так, как они приведены в Священном Писании, опасаясь дерзости самочиния, но, чтобы перевод мой был во всем точен, я их привожу так, как нахожу в греческой книге».

Из приведенного рассказа старца Паисия видно, с какой осторожностью он работал над своими переводами отеческих книг. И не удивительно, что, по свидетельству людей сведущих, переводы старца Паисия имеют цену не только в религиозно-назидательном, но и в научном отношении.

Переводы старца Паисия превосходят все бывшие до него переводы отеческих книг тем, что он в своей работе не ограничивается одним только списком книги на одном каком-либо языке, но старается добыть списки или печатные тексты переводимой книги на разных языках, вышедшие в разное время и, сопоставляя их друг с другом, взаимно их проверяя, устанавливает наиболее правильное чтение, причем имеет обыкновение помещать на полях и разночтения, давая, таким образом, возможность самому читателю непосредственно убеждаться в правильности предлагаемого старцем чтения. Такого приема перевода отеческих писаний на славянский язык до старца Паисия не существовало. Бывшие раньше переводы, не всегда делаемые с греческих подлинников, а нередко с болгарских, сербских, латинских или польских переводов, отличались во многих местах темнотою смысла, что и заставило старца Паисия поставить это дело более тщательно и вдумчиво.

Один из исследователей рукописей школы старца Паисия, г. Н. Попов, (в своей книге: Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки, Выпуск 2-ой. Симоновское Собрание), характеризуя переводческую работу старца Паисия и пользуясь для этого текстом исправленной старцем книги преподобного Иоанна Лествичника, говорит: «Старец переводил с печатного греческого, но у него есть и добавления сравнительно с печатным текстом, взятые, судя по заметкам на поле, от рукописной книги. Иные приписки дают повод думать, что у переводчика под руками был не один греческий или славянский список, а целый ряд различных списков. На полях Лествицы много пометок, свидетельствующих о большом труде, который положен на сличение славянского текста с греческими рукописями и печатным изданием. При этом переводчик обнаруживает строгую разборчивость. Например, в одном месте он делает примечание: «В печатной находятся и такие слова (следуют выписки), взяты же эти слова из другой книги: поэтому я в переводе этих слов и не поместил, так как в других греческих и славянских текстах этих слов не находится». Есть примечания, поясняющие то или иное место на основании иных мест... До Паисия Величковского такого критического обращения с текстом мы не замечаем ни у одного из наших писателей».

Мы уже видели, что сам старец признавал необходимым вести свой перевод дословно, т. е. установив путем сравнительного изучения правильный текст книги, переводить с греческого языка на славянский слово за словом, ни в чем не меняя порядка греческого словорасположения. Конечно, при таком способе перевода, несогласованном с требованиями славянской и русской расстановки слов, не всегда бывает сразу ясна и очевидна мысль автора книги и возникает нужда в предварительной перестановке слов, чтобы доискаться до смысла той или другой фразы, чем, несомненно, затрудняется чтение и понимание книги, но с другой стороны, этим устраняется произвол переводчика в конструировании фраз, могущий повлечь за собою и изменение смысла подлинника. Необходимо еще отметить, что старец, обладая большим духовным опытом, глубокою проницательностью и тонкостью понимания, просветленного и изощренного его молитвенным подвигом и чистотою жизни и сердца, глубоко проникал в смысл переводимой им книги, умел подбирать самые точные и подходящие слова для выражения мыслей подлинника, и это делает его переводы, несмотря на некоторую тяжеловесность в конструкции речи, в высшей степени точными и соответствующими духу переводимого автора, а потому особенно ценными. По точности, выразительности, силе и глубине изложения с его переводами не могут сравниться не только прежние переводы, но и позднейшие переводы наиболее ученых лиц, в чем легко убедиться при их даже поверхностном сравнении.

В Нямце старец поставил дело переписки и перевода отеческих книг самым широким образом. Он собрал вокруг себя многочисленную группу помощников и специально подготовлял их к книжному делу. Он обучал их греческому языку и для усовершенствования посылал их в Бухарестскую Академию. Одни из его помощников под его непосредственным наблюдением

переводили отеческие книги, другие переписывали их. Занятия велись или по келиям, или в общем помещении, или, наконец, в покоях самого старца. Спрос на рукописи был очень большой не только со стороны самой братии Нямецкого монастыря, но и со стороны других обитателей, и со стороны отдельных лиц. Работы переписчикам было много. Рукописи сохранили имена некоторых сотрудников старца по книжному делу. Таковы его ближайшие помощники Иларион, Макарий, Онорий. Далее в рукописях упоминаются схимонах Афанасий, духовник Нафанаил, монах Павел и писец Михаил, монах Иоанникий, монах Сильван, писец Иакинф, монах Назарий, монах Митрофан, монах Кириак, диакон Тимофей, монах Гervasий, иеросхимонах Николай, монах Филимон, Филипп, монах Феофан, монах Антоний, писец Гурий, писец Климент, писец Леонтий, писец Хаджи Эммануил, иеромонах Игнатий, писец Софроний, писец Спиридон, писец Никодим, священник Софроний, писец Герасим, монах Садоф, писец Иерофей, Иероним, писец Савва, писец Сергей, священник Досифей и писец Серапион, иеродиакон Корнилий, писец Платон и др.

Благодаря усердной работе этой группы подготовленных сотрудников появляется большое количество исправленных переводов отеческих книг и очень много списков с них. По свидетельству профессора А. И. Яцимирского из тысячи рукописей, хранящихся в библиотеке Нямецкого монастыря и написанных в разное время на языках молдавском, греческом, латинском, итальянском, немецком, еврейском, арабском, турецком, сирийском, болгарском, польском, французском и славянском, двести семьдесят шесть рукописей относятся ко времени старца Паисия, и более 40 из них написаны собственноручно старцем, причем рукописи Нямецкого монастыря составляют лишь часть всего того рукописного материала, который вышел из-под пера сотрудников старца и разошелся по монастырям и монашеским келиям православного Востока, особенно же в пределах России и среди отдельных светских лиц.

Профессор А. И. Яцимирский перечисляет рукописи, написанные собственноручно старцем. Рукописи эти следующие: 1) Преподобного Антония Великого — «Советования о нраве человеческом», 2) «Богословие» св. Иоанна Дамаскина, 3) св. Василий Великого — «Монашеские заветы», 4) Его же — «Поучения о постничестве», 5) Его же — «Слово против Евномия», 6) Выписки старца Паисия об исхождении Св. Духа — из творений Геннадия Схолая, Досифея, патриарха Иерусалимского, Марка Эфесского, Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина, Евлогия, патриарха Александрийского, «Исповедания» Юстиниана, Ефрема, патриарха Антиохийского, 7) Выписки старца Паисия из творений Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, преподобного Филофея, патриарха Софрония, преподобного Евагрия, Германа, патриарха Константинопольского, преподобного Исаии Отшельника, св. Григория Паламы и преподобного Максима Исповедника, 8) Григория Синаита — «Слова», 9) св. Григория Паламы послание к Ксении — «О безмолвствующих», 10) Его же — «Слова указательные», 11) св. Диадокха, епископа Фотикийского — «Главизны деятельные», 12) св. Дионисия Ареопагита и других отцов «Слова об умной молитве», 13) Преподобного аввы Дорофея «Поучения», 14) «Житие Св. Григория Синаита» — сочинения Каллиста, патриарха Константинопольского, 15) Изложение правил апостольских и отеческих по толкованиям диакона и законохранителя Алексия Аристина, 16) св. Исаака Сирина «Аскетические творения», 17) Иосифа Вриенния «Поучения с приложением послания Иоанна, Папы Римского к Фотию, архиепископу Константинопольскому», 18) Каллиста Катафигиота — «О божественном соединении и житии зрительном», 19) Каноны на двенадцатые праздники в двух столбцах: в левом — старый их перевод, в правом — новый, 20) «Лестница» преподобного Иоанна Синайского, 21) Преподобного Макария Египетского «Поучения», 22) Преподобного Марка Постника — «Слова нравственно-подвижнические», 23) св. Марка Эфесского «Слово об исхождении Св. Духа», против латинян, 24) Преподобного Никиты Стифата «Поучения», 25) Преподобного Петра Дамаскина «Творения», 26) Ответы православным о насилии католиков (об унии); автограф перевода старца Паисия с греческой книги, напечатанной в г. Халки в 1775 году, 27) «Рай» патриарха Константинопольского Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, 28) Сборник — выписки старца Паисия из Дионисия Ареопагита о крещении, из Максима Исповедника, из Правил апостольских, из «Синтагмы» Матфея Властаря, из правил Вселенских Соборов, из Иоанна Златоуста, из Феофилакта, архиепископа Болгарского о крещении, 29) Сборник — Дионисия Ареопагита «О причащении», Иоанна Златоуста и Феодора Студита о том же, Дионисия Ареопагита «Послание», Феодорита Кирского «О семидесяти седмицах», 30) Сборник — «Обличительные слова на ересь Варлаама и Акиндина», «Словеса, избранные Симеоном магистром и логофетом», Василия Кессарийского и Феодора Студита «Молитва умиленная»,

31) Сборник — «Синодик в неделю православия», «О семи Вселенских Соборах», Германа Патриарха «Слово на Благовещение Пресвятыя Богородицы», Иоанна Дамаскина «Слово на Преображение, на погребение Спасителя, на Успение Богоматери, на Благовещение, на Рождество Богородицы», — Епифания Кипрского — «Похвала Пресвятой Богородице», 32) Сборник — Исихия, пресвитера Иерусалимского «Поучение о молитве», Антония Великого «О нраве человеческом», 33) «Свет сущим во тьме» — к обращающимся в православие латинянам, 34) Симеон Нового Богослова «Словеса», 35) его же — «Словеса» — белой экзemplар, 36) Симеона Нового Богослова — «Слово к отрешившимся», 37) Симеона Солунского «Слово о священстве», 38) «Страдания Св. Мученика Анастасия Нового, пострадавшего во граде Гельвине», 39) «Тактикой» Никона Чернигорца, 40) Преподобного Филофея Синайского — «Главизны трезвительные», 41) Преподобного Фалассия Ливийского «Сотницы» с приложением преподобного Филимона Отшельника «О безмолвии», 42) Феодорита Блаженного — «Толкование на книгу «Песнь Песней», 43) Феодора Эдесского «Поучения», 44) Феодора Студита «Оглашения» *.

Перечисляет проф. Яцимирский также и рукописи, писанные учениками старца по его выбору и назначению. Но нет возможности переименовать их все. Писания некоторых отцов Церкви встречаются в этих рукописях в особенно большом числе списков. Таковы, напр., писания Феодора Эдесского, Филофея Синайского, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Иоанна Лествичника, Исихия Иерусалимского, Исаака Сирина, аввы Дорофея, Григория Паламы, Василия Великого и др. Очевидно, на эти рукописи было особенно большое требование.

Значительную часть рукописей составляют сборники, выписки из отеческих книг или по догматическим вопросам, или по вопросам литургическим, нравственно-аскетическим и каноническим. Сам старец Паисий любил составлять подобные сборники и располагал к составлению их и своих учеников. По мнению старца, недостаточно было ограничиваться только чтением отеческих книг, ибо при этом внимание и мысль читающего не всегда достаточно следят за содержанием книги. Чтобы больше связать мысль и внимание с содержанием читаемой книги, необходимо слово за словом следить за текстом ее, а это лучше всего достигается списыванием. Самая медленность этой работы дает возможность полнее и отчетливее проникать в смысл списываемого. Содержание книги при этом больше сродняется с душой читателя и глубже в ней впечатлевается. Списывать всю книгу целиком не всегда бывает возможным, да и не всегда это и нужно. Иногда достаточно сделать выписки наиболее важных и интересных мест, чтобы потом всегда иметь их у себя под рукою, иметь возможность снова их перечитать или воспользоваться ими для литературной работы, для письма, для сообщения кому-нибудь другому. Читая различных отцов Церкви, писавших об одних и тех же предметах, можно выписками из них достигнуть наиболее ясного и всестороннего освещения данного предмета. Получается, таким образом, богословско-подвижническая энциклопедия, объяснительный словарь ко всем понятиям, входящим в круг религиозно-нравственной жизни и мировоззрения христианина.

Составитель настоящей книги имел в своих руках несколько таких сборников святоотеческих изречений и рассуждений, вышедших из школы старца Паисия. Один сборник написан рукою настоятеля Козельской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея во время его пустынножительства в Рославльских лесах Смоленской губернии. Этот сборник носит название «О подвигах иноческих», составлен в промежуток времени от 1812 по 1822 год и заключает в себе ценные выписки из отеческих книг о внутренней духовной жизни, подобранные в последовательном систематическом порядке. Сборник этот в печати не появлялся и хранился до революции в библиотеке Оптиной Пустыни. Другой сборник писан учеником старца Паисия, схимонахом Афанасием (из сенатских секретарей), тем самым, который доставил Петербургскому митрополиту Гавриилу Паисиев перевод Добротолюбия, а впоследствии жил в Свенском монастыре Орловской епархии, где и скончался в 1811 году. Свой сборник схимонах Афанасий перед своей смертью в 1810 году передал на благословение другому схимонаху Афанасию, бывшему ротмистру гусарского полка, по фамилии Захарову, также ученику старца Паисия, проживавшему потом в Площанской Пустыни Орловской епархии и там скончавшемуся в 1825 году. В Афанасиевом сборнике помещены выписки из творений святых отцов по различным вопросам нравственно-религиозной жизни, например о посте, о молитве, о гордости и т. д. По каждому вопросу приводятся многочисленные выдержки из отцов Церкви и таким образом дается им всестороннее освещение. Такой же характер имеют и все другие сборники.

* В бытность нашу в Нямце, нам удалось видеть некоторые из этих рукописей великого старца, написанных с большою отчетливостью и изяществом — *Прим. С. Ч.*

Письменные труды старца Паисия в Нямце и в других местах не ограничивались только переводами и списыванием отеческих книг. Он вел обширную переписку со многими лицами по различным вопросам духовной и церковной жизни. С этой перепиской мы познакомимся в следующей главе.

Глава 4

СТАРЕЦ ПАИСИЙ В ЕГО ПЕРЕПИСКЕ С РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ ПО РАЗНЫМ ВОПРОСАМ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ И ЖИЗНИ

Возраставшая слава старца Паисия как учителя духовной жизни располагала многих обращаться к нему с письменными запросами. На эти запросы старец отвечал письмами иногда столь обширными, что они по размерам и по способу изложения принимали вид больших сочинений, и в этих своих письмах излагал свои мысли и давал советы по разным вопросам монашеской и общецерковной жизни. Такие письма старца по вопросам монашеской жизни имеются от всех периодов его жизни на Афоне и в Молдавии. И некоторые из них, в которых говорится о книжных занятиях старца и излагаются его мысли о монашестве, мы уже приводили в извлечениях в различных местах нашей книги. Теперь мы приведем выдержки из других его писем, еще не появлявшихся в печати.

В бытность старца в Драгомирне к нему обратился настоятель одного скита Рубайя, иеромонах Софроний, с просьбою прислать священников для устройства общежития. Старец писал ему: «На вашу просьбу прислать священника для устройства общежития не знаем, что и ответить: мы еще сами в начале дела и нам самим во многом требуется наставление. Мы можем только сказать вам, как по силе Священного Писания и по уставу святых отцов можно было бы вам устроить общежитие. Во-первых, требуется, чтобы начальник был умудрен в Священном Писании, был справедлив, умел научить и своих учеников иметь ко всем истинную нелицемерную любовь, чтобы он был кроток, смирен, терпелив, свободен от гнева и от всех других страстей — сребролюбия, тщеславия, лакомства и т. д. Ученики, со своей стороны, должны быть в руках начальника, как инструмент в руках мастера или как глина в руке горшечника, не делать ничего без его благословения, не иметь своей собственности, но все — и книги, и постель, и прочее — иметь по благословению своего отца, чтобы они не верили своему уму и кратко сказать, — чтобы они были, как мертвецы до своей смерти, не имея ни своей воли, на рассуждения. Таков должен быть устав верных послушников. И где бы ни находился ваш скит, он не должен быть подчинен какой-нибудь другой обители, но должен управляться самостоятельно и чтобы братия его спасалась своим начальником, как этот последний спасается Господом. И этот порядок должен быть утвержден с благословения обеих сторон — и государства и местного архиерея. В ваш скит не должно быть входа женскому полу. Таким только образом с большим трудом вы можете осуществить спасительную для вас и угодную Господу жизнь. А если кто-нибудь из вас хочет перейти на жительство к нам, то Господу ведомо, сможет ли он иметь такую ревность, чтобы до конца терпеть нужду и бедность нашей жизни в вещах, в пище, в келиях и во всем другом. Вот и все, что мы можем сказать вам от нашего неумения. А Бог наш и Господь Иисус Христос пусть будет для вас Светом и Разумом для святого спасения и жизни вечной».

Как известно, старец посылал из Секула своих учеников в Бухарест для обучения их греческому языку. Двум из таких учеников, Дорофею и Геронтию, старец, посылая немного денег, пишет предостерегающее письмо по поводу того, что их, с разрешения владык, уговаривают есть мясо. Старец пишет им: «Мне кажется, что по правильному смыслу и установлению Святой Православной Церкви даже и ангелу не следует подчиняться в этом деле». Он обращает их внимание на сочинение об ядении мяса монахами старца Василия, который написал его не без благодати Божественного Духа. «После потопа Господь по слабости человеческой допустил ядение мяса, но порядок монашеской жизни соответствует жизни в раю, где не было ядения мяса. И хотя в начале монашеской жизни бывали по местам отступления от этого порядка, особенно в больших городах, но святой Савва Освященный утвердил неядение мяса. И таков стал общий порядок во всех странах. Поэтому нельзя ссылаться на то, что неядение мяса есть только местный обычай. И это не может быть предоставлено произволу каждого. И несправедливо, что воздержание от мяса вредит здоровью. И не следует стесняться тех, кто употребляет мясо, но надо угождать Богу более, нежели людям, и те, которые вас соблазняют, видя вашу твердость, сами

буду хвалить вас». Старец напоминает своим ученикам, что и братия обители, и пустыnnики пришли бы в соблазн и огорчение, если бы узнали, что они стали есть мясо.

В письме в Россию к монахине Марии Петровне Протасьевой, настоятельнице Арзамасской Алексеевской общины, старец разъясняет важность послушания как основания монашеской жизни. М. П. Протасьева, происходя из богатой семьи, с ранней молодости имела влечение к монашеской жизни. Отец, долго сопротивлявшийся осуществлению ее желания, уступил, наконец, ее просьбам и поместил ее в Костромской девичий монастырь. Она была духовной дочерью известного старца Феодора Ушакова и по его благословению была избрана сестрами начальницей женской Алексеевской общины в Арзамасе. По смерти старца Феодора Мария Петровна обратилась за руководством к старцу Паисию. Письмо к ней старца начинается указанием на слова Христа Спасителя: «Огня приидох воврещи на землю, и что хошу, аще уже возгорется» (Лк. 12, 49). Этот божественный огонь восприняли в свои сердца святые апостолы и, возгоревшись к Господу пламенной любовью, оставили мир и все, что в мире, и последовали со Христом. Они предали себя Ему и душой и телом, отвергли и свою волю и свое рассуждение, так что с великою радостью могли говорить: «Се мы оставихом вся и вслед Тебе идохом» (Мф. 19, 27). Это святое послушание Господу они сохранили в своих сердцах до конца жизни, запечатлели его перенесением бесчисленных искушений и многообразных смертей и излиянием своей крови до последней капли. Тот же самый божественный огонь любви и послушания восприняли святые мученики, претерпевшие за Христа с радостью многообразные мучения и самую лютую смерть. Этот же божественный огонь восприняли в себя все преподобные и бого-носные отцы наши, бежавшие от мира и от всего, что в мире, пребывавшие в общежитиях в совершенном послушании и отсечении своей воли, подвизавшиеся в пустынях, в горах и пещерах, ходившие тесным и узким путем, сораспинавшиеся Христу, проводившие жизнь в алчбе и в жажде, и во всяком злострадании, в непрестанной молитве и слезах, и сохранявшие во всем чисто и непорочно Евангельские заповеди. Этот же огонь божественной благодати восприняли все святые истинные рабы Христовы, всякого чина и звания люди, тщательно соблюдавшие душеспасительные заповеди Евангельские, без исполнения которых при одной вере православной спастись невозможно».

Указав затем, что этим же божественным огнем с юных лет была одушевлена и та, к которой он пишет свое письмо, что ради любви Христовой она претерпела многие скорби и притеснения, пересказав некоторые обстоятельства ее жизни и исполняя просьбу ее дать ей полезное наставление в ее трудных обстоятельствах, старец говорит затем о значении послушания.

«Так как ты самым делом и опытом узнала плоды благословенного послушания и плоды проклятого непослушания, то мне следует сказать тебе несколько слов и о святом послушании. Божественное послушание столь необходимо для истинного богоугождения, что без него никак невозможно служить Богу. Вот почему святое послушание и было насаждено Богом в трех местах: на небе, в раю и на земле. На небе, в небесных силах, в раю — в первозданных людях, на земле — в святых учениках и апостолах Господних. И в трех же этих местах явились и плоды преблагословенного послушания и проклятого непослушания. На небесах силы небесные, соблюдавшие послушание Богу, сподобились, просвещаемые Духом Святым, пребывать в Нем вечно и неизменно; диавол же, хотя и принадлежал к ангельскому лику, отпавший от послушания своим собственным произволением, возгордившись, был низвергнут с неба вместе с другими отступившими от Бога небесными силами, послушавшими нечестивого диавольского совета и, лишившись божественного света, добровольно стал тьмою, сделался врагом Богу, врагом спасения православных христиан. В раю, пока первозданные люди пребывали в истинном послушании Богу, они наслаждались лицезрением Божиим и разнообразными дарованиями Святого Духа. Когда же своею собственной волею послушались совета диавола, отпали от послушания, возгордились, пожелав быть равными Богу, тогда осужденные на смерть Богом, были изгнаны из рая и стали виновниками смерти всего человеческого рода. И если бы не Сын Божий Своим послушанием Богу и Отцу положил конец непослушанию Адамову, то роду человеческому не оставалось бы решительно никакой надежды на спасение от смерти и вечной гибели. Таковы плоды послушания и непослушания в первозданных людях. Наконец, на земле Христос Сын Божий, сошедший с небес не для того, чтобы творить Свою волю, но волю пославшего Его Отца, которому Он и был послушен даже до смерти крестной, насадил Свое божественное послушание во святых Своих учениках и апостолах. Те из них, которые пребыли в этом послушании даже до смерти, привели своею проповедью всю вселенную к познанию Бога и ныне царствуют на небесах вместе со своим Господом и Учителем Христом. Отпавший же от послушания и вместо Господа

послушавший диавола, Иуда впал в отчаяние, удавился и погиб навеки и душою и телом. Так и на земле явились плоды и послушания и преслушания.

На этом божественном послушании, насажденном на земле Самим Господом Иисусом Христом, основывается весь монашеский чин, будет ли то общежительное монашество или живущие по два и по три вместе, или пребывающие в пустынях — все они большею частью начинали свою монашескую жизнь от послушания и тем избегали, при помощи Божией, прелести бесовской. Кто же самочинно начинал свое монашеское жительство, тех постигали разнообразные бесовские искушения, от каковых да избавит нас Господь Своею благодатию».

В заключение письма старец убеждает М. П. Протасьеву подавать своею жизнью пример сестрам, над которыми она поставлена начальницей. «Наставляй их, — пишет старец, — на путь спасения, показывая им пример всякого доброго дела при помощи Божией прилежным исполнением заповедей Евангельских, любовию к Богу и ближнему, кротостию и смирением, глубочайшим всегда ко всем миром Христовым, материнским милосердием, терпением и долготерпением, слезным молением, утешением и побуждением на всякое доброе дело, с любовию Божией нося их тяготы все и немощи, горя к ним любовию Божией, как к сестрам и ученицам Христовым, прилежно наставляя их на истинное во всем к Богу послушание, на отсечение, лучше же сказать, на умерщвление своей противящейся воли, на оставление своего разума и рассуждения. Себя же в тайне сердца твоего и души твоей всегда считай перед Богом прахом и пеплом, грешнейшею из всех людей. Понуждай также себя быть примером для сестер твоих и соблюдением заповедей святых отец и телесными трудами по силе твоей, насколько сможешь, предстоянием на правиле церковном, поклонами великими и малыми, также и келейное правило, установленное святыми отцами, совершай со страхом Божиим, молитвами и псалмопением и чтением. Прилежно, с великим вниманием и размышлением, прочитывай в отеческих книгах о молитве, умом в сердце совершаемой, которая есть самый истинный, наиболее приятный Богу, монашеский подвиг, и если при помощи Божией уразумеешь изучением святых отец правильное понятие о ней, то понудь себя и на исполнение ее, призывая Бога на помощь, и ты получишь от нее великую пользу для души твоей. Понудь себя никого не осуждать, ибо один есть праведный Судия Христос Господь, который каждому воздаст по делам его, осуждай только себя и не будешь осуждена на Его втором и страшном пришествии. Всякому, согрешающему перед тобою, от всего сердца отпущай согрешения, да и Отец Небесный отпустит тебе согрешения твои». Этими наставлениями заканчивается письмо старца к М. П. Протасьевой.

Летом 1793 года к настоятелю Поляноворонской обители в Молдавии, иеросхимонаху Агафону, за подписью 13 монахов и всей братии обители поступила жалоба на иеромонаха обители Феопемпта, хулящего отеческие книги, учащие об умной Иисусовой молитве и называющего читающих эти книги еретиками и фармазонами, между тем как эти книги, по словам жалобщиков, получены ими из обители старца Паисия. Жалобщики требовали, чтобы Феопемпт в соборе братии доказал, что они еретики. Все монахи собрались в церковь и позвали Феопемпта, но он не пришел. Тогда отправились к нему в келию и спрашивали, за что он называет их еретиками. Феопемпт отвечал: «Все книги, которые вы читаете, есть химеры, и вы все — прельщенные». Святую Иисусову молитву он называл ересью и говорил, что эта ересь вышла из Мошенских гор, а потом дошла и до старца Паисия, и уже тому будет назад около 30-ти лет. После того пришел в Поляноворонскую обитель Нямецкий духовник Иакинф и увещевал по просьбе братии Феопемпта, но тот и ему отвечал то же самое, что и братиям. Тогда решили подать жалобу Нямецкому архимандриту старцу Паисию с изложением всех обстоятельств дела. Жалоба была получена старцем 19 июня 1793 года. 30 лет тому назад старец Паисий, находясь еще в Драгомирне, действительно написал сочинение об Иисусовой молитве, но не в похвалу ереси, появившейся тогда среди монахов в Мошенских горах, а в ее опровержение. Он доказывал святость и правильность Иисусовой молитвы со ссылками на многочисленные свидетельства отцов Церкви. И теперь он снова выступил письменно на защиту умной молитвы. Прежние свои доказательства он дополняет новыми, заимствуя их из отеческих книг. Приведем заключительные слова письма старца Паисия: «Молю и прошу вас от всей души, имейте несомненную веру к отеческим книгам и к учению, заключающемуся в них, ибо оно во всем согласно с Божественным Писанием и с разумом всех вселенских учителей и всей святой Церкви, так как один и тот же Святой Дух действовал в них. Учение, находящееся в отеческих книгах, есть истинное наставление монахам, желающим спастись, и вы, придерживаясь его, бегайте и удаляйтесь от хулений появившегося у вас хулителя святых книг богоносных отец наших. Ибо ни он, ни другие подобные ему не могут представить ни одного святого свидетеля своему зломудрию и своим хулам, но все свое основание

полагают лишь на песке своего собственного развращенного и богопротивного разума, подушаемые отцом лжи дьяволом. Вы же, верные и истинные сыны православной Церкви, утверждаетесь на недвижимом камне веры; ибо вы имеете об истинном делании заповедей Божиих и об этой священной молитве великое множество свидетелей преподобных и богоносных отцов наших, список которых вам при этом я представляю. Последуйте их святому учению, понуждайтесь душою и телом на всякое дело благое и угодное Богу по силе вашей при содействии благодати Божией. С хульником же этим, если не захочет покаяться, прошу и молю, не имейте никакого общения. Если возможно, с любовью удалите его от себя, дабы ваше жительство было тихо и мирно, без всякого смущения, во славу Божию и во спасение душ ваших, которого вам усерднейше желаю».

Когда братия Поляномерульского монастыря избрали своим старцем иеросхимонаха Алексия, того самого, который приходил в Драгомирну постригать в схиму старца Паисия, то некоторые из братии, зная кроткий и смиренный нрав Алексия, сомневались, может ли он быть добрым начальником, и писали об этом старцу Паисию. Старец ответил им следующим письмом: «Не смущайтесь его незлобием и смирением. В этом корень и основание настоятельской должности. Да будет — пишут святые отцы — настоятель братиям смирен, кроток, незлобив, тих, способный понести сам всякие укоризны, если бы то случилось по навету дьявола, чтобы и братиям суметь подать пример терпения и целомудренного жития. Не смущайтесь и тем, будто бы он, по-видимому, не знаком с хозяйственным делом: силен Бог направить это дело и через других братии. Самое нужное для вашего спасения — это уметь хорошо устраивать по заповедям Божиим и по учению святых отец души братии. Не смущайтесь тем, что он слаб телом, когда он здрав духом, здрав в духовных рассуждениях. Поэтому, пречестные отцы и братия о Господе возлюбленные, со слезами молю вас, припадая к ногам вашим, не презирайте моего совета, но примите Богом дарованного вам пастыря и наставника, всечестного отца Алексия. Зная слабость здоровья его, не требуйте от него телесных трудов выше сил его, но всячески берегите его, чтобы не истощились прежде времени его силы и не потерпела ущерба польза братии: довольно с него, чтобы он больше сидел в келий, оберегая свое здоровье, читал душеполезные книги и был бы готов в нужное время дать братиям здравый и душеполезный совет. Так же и во внешних хозяйственных делах не пренебрегайте им, будто бы неопытным, но во всяком начинании, при всяком деле всегда принимайте от него благословение и совет со всяким смирением, хотя бы и казалось какому-нибудь брату в том или другом деле, что не нужно спрашивать отца, ибо он и сам знает хорошо, как надо поступить. Это — от лукавого. От Бога же и от святых отец такой порядок — во всяком деле, если бы даже и очень опытен был какой-нибудь брат, прежде всего надо спросить настоятеля и, не принуждая его к своему мнению, ожидать, как он сам рассудит и решит; ибо брату следует совершенно смирять свой помысл и, как бы совершенно ничего не знающему, приступить к отцу и спросить его, имеется ли на то или иное дело его изволение и благословение, и, как он скажет, так и поступить. И тогда Бог, видя смирение брата и его истинное послушание (ибо без смирения нет

и послушания), вразумит Духом Своим Святым сердце настоятеля дать просящему полезный ответ и поможет послушнику в начатом деле Своею невидимою благодатию. Если же настоятель, непонуждаемый, сам скажет: «Делай как знаешь», тогда со страхом Божиим, положившись на молитвы своего отца, начинай, как Бог вразумит. Исполнив послушание или возвратившись из путешествия, снова приди к отцу и, рассказав подробно все сделанное, припади к ногам его, прося прощения, если в чем не так поступил: ибо одним ангелам свойственно ни в чем не погрешать. Так друг перед другом смиряйтесь, друг друга почитайте, имейте любовь Божию между собою, и да будет у вас одна душа и одно сердце благодатию Христовою».

Один священник, друг детства старца и его товарищ по Киевской Академии, состоявший с ним в постоянной переписке, написал ему о своем желании принять монашество. Старец ответил ему следующее: «В этом деле, любимиче мой, великое заключается неудобство. Ибо, по Иоанну Лествичнику, женатый подобен человеку, имеющему связанными и руки и ноги; он бы и хотел идти в монашество, но не может. Другое — на тебе лежат обязанности и по отношению к пастве разумных овец Христовых, и оставить эту паству просто и как придется не безопасно. Третье — приобретенные во время долголетней мирской жизни привычки, естественную укоренившуюся любовь к детям и жене, пристрастие к миру и к мирскому — также не очень легко преодолеть. Находясь в таких обстоятельствах, каким образом мог бы ты освободиться от всех этих неудоборазрешимых уз? Во-первых, возлюбленный, тебе необходимо иметь об этом деле духовный совет с твоею Богом данною помощницею и разрешить это дело не без ее согласия.

Второе — детей своих необходимо устроить законно и по Богу. Третье — и это самое главное — испросить на это святое дело благословение архипастыря; внушит ли ему это Дух Святой, а также и избрать опытного пастве твоей преемника по тебе? Если ты так устроишь свое дело, то оно будет по Богу крепко и непоколебимо, от Бога и от людей похвально. Впрочем, если бы даже все указанные препятствия благодатию Божией были бы благополучно устранены, то и тогда тебе следует с большою рассудительностью подсчитать свое духовное имение, чтобы не оказаться подобным тому Евангельскому строителю, который, не рассчитав своих средств, начал строить башню и не мог окончить ее, и чтобы чаша эта со слезами и горький хлеб монашества не послужили бы тебе за нерассудительность к осуждению в день Суда. Ибо, по словам Лествичника, никто не войдет в небесный чертог с победным венцом, если не совершит первого, второго и третьего отречения: первое отречение от мира и всего, что в мире, второе отречение от воли и рассуждения, третье отречение от тщеславия, сопровождающего послушание. Первое из них — самое нетрудное, но только для любящих Бога. Второе до смерти требует подвига и кровавого труда. Третье достигается постоянным самоукорением. Для всех же трех необходима невидимая помощь Божия, без которой ни одно из них неосуществимо. Итак, если ты надеешься при помощи Божией благодати, преодолевши все указанные в начале затруднения, действительно отречься от мира и всего, что в мире, отречься также и от своей воли и рассуждения и отдать себя в совершенное по Богу и Божиим заповедям послушание даже до смерти, отказаться от всего своего имущества до самой малейшей вещи, считать себя наименьшим и последним из всех, великодушно терпеть мысленную брань, постоянно наносимую рабам Божиим невидимым врагом душ наших, а кроме того и голод, и жажду, и недостаток во всем, и поругание, и бесчестие, и всякое утеснение, и скорбь, которыми начертывается монашеская жизнь. Если все это готов со сладостию терпеть до смерти ради любви Божией, радуйся и веселись, и прославляй Бога и несомненно веруй, что Бог Своими дивными судьбами приведет в исполнение твое богоугодное намерение, и ты сподобишься, хотя и в одиннадцатый час жизни твоей, поработать Богу в ангельском образе. Однако не сомневайся, ты получишь от всещедрой десницы Божией на небесах равную награду с теми, кто от самой юности и до старости работал Богу в иночестве».

Теперь мы перейдем к тем письмам старца, в которых он высказывается по вопросам общецерковным. В этих письмах мы видим старца выступающим на защиту чистоты и правды православия с такою же ясностью, силою и твердостью, с какими в предыдущих письмах он устанавливает основы и порядок монашеской жизни. В некоторых случаях его слово кажется нам даже слишком суровым, но это потому, что мы сами в наше время стали слишком слабы.

Один священник по имени Иоанн, по-видимому униат, усумнился в истине своего исповедания и обратился к старцу с просьбою разрешить ему его недоумение. Старец пишет ему, что «Сам Дух Святой, от Единого Отца исходящий и на Сыне почивающий, внушил ему Своею благодатию обратиться со своим вопросом к смиренному и грешному, но православному сыну восточной Церкви», и выражает готовность раскрыть ему в кратких словах его недоумение. «Первым и важнейшим заблуждением униатов является принятое ими от римлян учение, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына. Это есть первая и важнейшая из всех ересей, ибо она заключает в себе неправильное и противное Священному Писанию мудрование о Боге, Едином во Святой Троице. Кто исповедует, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына, тот мудрствует в Боге два начала: одно Отца, другое Сына. Мы же, православные, исповедуем в Божестве единое начало Отца, как и сам Господь наш Иисус Христос научил нас во святом Евангелии, говоря, что Дух Святой исходит от единого Отца. Он говорит: «Егда же придет Утешитель, Его же Аз пошлю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит» (Иоанна 15-26). И апостол говорит: «Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов» (Иакова 1-17). Видишь ли? Он говорит — Отца светов, т. е. Отец есть корень и источник Божества; два же света, Сын и Дух от единого света, Отца, имеют свое предвечное бытие, Сын в рождении и Дух Святой в исхождении.

Божественный же пророк Давид говорит: «Словом Господним небеса утвердишася и Духом уст Его вся сила их». Видишь ли, Господом называет Отца; Словом же Его называет Сына, как предвечно от Него родившегося; Духом же уст Его (а не их) называет Святого Духа, как исходящего от единого Отца. Много и других можно отыскать свидетельств Ветхого и Нового Завета, яснее солнца показывающих, что Дух Святой исходит от единого Отца и на Сыне почивает, как это обнаруживается и в крещении Господнем.

И все святые толкователи Священного Писания вселенские учителя Церкви как бы едиными устами говорят, что Дух Святой исходит от Отца, и нигде не написали, что и от Сына. Итак, если униаты являются единомысленными с римлянами в столь тяжелой ереси, то какая есть у них

надежда спасения, если они не отвергнут явно эту духовную ересь и не соединятся снова со святою православною восточною Церковью?"

Далее старец убеждает священника поспешно бежать от унии, как Лот бежал из Содома. «Не пожалей, — пишет он, — ни имущества, ни родственников, если они не захотят послушать тебя, но всячески спасай собственную твою душу от гибели. Ибо для тебя нет ничего нужнее души, за которую умер Христос. Убегая же, не озирайся вспять сердцем ради скоро погибающего имения; лучше тебе в нищете пребывать, нежели похулить Святого Духа, как хулят Его римляне. Уйди и беги от унии как можно скорее, да не застигнет тебя в ней смерть, и да не будешь причислен к еретикам, а не к христианам. И не только сам уходи, но советуй уходить и другим, о которых по совести знаешь, что они слушают тебя. Если же не послушают, то хотя сам уходи от сети вражией и соединишь душою и сердцем со святою православною Церковью, и таким образом, содержа вместе со всеми непорочную веру и исполняя заповеди Христовы, сможешь спастись».

В 1794 году старец получил из России ряд вопросов от группы лиц, которых он сам называет истинными рабами Божиими, делателями Евангельских заповедей и великими ревнителями благочестия. Это были: села Васильевского церковный причетник Александр Матвеев, Иоанн Петров, Матвей Яковлев, Андрей Иоаннович, вдова Евдокия, Иван Сергеевич из села Палехи, Афанасий Никитич и др.* Как видно из вопросов, все эти люди чрезвычайно озабочены делом спасения, живут среди раскольников, а некоторые, может быть, и сами состоят в раскольниках, волнуются многими недоумениями, горячо желают и надеются получить от старца слово взамумления, полезное не только для них, но и для окружающих их людей.

Все ответы старца направлены, главным образом, к предостережению от раскольниковских заблуждений. По их обширности мы не можем привести их полностью и остановимся лишь на тех, которые могут иметь наибольшее отношение к нашему времени.

Своим ответам старец предпосылает следующее вступление: «Ваше второе писание я получил с особенною радостью через возлюбленного нашего брата, монаха Феофилакта, и прославил Бога за вашу ревность, какую вы имеете о непорочном хранении православной веры и апостольских преданий и правил, содержимых святою Церковью. Эта ревность ваша есть Божия и разумная. Побуждаемые ею, вы проявляете такую любовь ко мне и веру, что, несмотря на мою необразованность, обратились ко мне с вопросами, далеко превосходящими мою силу и разум, и более подлежащими соборному рассмотрению Церкви, нежели моему невежественному разъяснению. Между тем, вы написали мне свои вопросы с таким заявлением, что мои ответы и решения примете без всякого сомнения с полным доверием. Очень похваляю вас за ваше усердие, но сами рассудите, как я смогу дать ответы и решения на ваши вопросы, хотя бы я и всем сердцем этого желал, будучи, во-первых, как я уже сказал, человеком простым и невежественным, а во-вторых, не имея у себя и книг, необходимых для этого дела. И я не знаю, что мне делать: оставить ли ваши вопросы без ответа, или же как-нибудь ответить вам по моему слабому разумению? Пробыв немалое время в таком недоумении, я решил уступить вашей любви ко мне и вере, и ревности вашей, и усердию. Более же всего меня тронуло то, что вы просите и молитесь за меня об ответе Святою и Живоначальною Троицею. Принимая все это во внимание, я был побежден вашею любовью, и молю всемогущего Христа Бога, да поможет Он мне Своєю благодатию дело это и начать, и выполнить по истинному и непогрешимому разуму святой соборной Церкви».

«Итак, первый ваш вопрос заключается в следующем: можно ли истинному христианину иметь у себя и читать книги, запрещенные Церковью и снова святотатственно тайно печатаемые раскольниками и распространяемые ими в народе, или этого не должно делать? Отвечаю: Божественная Церковь заповедует еретических книг не читать и с еретиками не беседовать. В книге православного исповедания на вопрос, какая есть пятая заповедь церковная, имеется следующий ответ: необученным в Священном Писании и в других необходимых науках книг еретических не читать и не слушать вредоносного учения еретиков, даже и не разговаривать, и не обращаться с ними по слову псалмопевца пророка: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста» (Пс. 1, 1). В другом месте Священное Писание говорит: «Еретика человека по первом и втором наказании отрицайся» (Тит. 3-10). Смотрите внимательно и замечайте, что божественная Церковь не всем заповедует не читать еретических книг и не беседовать с еретиками, но только необученным в Священном Писании и в науках; ибо последние очень легко могут, читая еретические книги и знакомясь с их учением или неосторожно вступая в

* Из письма старца Софрония, ученика и преемника старца Паисия, к М. П. Протасевой, видно, что Афанасий Никитич был иконописец из села Палех, и оказывал содействие Нямцу в печатании книг.

разговоры с еретиками, поддаться их богопротивному и извращенному мудрованию; еретическое учение в глазах невежественных людей часто представляется истинным, будучи в действительности безусловно ложным. Подобно тому, как сатана, будучи тьмою, преобразуется в светлого ангела, так и еретические учения, будучи тьмою и совершенно непричастные свету истины Божией, в глазах людей, необученных в Священном Писании и в науках, часто кажутся имеющими некоторое подобие истины. Вот почему Церковь необученным в Священном Писании и в науках дает заповедь книг еретических не читать и с еретиками не беседовать, чтобы по своей неопытности они не потерпели вреда от их учения. Обученные же в Священном Писании и в науках свободны от этой заповеди. Таковы Святые Отцы, пастыри и учителя Святой Церкви. Они не только в Священном Писании благодатию Божией в совершенстве были наставлены, но и все науки внешнего учения в полноте изучили и несравненно превзошли во всякой внешней премудрости не только своих учителей, но и всех древних философов. Эти богоносные отцы наши, видя, как различные еретики, гордясь своей внешней премудростью и обращая Божественное Писание в орудие своей философии, толкуя его философскими доказательствами в ложном и извращенном смысле, воздвигали своим учением постоянную брань на Христову Церковь, по необходимости читали их превратное еретическое учение и, подчиняя во всем свою философию Божественному Писанию, яснее солнца усматривали заблуждения еретиков и двойным непобедимым оружием, т. е. богословием и философскими доказательствами, как паутинную сеть, разрывали все их еретические хитросплетения и словом истины защищали Церковь Божию от всех еретических нападений. Ибо и философия, если ею пользоваться правильно, как учит святая и апостольская Церковь, в такой степени соответствует истине Божией, что не может быть преодолена никакими еретическими словесными хитросплетениями; если же ею пользоваться вопреки истинному смыслу Священного Писания и святой Церкви, как это делают еретики, то она становится противной истине Божией и как держащаяся лжи без труда побеждается истинными доказательствами. Поэтому приступающему к чтению раскольничьих книг необходимо не быть лишенному ни разума богословского, ни внешнего учения. Не получившему же соответственных познаний полезнее повиноваться Богу и церковной заповеди, гласящей: еретических книг не читай и с еретиками не вступай в собеседование».

«Далее вы спрашиваете: если кто имеет некоторые сомнения относительно преданий соборной Церкви и не слушает ее повелений, напр., крестится двумя перстами, а также и в каких-либо других церковных постановлениях сомневается и не хочет покориться — имеют ли таковые надежду спасения, хотя и делали добрые дела, или нет? И можно ли священнику разрешать таковых на исповеди и допускать к причастию Святых Таин, или это безусловно противно истине? Удостоверьте, Бога ради, нас, убогих и окаянных.

Ответ: на этот ваш вопрос считаю уместным рассказать вам случай, бывший на моей памяти. В 1746 году прийдя в одну обитель, где живут монахи русского племени, я нашел там четырех раскольничьих монахов, проживавших в пустыне недалеко от этой обители. Некоторый иеромонах Осия убеждал их, чтобы они оставили раскол и все свои обычаи, не согласные с церковными, и вошли в общение с Церковью и покорились ей во всем, и через это получили бы несомненную надежду на спасение. Они выражали готовность принять все предания и обычаи церковные, лишь бы только им было дозволено креститься двумя перстами, на троеперстное же православное сложение они ни в каком случае не хотели согласиться. Иеромонах Осия уверил их и пообещал, что он испросит им на это от церковных властей позволение и благословение, лишь бы только они во всех остальных церковных преданиях и обычаях были послушны Святой Церкви. Вполне положившись на его обещание, раскольнические монахи оставили свое пустынное жилище, перешли в названную обитель, стали строить себе келий, оделись в монашеское платье по обычаю православной Церкви и часто просили Осию поскорее исполнить данное им обещание, но он все откладывал. Наконец, в пост святых Апостолов, по их усерднейшей просьбе, пошел вместе с ними в столичный молдавский город Яссы, где в то время находились свят, патриарх Антиохийский Сильвестр, муж святой и исполненный премудрости Святого Духа, и молдавский митрополит Никифор, грек, муж премудрый. Иеромонах Осия, представив им раскольничьих монахов, рассказал им подробно, как он уговаривал их войти в общение с Церковью и как они готовы принять и исполнять все церковные предания и обычаи, и только в одном они просят и молят со слезами снисхождения, чтобы им было дозволено при осенении себя честным крестом употреблять двуперстное знамение; тогда они с глубочайшим душевным миром примут церковное общение. Отказаться же от своего двуперстного сложения и принять троеперстное церковное сложение — они ни в каком случае не согласны. Выслушав со вниманием этот рассказ, святейший

патриарх и преосвященный митрополит сказали: «Если вы от всей души вашей хотите присоединиться к соборной Церкви, то вам следует без всякого сомнения и со всею искренностью принять все апостольские предания и все обычаи церкви, без какого то ни было исключения; тогда и Церковь приняла бы вас в свое общение, как любимых чад с великою радостью. А так как вы не на все апостольские предания и церковные обычаи соглашаетесь, но крепко и непоколебимо стоите на своем самоизмышленном двоеперстном сложении и не хотите в этом деле покориться Божией Церкви и просите, и молитесь, чтобы Церковь приняла вас в общение с вашим двоеперстным сложением, то может ли Церковь исполнить ваше желание? Возможно ли, чтобы в одной и той же Соборной Церкви было два обычая, друг с другом несогласных и друг другу противных, чтобы одни и те же христиане не одним и тем же способом полагали на себе крестное знамение? И какое будет тогда согласие между христианами? Не очевидный ли будет тогда между ними раскол? И Божественная Церковь с таковым вашим двоеперстным сложением вас в свое общение ни в каком случае не примет, потому что если бы она вас приняла, то произвела бы раскол во всей Греции и во всех православных землях, подобный тому расколу, какой был произведен невежественными людьми в России. Но да не будет того, чтобы Церковь сделалась виновницею раскола! Поэтому знайте твердо, что Церковь Божия на ваше предложение ни в каком случае согласиться не может, и вы об этом, как о вещи невозможной, более нас и не просите, но идите к себе и уже не оставайтесь в той обители, в которой теперь находитесь, ибо вы, как непокорные Церкви, не можете иметь общения с живущими там православными монахами». Услышав такой ответ от святейшего патриарха и преосвященного митрополита, монахи удалились и, возвратившись в свою обитель, очень скорбели на иеромонаха Осию, обманувшего их своим обещанием и, осыпав его тяжкими укоризнами, возвратились к своим раскольникам на первоначальное свое место жительства.

Рассудите теперь сами, христоробцы, если раскольничьих монахов, готовых принять все апостольские и церковные обычаи, за одно неоставление ими двуперстного сложения, Церковь не приняла в свое общение, то каким образом она может принять тех, которые, как вы пишете в своем вопросе, имеют сомнения относительно предания Соборной Церкви, не слушают ее повелений и во многом другом не хотят покоряться церковным правилам? Вы спрашиваете о них, имеют ли они надежду спасения, хотя бы за их добрые дела, и можно ли священнику разрешать их на исповеди и причащать Святых Тайн? И молитесь дать вам достоверный ответ. На это отвечаю вам: по моему мнению, раскол может быть двоякий, или сам кто-нибудь состоит в расколе, или и других приводит в раскол, отторгая от Церкви своим богоборным учением. Пребывающий в таком расколе, если и все добрые дела совершил, если бы и кровь свою мученически за Христа пролил, что, несомненно, превосходит все добрые дела, ни в каком случае не сможет загладить этого смертного греха, т. е. раскола. Если же человек даже мученическою кровью не может загладить своего раскола, то какая может быть ему надежда на спасение, и как может разрешить его на исповеди священник без истинного его обращения к Церкви и сподобить его Причастия Святых Тайн? Это никак невозможно и будет во всяком случае противно истине святой Божией Церкви.

Я не привожу дословно следующего вашего вопроса, а передаю только его сущность. Клятву и анафему, в прежнее время соборно наложенную восточными патриархами на противящихся Соборной Церкви, т. е. на крестящихся двумя перстами или в чем-нибудь другом не покоряющихся, эту анафему разрешил ли впоследствии какой-нибудь восточный собор или нет? И могут ли какие-нибудь архиереи помимо Собора и без согласия и воли восточных патриархов разрешить эту клятву? И если эту анафему никто из архиереев без воли восточных патриархов разрешить не может и она от восточных не разрешена, то не будут ли некоторые из христиан в противлении и в нераскаянии своем умирать в этой соборной анафеме? Горе нам! И приятно ли будет таким церковное поминовение? Не лишите нас и об этом истинного разъяснения.

Ответ: клятва или анафема на противящихся Соборной Церкви, т. е. на крестящихся двумя перстами или в чем-нибудь ином противящихся и не покоряющихся, будучи соборно наложена восточными патриархами, имеет оставаться благодатию Христовой твердою, непоколебимою и неразрешимою до скончания века. Вы еще спрашиваете: наложенную анафему разрешил ли впоследствии какой-нибудь восточный Собор или нет? Отвечаю: мог ли быть подобный Собор, за исключением какого-нибудь противного Богу и Святой Церкви, который бы собрался на опровержение истины и утверждение лжи? В Церкви Христовой такого злочестивого Собора вовеки не будет. Вы еще спрашиваете — могут ли какие-нибудь архиереи, помимо Собора и согласия и воли восточных патриархов, разрешить подобную клятву? Отвечаю: это никак невозможно; несть бо нестроения Бог, но мира. Знайте твердо, что все архиереи при своем

рукоположении получают одну и ту же благодать Святого Духа и обязаны, как зеницу ока, хранить чистоту и непорочность православной веры, а также и все апостольские предания и правила святых Апостолов, вселенских и поместных Соборов, и богоносных отцов, какие содержит Святая, Соборная и Апостольская Церковь. От того же Святого Духа они приняли власть вязать и решить по тому чину, какой установил Святой Дух через святых Апостолов во святой Церкви. Разорять же апостольские предания и церковные правила — такой власти архиереи от Святого Духа не получили, поэтому разрешить вышеупомянутую анафему на противников соборной Церкви, как правильно и согласно святым Соборам наложенную, ни архиереям, ни восточным патриархам никак нельзя, а если бы кто покусился это сделать, то это было бы противно Богу и святой Церкви. Вы еще спрашиваете: если эту анафему никто из архиереев не может разрешить без восточных патриархов, то не разрешена ли она восточными?». Отвечаю: не только никакому архиерею без восточных патриархов, но и самим восточным патриархам невозможно разрешить эту клятву, как об этом достаточно уже сказано, ибо таковая анафема вечно неразрешима. Спрашиваете: не будут ли некоторые из христиан в своем противлении и нераскаянии умирать в этой соборной клятве? Горе нам! Отвечаю: в этом вашем вопросе для меня заключаются три недоумения. Первое — некоторые из христиан. Второе — не будут ли в противлении и нераскаянии своем умирать в этой соборной анафеме. Третье — горе нам! В первом случае я недоумеваю, какие же это христиане, которые без всякого раскаяния противятся Соборной Церкви? Такие недостойны и называться христианами, но по справедливому суду церковному должны именоваться раскольниками. Истинные христиане во всем повинуются святой Церкви. Второе: не будут ли, в противлении и нераскаянии своем, умирать в этой своей анафеме? Я недоумеваю об этом вашем вопросе: ибо каким образом эти мнимые христиане, пребывая без раскаяния во всегдашней своей непокорности Церкви, не будут умирать в этой соборной анафеме? Бессмертны ли они, те, о которых вы недоумеваете, будут ли они умирать? И как они могут не умирать, будучи смертными, да еще находясь под анафемой, и вдвойне смертными и душевно и телесно, как умерли в этой же соборной анафеме без покаяния и всегда умирают бесчисленное множество раскольников? Так и эти мнимые христиане, если от всего своего сердца не обратятся к Церкви Христовой с истинным покаянием, то, несомненно, умрут в вышеупомянутой соборной анафеме. Третье мое недоумение относится к вашим словам: горе нам! Эти ваши слова влагают в мою душу мысль, не вы ли те некие христиане, нераскаянно противящиеся Церкви, и боитесь и трепещете наложенной от Соборной Церкви на таких противников анафемы, и поэтому так тщательно о ней спрашиваете, не разрешил ли ее какой-нибудь восточный собор? Боясь умереть в анафеме и не вынося постоянного угрызения совести, вы и вопиете: горе нам! Если вы истинные православные христиане, во всем повинующиеся Церкви, родившей вас святым крещением, и крестящиеся по преданию святых апостолов первыми тремя перстами правой руки, и спрашиваете меня не о себе, а о других, то и вышеупомянутая анафема на вас не распространяется, и потому вам отнюдь не следовало говорить о себе столь жалостно: горе нам! Эти слова ваши и внушили мне вышеизложенное о вас мнение, каковое да истребится из души моей! Прошу вас, дайте мне через известный вам случай совершенное удостоверение о вашем мудровании, ибо мы с противящимися святой Церкви и крестящимися двумя перстами не можем иметь никакого общения. Еще вы спрашиваете: будет ли приятно за них церковное поминовение? Отвечаю: если вы говорите о противящихся Соборной Церкви, и в противлении и нераскаянии своем умирающих, то поверьте мне, что церковное поминовение о таких не только не будет приятно, но и противно будет и Богу и святой Церкви, и священник, дерзающий по таковым творить поминовение, смертно согрешает. Поминовение по умершим есть самая главная часть бескровной жертвы, приносимой за православных христиан как живых, так и умерших. Если кто-нибудь, даже из православных христиан, явно согрешает и не кается, то о таковом святая Церковь запрещает приносить бескровную жертву, пока он совершенно не оставит своего греха и искренно не покается. Если о православном явном грешнике, не кающемся, Церковь не разрешает приносить бескровную жертву, то может ли она допустить приносить таковую за умершего без всякого покаяния в противлении святой Церкви? Никак не может. О явном грешнике, что не подобает ему причащаться Святых Тайн и невозможно приносить за него бескровную жертву, свидетельствует святой Симеон, архиепископ Солунский, следующими словами: «Нет места неверным или иномудрствующему. Поэтому никак не следует какому бы то ни было священнику приносить жертву или творить поминовение о явном согрешающем и не кающемся, так как это приношение бывает им во осуждение, равно как и принятие страшных Тайн недостойно и без покаяния причащающимся, как об этом говорит

божественный Павел» (1 Кор. 11-29). Того же Симеона, о каковых следует приносить частицы: «Явно согрешающих верных приношения священники не должны принимать, как случится, но сначала требовать покаяния. Ибо приобщение бывает приносимою частицею, и не подобает, будучи недостойными, причащаться этой жертвы». Того же Симеона о том, что священнику следует внимательно наблюдать, о ком он приносит частицу: «Насколько полезно бывает приношение о достойно приносящих, настолько бедственно и вредно о недостойных, в какой мере это возможно для людей, ибо частица, принесенная о ком-либо, будучи положена вблизи божественного хлеба, после того как этот хлеб будет освященнодействован и станет телом Христовым, тотчас же и та частица причащается святыне; вложенная же в потир, соединяется и с Кровию, и этим сообщает благодать и той душе, за которую она принесена. Ибо бывает мысленное причащение, и если человек оказывается прилежащим благоговению, или хотя и из согрешивших, но покаявшийся, то невидимо, как мы сказали, он принимает душою причащение Духа. Во многих случаях, как мы убедились, он получает и телесную пользу. Поэтому и следует священнику внимательно наблюдать, чтобы не от всякого желающего принимать приношение, и не приносить о таких, которые грешат без всякого стыда, чтобы не быть осужденными вместе с ними». Доселе слова святого Симеона, лучше же сказать, слова всей Святой Соборной Церкви, ибо он говорит согласно с соборным мудрованием. Из этих слов вытекает, что об умерших без покаяния и в противлении Святой Церкви никак не следует совершать церковное поминовение. Дерзающий совершать о таковых поминовение воздаст за это страшный ответ, пред Христом Богом в день страшного суда Его.

Следующий ваш вопрос: можно ли умершего в церковном расколе церковно по христианскому чину погребать и помянуть или это совершенно недопустимо по его неверию?

Отвечаю: в предыдущих ваших вопросах вы называете противящихся святой Церкви и не слушающих ее повелений не раскольниками, а некими христианами; в настоящем же своем вопросе уже неприкровенно спрашиваете об умершем в расколе, как будто бы сей последний был несравненно хуже вышеупомянутых. Мы же и вышеупомянутых ни в чем не отделяем от раскольников. Если же этот умерший в расколе хуже вышеупомянутых, то не из тех ли он, которые именуются хлыстами или самосожигателями и которых мы уже называем не раскольниками, а совсем безбожниками. Но какого бы раскольничьего толка ни был тот умерший, о котором вы спрашиваете, для решения этого вопроса я приведу вам ответ святейшего Макария, патриарха Антиохийского, святейшему Никону, патриарху всея России (из книги «Скрижаль» при конце): «Мы приняли предание с начала веры от святых апостол и святых отцов, и святых семи вселенских соборов творить знамение честного креста тремя первыми перстами правой руки и кто из православных христиан не творит креста таким образом, тот является еретиком и мы имеем его отлученным от Отца и Сына и Святого Духа и преданным анафеме». Замечайте из этого ответа святейшего патриарха, что если кто и из православных христиан не творит на себе знамения честного креста по преданию святых апостол, то уже за это одно он становится еретиком и предается анафеме. Умерший же в расколе, о котором вы спрашиваете, не такой ли точно, как и не крестящийся тремя перстами? Если же тот умерший в расколе есть такой же, как и этот, то рассудите сами, можно ли такового погребать и помянуть по христианскому чину?

Далее вы спрашиваете: некоторые священники, потворствуя человеческому самоволию, исповедуют и венчают по старому требнику и угождают расколу вопреки церковному преданию; не будет ли от этого какого-нибудь законопреступления или препятствия в действии и совершении церковных таинств? Ибо и церковные как духовные, так и мирские, многие этим по самопреткновению и самомнению обольщаются, а нам от этого бывает великая скорбь, соблазн и сомнение.

Отвечаю: такие священники, как расколугодники, более тех человекоугодников, «которых кости Бог рассыпал», смертно согрешают перед Богом: ибо потворствуя человеческому самоволию и угождая расколу вопреки церковным преданиям, они дерзают совершать по старому требнику церковные таинства. Таковые, если от всего сердца перед Богом не покаются и не воздержатся от этих своих действий, будут постыжены в день суда страшного Божия. Если вышеупомянутые священники суть истинные христиане и получили рукоположение от православного архиерея, то хотя они, потворствуя человеческому самоволию, и совершают таинство по старому требнику, однако святые таинства остаются совершенными таинствами, и в этом не нужно иметь сомнений; священники же, как соблазнитель многих душ христианских, повинны будут суду Божию. Ибо по слову Господню: «Аще кто соблазнит единого из малых сих, верующего в Него, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выю его и потонет в пучине

морской» (Мф. 18, 6). Следовало бы этим священникам, поставленным святою Церковью пастырями и бдителями словесного стада Христова, во всем повиноваться Церкви, как истинной своей матери, употреблять при совершении таинств исправленный требник, а не совершать их к великой скорби и соблазну христианского народа, вопреки церковному постановлению, по старым требникам, отставленным Церковью. Еще следовало бы им от всей души своей бегать и удаляться от всякого общения с раскольниками и других со слезами склонять к тому же. За такое учение и наставление христианского народа они удостоились бы получить награду от Христа Бога в день праведного Его воздаяния.

Далее вы спрашиваете: некоторые иереи отделились от Церкви и от своих епископов и живут у раскольников; могут ли от таковых попов совершаться какие-либо таинства, т. е. крещение, исповедь, венчание и прочие церковные святыни или же ни в каком случае не последует благодать? Благоволите известить и об этом, ради самой католической истины.

Отвечаю: священники, отделившиеся от Церкви и от своих епископов и живущие у раскольников, становятся едино с раскольниками и вместе с ними они хулят православную веру и всю Церковь Божию и пресвятые тайны Христовы и все таинства церковные и весь архиерейский и священнический чин. Такие священники за все указанные хуления уже недостойны называться священниками, но являются лжесвященниками, правильнее же сказать — несвященниками. Они отлучены от святой Церкви, чужды ей, извержены своими архиереями от священства, а потому как они могут совершать святыне церковные таинства, или как церковные таинства могут совершаться таковыми? Это совершенно невозможно, ибо Дух Святой не совершает таинств церковных через явных богопротивников, связанных не только от своих архиереев, но и от всей Церкви. Какую же силу имеет архиерейское связывание, можно понять из следующего: рака некоего святого мученика стояла во святом жертвеннике, и всякий раз, как диакон возглашал: «Елицы оглашени, изыдите», она невидимою силою Божиею исходила из Церкви и оставалась в притворе церковном до самого отпуста, после чего снова возвращалась в церковь и стояла на обычном месте. Причиной же этому было то, что этот святой мученик был связан от своего старца за какое-то преслушание. Когда же старец, придя, дал ему разрешение, рака мученика тотчас же перестала выходить из церкви и стояла непоколебимо на своем месте в жертвеннике. О, как сильно божественное послушание, когда и самая кровь мученика, ученика старца, за Христа изливаемая, не могла разрешить связывания старца, пока сам связавший старец не разрешил его! Итак, если связывание старца, который не был архиереем, но простым монахом, было так сильно, то насколько же сильнее связывание архиерейское! Ибо одним только апостолам и их преемникам, архиереям, дана была и дается превышесущественная благодать вязать и решить от Христа Спасителя, сказавшего своим ученикам: «Елика аще свяжете на земли, будут связаны на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешены на небесех». Итак, будучи связаны от своих архиереев, упомянутые священники связаны вечно и на земле, и на небе; и изверженные от своих архиереев, они стали чуждыми и посторонними благодати священства и всего священнического священнодействия и не могут совершать ни одного таинства. Православные священники, за великие согрешения справедливо соборно изверженные от священства, поставляются на месте мирян и с ними вместе бывают участниками церковных молитв и причащаются божественных Тайн. А если бы они дезнули служить божественную литургию или совершать другие таинства церковные, то, как согнившие члены, совсем отсекаются от Церкви по двадцать восьмому правилу святых апостол.

В книге же правил, напечатанной на молдавском языке, я нашел один вопрос и ответ, подходящий к моему ответу на этот ваш вопрос ко мне. Вопрос святого Мефодия, патриарха Константинопольского: «Если священник будет рукоположен от изверженного архиерея, может ли он служить священнические службы или нет?». Ответ преподобного Феодора Студита: «Не может древо дивие плода добра творити», так и архиерей, лишенный благодати, не может поставлять во священники, ибо он не имеет архиерейства. Не имея архиерейства, он не может дать священства. Если же кого-нибудь и рукоположит, то тот остается нерукоположенным и не может служить ни литургии, ни других священнодействий, ибо он есть простой мирянин. Человек, имеющий какую-нибудь вещь, может дать ее другому; если же он не имеет вещи, то как он даст?»

Из выше приведенного ответа преподобного Феодора Студита ясно, что справедливо по священным правилам изверженные священники, если посмеют после этого совершать священнические службы, совершенно отсекаются от Церкви.

Дальнейший ваш вопрос заключается в следующем: можно

ли погребать по христианскому чину и поминать церковно человека — христианина, внезапно умершего в винопитии? Ибо у вас, как говорите, многие священники, причисляя таковых к самоубийцам, не погребают христианским погребением и поминовение по таковым не совершают. Вы просите меня и на это ответить вам ради любви и пользы христианской и разрешить по правилам это недоумение. Отвечаю: я имел великое желание разрешить это ваше недоумение по священным правилам, но по своему неискусству никак не мог найти об этом в священных правилах, а потому и недоумеваю, как вам отвечать на это. В двух поминальных субботах, мясопустной и перед неделей пятидесятницы, когда поминаются все усопшие православные христиане, упоминаются многообразные образы внезапных смертей, умерших которыми христиан поминает соборная Церковь и молит Бога о спасении душ их. Этот же образ смерти, т. е. внезапно умерших от многопития, не упоминается, и из этого можно заключить, что святая Церковь о таковых не молится. Об этих, думаю, Святой Дух через апостола Павла говорит: «Или не весте, яко неправедницы Царствия Божия не наследят? Ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни лихоимцы, ни татие, ни пианицы Царствия Божия не наследят». Внезапно умерший в винопитии, без исповедания грехов своих и без причащения святых Христовых Тайн, не является ли виновным в причинении себе самому внезапной смерти? Если бы он с воздержанием пил немного вина, то не умер бы такою страшною и ужасною внезапною смертью. Думается, что такой человек не далеко стоит от самоубийцы, почему ваши священники и не осмеливаются погребать их по христианскому обычаю и совершать над ними поминовение. Поэтому я прошу вашу любовь этим не смущаться: ибо эта вещь находится под великим сомнением и недоумением. Если бы кто-нибудь смог найти об этой вещи в священных правилах церковное определение, то никто бы уже не имел о ней никакого сомнения, но с полною уверенностью последовал бы церковному постановлению.

Дальнейший ваш вопрос следующий: может ли священник смиренно кающегося разрешить за немощь его без наложения епитимий и допустить до причащения Святых Тайн, или это невозможно?

Отвечаю: вопрос ваш представляется мне неудобовразумительным: человек тот в великих ли грехах кается или в малых, и душевную ли имеет немощь или телесную? Пусть будет, что он имеет телесную немощь. Если его телесная немощь такова, что он уже приближается к смерти и не имеет времени понести за грехи свои епитимию, тогда, хотя бы он и великие грехи имел, но смиренно кается в них, священник должен и без епитимий разрешить его от грехов и причастить Святых Тайн. Если же он не находится в такой крайней немощи и может понести епитимию, то без епитимий священник не должен разрешать его, ибо епитимия есть третья часть таинства покаяния. И не следует без смертной нужды оставлять ее. Что же такое есть епитимия и как она бывает назначаемая за грехи, об этом следует объяснить более подробно. Правила святых апостол, которые святой Иоанн Дамаскин поставляет наравне с книгами Божественного Писания, всех освященных извергают за грехи из священнических степеней, мирян же отлучают от общения в церковных молитвах и от причащения божественных Тайн. На основании этих апостольских правил Святая Соборная и Апостольская Церковь все множество православных христиан и освященных и неосвященных, если бы случилось кому-нибудь из них впасть в некоторые грехи, руководимая Духом Святым, следующим образом исправляет от согрешений: освященных, т. е. архиереев, священников и диаконов, впадших в малые или великие грехи, она или на время за малые грехи отстраняет от священнодействия, или за великие грехи до самой смерти запрещает в священнодействии, но от причащения божественных Тайн не отлучает. Монахов же и мирских христиан за малые грехи на малое время, за великие же грехи на многое время отлучает от причащения божественных Тайн; иного же правила или иной какой-либо епитимий за грехи святая Церковь отнюдь не назначает неосвященным. Причина тому следующая: древние христиане от апостольских дней долгое время во всей Церкви Христовой от неизреченной любви ко Христу Спасителю очень часто причащались. Когда же случалось им впадать в малые или великие грехи, тогда на малое или большое время они бывали отлучаемы от божественного Причащения и от стояния в Церкви с верными и были поставляемы на определенных Церковью местах покаяния: сначала стояли они перед дверями церковными и, со слезами припадая, просили всех входящих в церковь молиться о них Бог, чтобы Бог простил их согрешения; со временем им позволяли стоять в великом притворе при дверях церковных, и они слушали пение и чтение церковное, но в самую церковь не входили; после этого им разрешалось стоять и в самой церкви позади амвона на всех церковных службах и только во время божественной литургии после Евангелия, когда диакон возглашал: «Оглашенные, изыдите», они уходили в притвор церковный и

оставались там до окончания литургии. Затем они устаивались и стояния с верными, но не причащались святых Тайн. Наконец, получив разрешение от епитимий, они допускались снова, как и до согрешения, причащаться с верою и любовию божественных Тайн. Как же они вели себя во время епитимий? Они всегда вздыхали из глубины сердца, плакали и рыдали, удалялись от всякого зла, понуждали себя на всякое доброе дело, на всякое прилежное исполнение евангельских заповедей. Когда другие христиане причащались, они сами о себе помышляли от всей души, что за свои согрешения они не достойны причащения, и распляемы божественным огнем нестерпимого и неизреченного желания причащения святых Тайн, со многими слезами молили Христа Бога, да поможет им, проведя чисто и непорочно время покаяния, причаститься пресвятого и пречистого Тела Его и бессмертного источника пречистой Его Крови. Предвидя такое искреннее покаяние в христианах, отлученных за грехи от причащения, Дух Святой не узаконил в Церкви Своей никакого другого наказания и епитимий за грехи.

Следует же знать, что Церковью дана власть архиереям, видя достойные плоды покаяния кающихся, сокращать срок епитимий, определенный священными правилами. Сообщаю и о том, что я во всех священных правилах усердно разыскивал, не существуют ли какие-нибудь епитимий без отлучения от причащения святых Тайн, и не мог найти. Но страшно и подумать, как ужасно и грозно прещение, налагаемое на тех, кто дерзает причащать согрешающих без отлучения от святых Тайн, и кто причащается без таковой епитимий: их обоих Церковь уподобляет Иуде-предателю.

Дальнейший ваш вопрос состоит в следующем: когда на проскомидии вынимаются частицы за живых и умерших, то одинаковую ли имеют силу и пользу, как то, когда за каждого поминаемого вынимается отдельная частица, так и то, когда за многих вынимается одна общая часть? Просим и в этом вразумить нас, худых.

Отвечаю: частицы, вынимаемые на проскомидии за живых и усопших, соединяясь с пречистыми Тайнами Христовыми, тотчас же причащаются святыни и благодати Святого Духа, и преподают одинаковую пользу и благодать тем, за кого приносятся, будет ли за каждого вынута отдельная частица, или одна общая частица вынута за многих. И это ясно видно из самого чина проскомидии: ибо, приняв четвертую просфору, священник вынимает из нее одну только частицу за весь освященный чин, за всех живых православных христиан во всей Церкви Христоовой находящихся. Также и из пятой просфоры за всех усопших православных христиан одну частицу вынимает. Соборная же Церковь верует и исповедует, что хотя и одна частица за всех живых православных христиан и за всех усопших приносится, одну и ту же пользу приносит им благодатию и святынею Святого Духа, как если бы за каждого православного христианина приносилась отдельная частица: ибо не изнемогает всемогущая благодать Святого Духа, будучи одною и тою же, принося одну и ту же пользу при бескровной жертве и единою частицею за каждого отдельно и единою частицею за многих.

Далее вы спрашиваете: можно ли по особому желанию и усердию на проскомидии попросить священника помянуть имена и вынуть части за тех святых, которых из любви к ним пожелается помянуть, особенно же за тех, имена которых не упомянуты в служебнике, можно ли от усердия подать за них на проскомидию, дабы эти святые особенно были помянуты с тем, чтобы они помолились о нас, грешных?

Отвечаю: хотя написанное в вашем вопросе не кажется вам неправильным, но так как все чины святых, хотя и не все по имени, однако все до единого воспоминаются девятью частицами, в честь их приносимыми, то если бы священник по желанию и усердию некоторых христолюбцев упрощен был бы в честь некоторых святых, в чине служебника не упоминаемых, принести некоторые частицы помимо тех 9 частиц, то полагая эти новые частицы в рядах прежних, он составил бы четвертый ряд частиц, вынимаемых за святых; если же он захочет вынимать частицы за большее число святых, то составит и пятый ряд частиц, вынимаемых в честь святых: ибо части, вынимаемые за святых, должны быть полагаемы при частицах святых, а не на каком-либо другом месте, отдельно от девяти частей, и если бы священник осмелился это сделать, то разорил бы чин святой литургии, от начала веры во всей православной Церкви нерушимо соблюдаемый, и возвел бы в чин литургии свой новый чин, доселе неслыханный. От новшеств же таких возникают обыкновенно различные ереси и расколы, от каковых да сохранит Христос всех правильно в Него верующих. Имеющие же веру и любовь ко святым должны довольствоваться 9 частицами и не должны искать, чтобы в честь некоторых святых вынимались особые частицы. И пусть призывают молитвы тех святых, чтобы их молитвами обрести у Бога милость и прощение грехов своих.

Далее вы спрашиваете, может ли один иерей совершать таинство елеосвящения или не может, потому что у вас существует такой обычай, что один иерей с диаконом и причетником совершают это таинство?

Отвечаю: в книге православного исповедания говорится, что это таинство должно быть совершаемо иереями, и это вполне согласно со Священным Писанием, которое говорит: «Болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковные, и да молитву сотворят над ним, помазавши его елеем во имя Господне»; но оно не может быть совершаемо одним иереем, что не согласно со Священным Писанием и противно церковному преданию. Святой же Симеон, архиепископ Фессалоникский, в книге своей говорит: «Возможно ли одному иерею совершать елеосвящение? Не подобает одному иерею совершать это таинство, ибо сказано: «Да призовут пресвитеры церковные», а не одного пресвитера, и порядок этот необходимо сохранять. Как епископа не рукополагает один епископ, так и елеосвящение не совершает один пресвитер (глава 283). Почему семь пресвитеров в елеосвящении и почему очень часто и три за недостатком иереев? Брат Господень не указывает числа пресвитеров, но обычай установил призывать семь. Основанием этого я считаю седмочисленные дары Духа и Исаии, или семь ветхозаветных священников, по повелению Божию семь раз вострубивших вокруг Иерихона и тем низложивших его стены; дабы и эти, т. е. новозаветные священники, низложили лукавый город и жестокие стены греховных возношений; может быть, в подражание пророку Елисею, семь раз помолившемуся над отроком и воздвигшему его от одра смерти, новозаветные священники своею седмиричною молитвою должны воздвигнуть умершую душу; или как пророк Илия, семь раз помолившись, отверз небо, закрытое грехами, и низвел дождь, так и эти, семь раз помолившись, разрешат сушу греха и низведут дождь милости от Бога и отпущение грехов. Таков, мне кажется, смысл седмиричного числа иереев. Некоторые же, где имеется недостаток пресвитеров, призывают только трех и это не следует осуждать, ибо этим указывается прежде всего на догмат Пресвятые Троицы, а затем на свидетельство о Троице пророка Илии, когда он умершего сына сарептской вдовы воскресил, трижды помолившись и трижды простершись над ним. Но не следует много доискиваться о числе, а необходимо держаться древнего предания. Один иже пресвитер да не совершает елеосвящения». Из этих слов святого Симеона видно, что не подобает одному иерею совершать таинство елеосвящения; по необходимости же, по меньшей мере три иерея должны совершать его. В одной славянской книге я нашел, что по нужде это таинство могут совершать и два иерея, в греческих же книгах я не находил этого. Сказанного достаточно.

На последний ваш вопрос, в котором вы спрашиваете меня о том, как возможно спастись вам, живущим в мире с женами и детьми, отвечаю: кто может обнять кратким словом все относящееся к делу спасения? Я могу только дать вам мой совет, чтобы вы с величайшим усердием читали Божественное Писание и учение святых отцов наших, которым дано разуметь тайны Царствия Небесного, т. е. истинный смысл Священного Писания; в их духопросвещенном учении в совершенстве находятся все наставления, необходимые для душевного спасения, побуждающие каждого желающего спастись принуждать себя на всякое доброе дело и убегать от всякого дела, противного Богу. Усердно и прилежно, с верою и любовию, со страхом Божиим и всяким вниманием читая их учения, вы будете иметь постоянное вразумление на всякое доброе дело, необходимое для спасения. Я же, при всем своем недостойнстве, принимая во внимание, что вы от меня ищите наставления, могу ответить вам следующее: премилосердный Бог совершает спасение душ православных христиан православною верою, добрыми делами и своею благодатию. Вера православная есть та, которую содержит Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, и без этой веры никак невозможно спастись кому бы то ни было. Дела добрые суть евангельские заповеди, без которых, как и без веры православной, также невозможно никому спастись: вера православная без добрых дел мертва есть, и дела добрые без веры православной мертвы суть. Хотящему спастись необходимо соединять и то, и другое, и таким образом благодатию Христа Бога, сказавшего: «Без Меня не можете творить ничего», достигать спасения. Следует же знать, что Христос Спаситель одинаково узаконил добрые дела для всех православных христиан, как монахов, так и мирских людей, среди мира живущих с женами и детьми, и ищет и требует от всех самого усердного исполнения Своих заповедей, так что нарушающие их и о том не кающиеся не будут иметь извинения и не могут дать ответа в страшное и второе Его пришествие. И все православные христиане мужского и женского пола, всякого возраста и чина, здоровые и в различных недугах на одрах лежащие, слабые и престарелые, все могут при содействии благодати Божией без всякого затруднения исполнять Христовы заповеди одним добрым своим произволением и душевным смирением и таким образом спастись. Евангельские заповеди, по

крайней мере главнейшие из них и самые общие, настолько необходимы для спасения, что, если бы даже одна из них оказалась невыполненной, не может быть душе спасения. Таковы: любовь к Богу и ближнему, кротость и смирение, мир со всеми и терпение, прощение от сердца согрешений ближнему, неосуждение, непитание ненависти к ближнему, любовь к врагам своим, оказание милостыни ближнему как душевной, так и телесной, и другие, указанные в святом Евангелии заповеди Христовы. Все их необходимо стараться исполнять со всем усердием, особенно же любить Бога от всего сердца своего и от всей души своей и всею крепостью своею и всем помышлением своим и ближнего своего, как самого себя; следуя кротости Христовой, до крови противостоять страсти гнева, иметь мир со всеми, столь необходимый, что сам Христос многократно говорил своим ученикам: «Мир вам», «Мир оставляю вам», «Мир Мой даю вам». Где мир Христов, там и Христос пребывает; в душе же, не имеющей мира Христова, Христос не пребывает. Терпение же настолько необходимо для спасения, что Христос говорит: «В терпении вашем стяжите души ваши». Стяжание же душ есть нечто иное, как спасение душ. И терпение нужно иметь не на известное только время, но до самой смерти, ибо претерпевый до конца, той спасен будет. Кто от всего сердца отпускает ближнему своему его прегрешения, кто не осуждает ближнего своего, тот и сам не будет осужден от Бога. Но кто может вкратце исчислить все заповеди евангельские, которые всякий желающий спастись должен хранить и соблюдать, как зеницу она? Смирение, которое есть основание всех заповедей евангельских, настолько же необходимо для спасения, как дыхание для жизни человеческой. Все святые различными способами спасались, но без смирения никто не спасся и спастись не может. Поэтому всякий, желающий спастись, должен от всего сердца считать себя перед Богом последним из всех и во всяком своем согрешении считать виновным только себя одного, а не кого-либо другого. Исполняя, таким образом, при помощи Божией все заповеди евангельские и смиряясь перед Богом, он удостоивается милости Божией, прощения грехов своих и приятия благодати Божией. Милостью Божией он достигает спасения души своей со всякою достоверностью. Кроме того, православным христианам необходимо тщательно соблюдать и все заповеди церковные. Таинство покаяния заключается в том, чтобы истинно покаяться перед Богом, отступить от грехов своих, иметь крепкую решимость при помощи Божией более к ним не возвращаться, затем исповедать все свои согрешения перед духовником, как перед самим Богом, получить от него разрешение грехов, и принять от него и епитимию, назначенную им за согрешения по чину церковному. О приготовлении же к причащению божественных Тайн скажу следующее: необходимо приступать к причащению Святых Тайн Христовых с чистосердечным исповеданием, с постом и умилением, примирившись совершенно со всеми, выслушав, по обычаю христианскому, все правила церковные, не имея епитимий, не допускающей до причащения, со страхом и трепетом, с верою и любовию и с поклонениями, подобающими единому Богу, чтобы причащение было во оставление грехов и в жизнь вечную. О том же, как строить жизнь дома своего и жены и детей, обо всех обязанностях христианских вы можете найти самое совершенное наставление в писаниях св. Иоанна Златоустого и других святых.

Итак, мои ответы на вопросы ваши, которые по настойчивой вашей просьбе, правильнее же сказать, по принуждению вашему, я должен был против воли своей написать, при помощи Божией пришли к концу. Вы же, христолюбцы, написавшие ко мне свои вопросы, простите меня грешного, если я не смог по желанию вашему, вследствие моего неискusstва, дать вам надлежащие ответы на ваши вопросы по священным правилам: ибо я не мог отыскать правил, подходящих для всех ответов. Получив мои ответы, читайте их со вниманием и если найдете в них что-нибудь согласное со Священным Писанием и истинным церковным разумом, то последуйте тому. Если же я в своих ответах как человек погрешил в чем-нибудь, то вы моему погрешению не последуйте, но держитесь во всем здравого разума и рассуждения святой соборной Церкви, и таким образом никогда не погрешите. Бог же любви и мира да будет со всеми вами. Аминь.

Заканчивая этим изложение писем старца Паисия, бывших в нашем распоряжении, переходим к описанию последних дней его жизни и его кончины.

Глава 5

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СТАРЦА ПАИСИЯ, ЕГО ПРЕДСМЕРТНАЯ БОЛЕЗНЬ И КОНЧИНА И ЕГО БЛАГОДАТНЫЕ ДАРОВАНИЯ

Мы описали жизнь и деятельность старца Паисия во время его пребывания в Драгомирне и Нямеце как руководителя монашеского братства, и как труженика по исправлению текста отеческих книг, и как защитника истинного монашества и православия в его переписке с разными лицами. В этих разнообразных трудах и заботах незаметно проходили многие годы его жизни и, наконец, он приблизился к неизбежному для всех исходу из этого временного мира в мир вечный.

Последние годы старца в Нямеце были омрачены грозными бедствиями войны, разразившейся в местности, близкой к Нямцу. По словам жизнеописателя старца, снова воздвиглась лютая брань между тремя империями: Российской, Австрийской и Турецкой. Степи наполнились войсками, моря покрылись кораблями, города и селения Молдавии опустели: жители разбежались по горам и лесам, Нямецкая Лавра наполнилась беглецами, разместившимися и внутри, и кругом монастыря. Подошли австрийские войска и заняли молдавские подгорья. Беглецы почувствовали себя в безопасности от турок и стали возвращаться в свои жилища. Но не долго продолжалась эта безопасность. Турки собрались с силами и потеснили австрийцев, отступивших к своей границе. Местечко Нямец было занято турками, которые вошли в него без выстрела и без пролития крови, не считая трех человек, убитых за оказанное ими туркам сопротивление. В монастыре распространился слух, что турки, заняв местечко, находившееся в 15 километрах от монастыря, двигаются на монастырь. Неописуемый ужас охватил находившихся в монастыре и искавших там спасения. Бояре послали солдат разведать, что делают турки, но солдаты вернулись, от страха не узнав ничего достоверного. Не имея точных сведений о действиях турок, обитатели монастыря не знали, что предпринять. Одни советовали не затворять монастырских ворот, выйти навстречу туркам и молить их о пощаде. Другие уговаривали запереться в монастыре и оказать туркам вооруженное сопротивление. Наконец, один монах вызвался с благословения старца поехать в местечко и разузнать, что там делается. Он благополучно добрался до Нямца, свободно ходил по всему местечку и от одного из крестьян узнал, что турки оставили Нямец. Когда монах привез это известие в монастырь, все успокоились. Впрочем, радость была непродолжительна, на следующий день узнали, что турки снова вернулись в местечко. Тогда бояре и старец переехали в Секул, а прочее население монастыря разбежалось по лесам. Это было на второй седмице Великого Поста. Наконец, снова пришли австрийцы и заставили турок отступить. Между тем и русские войска вступили в Молдавию. В Яссы приехал главнокомандующий русской армией князь Потемкин, а вместе с ним архиепископ Словенский и Полтавский Амвросий. Архиепископ Амвросий пожелал увидеть знаменитого старца Паисия и прибыл в Нямецкий монастырь, где с большою честью был встречен старцем и всем монастырским братством. Это было в 1790 году. Прожив два дня в монастыре, архиепископ Амвросий в наступивший воскресный день совершил литургию, во время которой возвел старца в сан архимандрита. Таким образом, полтавский уроженец Паисий Величковский получил сан архимандрита от Полтавского же архиепископа Амвросия. Прожив еще несколько дней в Нямеце и преподав всем благословение, архиепископ Амвросий отбыл из монастыря, провожаемый всем братством с великою благодарностью и славой. Архиепископ Амвросий известен своею святою жизнью, и его мощи нетленно почивают в Полтавском Крестовоздвиженском монастыре.

После описанных нами событий прошло четыре года в обычных для старца и братии трудах и заботах. Наступил 1794 год. Старец по-прежнему работал неутомимо, писал письма, трудился над переводом святоотеческих книг, руководил жизнью братства, но силы его заметно слабели. По свидетельству жизнеописателей, старец Паисий в последние годы своей жизни принимал братию и посетителей только с утра и до полудня. Остальное время проводил один у себя в келий в занятиях. Приходить к нему в это время могли только одни духовники. Однажды в год старец объезжал и обходил жилища своих учеников, благословлял их и молил Бога сохранить их невредимыми от всякого зла. Незадолго до своей предсмертной болезни он перестал лично заниматься переводами, просмотр же и исправление переводов не оставлял до последних дней своей жизни. После пятого ноября он почувствовал особенную слабость и должен был лечь в постель. В таком положении он провел четыре дня. В воскресенье ему стало лучше и он захотел выслушать литургию. Прийдя в церковь, он сидел на своем обычном месте. Во время Причастия вошел в алтарь и причастился Святых Тайн. После службы он почувствовал такую слабость, что едва был в состоянии вернуться в свою келию, поддерживаемый братьями. Прошло еще три дня. Слабость старца увеличивалась. Прислуживавшие ему братья Онорий и Мартирий не допускали к нему никого, за исключением самых близких людей, так как старец желал умереть в совершенной тишине. На четвертый день, чувствуя приближение смерти, старец еще раз причастился Святых Тайн. Затем призвал к себе двух старших духовников, Софрония для славянской братии и

Сильвестра для молдавской, и преподал через них мир и благословение всему братству. Преемником себе старец никого не назначил, предоставляя это воле Божией, избранию Богоматери и желанию самого братства. После этого он тихо скончался, как бы уснул 15 ноября 1794 года, на 72 году своей жизни. Тотчас же после кончины старца послано было об этом извещение митрополиту Иакову. Митрополит поручил совершить погребение старца епископу Тумскому Вениамину, впоследствии Молдавскому митрополиту. Когда распространился слух о кончине старца, в Нямец собралось множество народа, и мирских, и монахов, и священников, и бояр, и простых людей обоого пола. Три дня ожидали епископа Вениамина и, не дождавшись, на четвертый день совершили всем собором отпевание и погребение старца в Великой церкви Вознесения Господня на правой стороне от входа. На другой день после погребения старца приехал епископ Вениамин и наутро совершил литургию и панихиду по усопшем. А немного дней спустя, по избранию всего братства и по благословению митрополита, согласно устава Паисиева братства, он назначил старцем и начальником монастыря старшего духовника братства отца Софрония. На могиле старца Паисия впоследствии была положена плита, на которой по-румынски и по-славянски была сделана следующая надпись: «Зде почивает блаженный отец наш иеросхимонах и архимандрит старец Паисий, малороссиянин, иже от Афонской горы с 60 учениками в Молдавию пришед и тут множество братии собрав и общежитие собою обновив, ко Господу отыде 1794 года ноября 15, во дни благочестивого господаря Михаила Суджу воеводы и преосвященного митрополита Иакова». Одним из учеников старца было составлено «Надгробное рыдание» почившему от всех чад его духовных. (См. Приложение 3 в конце книги.)

Братия Нямецкого монастыря с первых же дней по кончине своего старца имели несомненную уверенность в силе его молитв за всех тех, кто с верою и любовью обращается к его небесному заступничеству, и выражением этой их уверенности явилось то, что уже вскоре после его кончины была составлена особая служба (стихиры и канон) «блаженному отцу нашему старцу иеросхимонаху и архимандриту Паисию», в которой почивший прославляется, как великий угодник Божий, по молитвам которого подается верующим душевное спасение и телесное здравие. Для ознакомления с этою службою приводим из нее некоторые выдержки:

Из стихир на «Господи воззвах»: На высоту добродетелей восшед, монашески водвизался еси, отче наш Паисие, уча, наказуя и вразумляя не пренебрегати богоугодного пути: Сам ревнуя, ревновал еси древних святых житию, образ благ всем был еси: многие беды претерпел еси, дондеже терпением многим подвигом же и любовью, всех о нем уверил: написав нам и свидетельства от Священного Писания.

Искусный врач был еси, зело бо легким врачеванием врачевал еси приходящие к тебе: не укоряя оных припадком болезни, но яко искусный терпением своим в сердца их чувства полагал еси не приближаться к оному вреду: влиявши же врачевство твое в самую глубину ран, совершенно исцелял еси, радостных же и мирных отпускал еси их, да необязненно приходят ко врачеванию твоему, отче наш Паисие.

Из Канона: Неисходно в келий сидя, умом же всех обходя, рассуждал еси различные душевные и телесные раны многоразличных естеств, и всем целительный и приятный пластырь прилагал еси, отче.

Аще и болен был еси, и многие раны на теле имел еси, но множайшие много душевные раны исцелял еси приходящих к тебе благим твоим обычаем и кроткими словесы, отче Паисие.

Седален: Единою в лето из келий твоя исхождал еси, отче Паисие, и обзирал еси селения ученик твоих, ездя, обзирая и назнаменуя коегождо их келий, солнцу заходящу, и со слезами молился еси вручая их Богу и глаголя: Господи, огради сие малое стадо и сохрани е от волков, губящих е.

Мене, преступившего твоя веления, мене, пренебрегавшего святую твою волю, завистливого и лукавейшего паче всех человек, мене, исполняющего свою волю, паче же диаволу, прости, незлобиве отче, благим и кротким твоим обычаем, и молился Богу даровати ми время к покаянию.

Аз един во свете твоём ходих, и света твоего не чувстовах; аз един пищу твою сладкую ядох, и кормителя своего не познаваю; аз един питье твое сладкое пих, и сладкого источника, текущего из уст твоих, не ощущаю; аз едина овца, заблуждающая от твоего стада, Пастырю добрый; не озлобися на мене, умоли Бога даровати ми время к покаянию.

Еще при жизни своей старец Паисий отличался необыкновенным даром пламенной, слезной молитвы, во время которой всегда светлое и благолепное лицо старца еще более просветлялось и одушевлялось внутренним огнем молитвенного чувства. Вот что рассказывает его келейник в составленном им жизнеописании старца: «Однажды, это было еще в Драгомирне, пришел я к нему

перед вечерней и хотел постучать в дверь, чтобы узнать, можно ли войти к нему, но так как дверь оказалась открытой, то я, сотворив молитву, вошел прямо в келию. Видя старца лежащим, я поклонился и сказал: «Благослови, отче». Старец не отвечал. Я взглянул на него и увидел, что лицо у него было как бы огненное, тогда как обычно оно у него бывало белое и бледное. Меня охватил ужас. Постояв немного, я более громким голосом повторил молитву. Старец и на этот раз не ответил. Я понял, что старец был погружен в молитву, от которой и разгорелось его лицо. Постояв еще немного, я вышел, никому не рассказав о виденном». Спустя много времени тот же самый ученик видел еще два раза лицо старца просветленным во время беседы с братией. Кроме дара молитвы старец в некоторых случаях обнаруживал предвидение будущих событий. Так, он предвидел ужасную смерть воеводы Григория Гики. Незадолго до кончины воеводы старец несколько раз видел во сне висящий на волоске над головою воеводы меч. Вскоре после того по приказанию турецкого султана воеводе, действительно, была отрублена голова, о чем старец много плакал. В другой раз старец очень печалился об одном брате из своего общежития и часто напоминал ему об исправлении жизни, но брат не слушал его. Спустя три дня этот брат утонул. Другого брата старец сильно упрасивал не уходить из обители и, наконец, сказал ему со слезами: «Брат, послушай меня, ибо ты не увидишь того места, куда хочешь идти!» Брат не послушал и на четвертый день умер на пути, о чем старец также много плакал. Бывали по молитвам старца и случаи чудесных исцелений, которые старец по своему глубокому смирению всецело приписывал заступничеству Богоматери.

Кроме этих благодатных даров, старцу были свойственны и многие другие дарования, благодаря которым он успешно выполнял назначенное ему Богом служение на земле. Таковы были: *дар премудрости и разума* и вместе с тем дар глубокого *самопознания*, о котором любимейший старцем наставник безмолвия преподобный Исаак Сирии говорит: «Сподобившийся увидеть себя самого, блаженнее увидевшего ангела»; *дар глубокого знания языков* греческого и славянского; *дар уразумения высокого смысла* святоотеческих подвижнических писаний; *дар учительства и строительства монашеского общежития*; *дар совета*, которым он правильно и точно, согласно с учением и наставлением святых отцов, предлагал всем требующим полезные наставления, благодаря которым они преуспевали в смирении, терпении и любви; *дар крепости духовной*, которым он во всех скорбях и искушениях оставался спокойным и непоколебимо верующим в промысл Божий; *дар страха Божия*, благодаря которому он свято хранил все заповеди Божий и готов был за каждую из них положить душу свою; *дар любви к Богу*, с ранней молодости в нем воспламенившийся, никогда его не оставлявший и все более в нем разгоравшийся, так что он и других согревал своею любовию и горячностью, о всех болел сердцем и всякому сострадал, не отталкивая от себя никого требующего помощи и утешения; *дар миролюбия*, благодаря которому он умел со всеми хранить мир, ни на кого не обижаться и никого не презирать; *дар долготерпения и кротости*, благодаря которому он никогда не являлся гневающимся или расстроенным, но всегда оставался ясным, кротким и терпеливым; *дар незлобия и младенческой простоты при глубоком разуме*; *дар утешения*, которым он самого печального и унылого мог умиротворить и успокоить своими словами; *дар глубокого смиренномудрия и самоукорения*, благодаря которому он за все случавшиеся в братстве неприятности принимал вину на себя самого; и, наконец, как основание всех этих дарований и как результат его неослабного исполнения заповедей Божиих, постоянного хранения чистоты сердца и непрестанной внутренней молитвы, *стяжание им благодати Духа Святого*, от какового дара из уст его исходил постоянный источник божественного учения, улаждавший души и иссушавший все лукавые страсти. Благодаря всем этим дарованиям старей Паисий и мог совершить свое великое дело, а именно: «Обновить обветшавший монашеский чин, восстановить падшее общее житие, насадить в нем триблаженное послушание, просветить учением своим во тьме неведения сидящих, вразумить исправлением и новым переводом с греческого языка на свой отеческих и богословских книг».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

УЧЕНИКИ СТАРЦА ПАИСИЯ НА АФОНЕ, В МОЛДАВИИ И В РОССИИ

РОСТ ПРАВОСЛАВНОГО СТАРЧЕСТВА В XVIII И XIX ВЕКАХ

«Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взявши, положила в три меры муки, доколе не вскисло все»
(Мф. 13,33).

Если бы все дело старца Паисия Величковского заключалось в примере личной святости, в устройении монашеского общежительного братства на древних святоотеческих основаниях и в исправлении святоотеческих книг, то и в таком случае это дело было бы немаловажно для православной Церкви и православного монашества и общества. Но старец Паисий сделал больше: он создал школу духовной жизни, он пробудил в православном монашестве широкое духовное движение, он зажег сердца многих любовью к духовной жизни, возбудил стремление к внутреннему монашескому подвигу, к духовному деланию. Под влиянием старца Паисия Величковского в православном иночестве воспиталось много замечательных подвижников, всецело усвоивших заветы старца. Постоянною молитвою, неослабным вниманием к себе, самоиспытанием, внутреннею борьбою с помыслами, откровением помыслов, послушанием и смирением, внимательным изучением святоотеческих книг и соблюдением евангельских заповедей они достигали высокой степени духовной жизни и приобретали большое влияние не только на свою братию, монашествующих, но и на мирян, иногда даже высокообразованных не только в светском, но и в богословском смысле. Начавшись во второй половине XVIII века, это духовное движение продолжало развиваться на протяжении всего XIX века вплоть до самой революции. Было бы очень интересно проследить это движение во всех его подробностях: изучить пути и способы его распространения, познакомиться с его выдающимися представителями, с его влиянием на общество и на народ. К сожалению, неблагоприятные условия настоящего времени не дают возможности надлежащим образом выполнить эту задачу. И нам приходится ограничиться лишь бледным и поверхностным описанием этого замечательного движения, свести это описание почти только к одному перечислению имен.

Мы начнем с указания следов Паисиева влияния на *Афоне*. Еще в то время, когда старец проживал на Афоне, он имел помимо своего братского общежития в Ильинском скиту немало духовных чад, собеседников и друзей, искавших его духовного руководства. К числу их принадлежал греческий патриарх Серафим, проживавший на покое в Пантократорском монастыре. Патриарх очень любил старца Паисия, посещал его в его обители, часто приглашал его к себе, подолгу беседовал с ним о духовной жизни и с большим сожалением отпустил его в Молдавию. Нам известно также, что из многих Афонских монастырей, скитов и келий приходили к старцу Паисию многие иноки ради исповеди и беседы, иногда даже в таком множестве, что своим братьям не оставалось возможности говорить со своим старцем, и среди них возникал ропот. С отъездом старца Паисия в Молдовлахию следы его влияния на Афоне не заглохли. Его предания и уставы и ныне хранятся в основанном им Ильинском скиту и в других обителях. С особенною силою предания старца Паисия возродились на Афоне в XIX веке, когда там появился старец Арсений, ученик одного из молдавских учеников старца Паисия, имевший большое влияние на все Афонские монастыри и скончавшийся в 1846 году. Единомышленниками и продолжателями Арсения были схимонахи Николай, Андрей и Никодим, а затем имевший особенно большое влияние на Афоне и за пределами его — духовник русского Пантелеимоновского монастыря иеросхимонах Иероним, скончавшийся в 1885 году, и архимандрит того же монастыря Макарий, скончавшийся в 1888 году. Трудami и заботами этих старцев возник на Кавказе Новоафонский монастырь, также усвоивший себе предания старца Паисия и сохранявший их в лице своего настоятеля, игумена Иерона, и других иноков старцев, до самого последнего времени.

Заметное влияние оказал старец Паисий и на *молдовлахийское монашество*. Его ближайшими помощниками и на Афоне, и в Молдовлахии были молдаване. Таков, напр., отец Виссарион, первый ученик старца и первый член его братства и помощник по устройству общежития. Он скончался около 1766 года. Из учеников старца Паисия в Молдавии мы можем еще назвать отца Макария и отца Илариона, помогавших ему в исправлении и переводе книг. Иларион впоследствии был духовником и игуменом Секульского монастыря, а иеромонах Макарий, живший со старцем еще на Афоне, по-видимому, перешел потом в Россию, где и был настоятелем Молчанской пустыни. Из других учеников старца в Молдавии назовем сначала тех, которые после кончины старца были его преемниками по духовничеству и настоятельству в Нямецком монастыре. Первый из них архимандрит Софроний, старший духовник славянского племени в Нямце, настоятельствовал там же непосредственно после старца Паисия более десяти лет.

Известно, что по поручению старца он ездил в Киев за духовными книгами для своей обители. Впоследствии он переписывался с учениками старца Паисия в России — отцом Афанасием в Брянске и Марией Петровной Протасьевой.

После отца Софрония настоятелями в Нямце были: Дорофей, которого старец посылал учиться в богословской школе в Бухаресте; Досифей, бывший при старце Паисии духовником и начальником больницы в Секуле, просиживавший ночи над больными и всячески их успокаивавший и утешавший, и Иоанн; все трое славянского племени. После отца Иоанна настоятелем в Нямце был избран Сильвестр, первый настоятель из молдаван, бывший при жизни Паисия духовником молдавского племени в Нямце. Из других учеников старца Паисия в Молдавии мы знаем еще Онория, начальника больницы в Драгомирне и Нямце, пользовавшегося неограниченным доверием старца Паисия, ухаживавшего за старцем во время его предсмертной болезни, переводчика отеческих писаний, скончавшегося через год по смерти Паисия; Мартирия, вместе с Онорием ухаживавшего за старцем во время его предсмертной болезни; Иринарха, духовника, ездившего по поручению старца к князю Константину с письмом, в котором старец отказывался от перемещения в Нямце; Иакинфа, также одного из духовников в Нямце, увещевавшего хулителя умной молитвы Феопемпта и исполнявшего другие поручения старца; другого Иоанна, схимонаха Покровского скита при Нямецком монастыре, бывшего старцем монастыря Ворона в Молдавии и скончавшегося в глубокой старости в 1843 году; Платона, схимонаха того же Покровского скита, оставившего собственноручно им переписанный сборник сочинений старца Паисия, хранящийся в библиотеке Ново-Нямецкого монастыря и написавшего жизнеописание старца; Митрофана, схимонаха, бывшего более 30 лет келейником старца Паисия и прежде других составившего описание его жизни; архимандрита Феодосия, управлявшего Поляно-Мерульским скитом в Валахии, а потом вызванного князем Потемкиным со своими учениками в Россию для устройства Софрониевой пустыни (сохранилось письмо к нему старца Паисия, в котором он подробно рассказывает о своих занятиях по переводу и исправлению отеческих книг); Геронтия, который вместе с Дорофеем учился в Бухарестской богословской школе; Григория, впоследствии митрополита, написавшего житие старца; иеродиакона Стефана, переводчика житий святых, схимонаха Исаакия и др. Хранителями Паисиевых преданий были также Неонил, ученик старца Софрония, и Феофан, ученик Неонила, перенесшие предания старца Паисия в Ново-Нямцкий монастырь. К ним же нужно присоединить Германа, преемника Феофана. Кроме названных учеников и продолжателей старца Паисия, у него в Молдавии было еще много помощников по переписке, исправлению и переводу святоотеческих книг, имена которых уже были названы нами в другом месте. Упомянем также и об архипастырях, сочувствовавших старцу и поддерживавших его. Таковыми были митрополит Гавриил, предоставивший старцу Драгомирну, Иаков и Вениамин. По дальнейшему распространению Паисиева влияния в Молдавии у нас нет достаточно сведений. Известно только, что многие монастыри в Молдавии и Валахии имели своими настоятелями его учеников.

Гораздо больше сведений мы имеем об учениках старца Паисия в России. В Россию вышло особенно много его учеников, под воздействием которых в наших монастырях произошел большой подъем духовной жизни, возросли интересы и любовь к чтению и изучению книг, появились старцы и настоятели монастырей, хранившие заветы старца Паисия и вводившие в своих монастырях его общежительный устав и порядки монастырской жизни; появились архипастыри, глубоко сочувствовавшие направлению старца Паисия и оказывавшие ему свое покровительство и поддержку. Многие светские образованные люди также были увлечены этим духовным движением, а некоторые, оставив мир, приняли монашество и стали выдающимися деятелями в духе старца Паисия. В общем получилось глубокое и широкое духовное движение, неослабевавшее в русском монашестве до самой революции. Постараемся перечислить, насколько можем, главнейших участников этого движения. И сначала упомянем о тех лицах, которые еще при жизни старца обращались к нему из России за духовным руководством. Таковы: друг юности старца иерей Димитрий, по всей вероятности, священствовавший в Полтаве, иноки полтавского Крестовоздвиженского монастыря*, группа ревнителей благочестия из северной России, настоятельница Арзамасской общины М. П. Протасьева. Из переписки ее с преемником старца архимандритом Софронием видно, что последний посылал для ее обители иконы, портрет старца Паисия и рукописные экземпляры отеческих книг в переводе старца Паисия, как-то:

* В рукописи № 405 Славянского Отделения Akademia Romana есть указание на связь, существовавшую между Крестовоздвиженским монастырем в Полтаве и Драгомирским монастырем старца Паисия.

Добротолубие, книгу святого Варсонудия, 12 слов Симеона Нового Богослова и др. с просьбою выхлопотать у митрополитов Платона и Гавриила разрешение напечатать эти книги. О других лицах, имевших заочное духовное общение и переписку со старцем Паисием, нам придется упомянуть впоследствии.

Духовное движение в России под влиянием старца Паисия можно разделить на три главных течения: северное, центральное и южное. Северное движение имело своими главными центрами Соловецкий монастырь, Валаам, Александро-Невскую Лавру и Александро-Свирский монастырь. Центральное движение сосредоточилось, главным образом, в Москве, во Владимирской губернии, в Оптиной пустыни Калужской губ., в Брянском монастыре, Орловской губ., в Рославльских лесах Смоленской епархии, в Белобережском монастыре; южное движение — в Площанской пустыни Орловской еп., в Глинской пустыни Курской еп. и др. Названные монастыри нужно рассматривать только как наиболее заметные или начальные пункты Паисиевского движения, которое на самом деле охватывало не десятков, а, как увидим, сотни русских монастырей.

На Крайнем Севере в Соловецком монастыре насадителем Паисиевых преданий был иеросхимонах Феодан, о котором мы уже упоминали раньше. По смерти киевского старца затворника Досифея, Феодан переселился в Соловецкий монастырь, куда и перенес заветы старца Паисия. В Александро-Невской лавре еще при жизни старца Паисия образовался кружок его почитателей и последователей во главе с митрополитом новгородским и ладожским Гавриилом. Митрополиту Гавриилу был прислан старцем Паисием перевод с греческого языка книги Добротолубия с собственноручным письмом. По приказанию митрополита этот перевод рассматривался группою ученых преподавателей духовного училища, причем митрополит рекомендовал им при проверке перевода советоваться с некоторыми опытными в духовной жизни старцами, говоря, что хотя эти старцы и незнакомы с тонкостями греческого языка, но опытом жизни усвоили содержание отеческих книг и потому могут дать им полезные указания при проверке перевода. По приказанию митрополита Добротолубие было напечатано в Петербурге. Около митрополита группировались: его келейник Феодан, впоследствии игумен Новоезерского монастыря, игумен Валаамского монастыря Назарий, иеродиакон Александро-Невской Лавры Филарет, впоследствии старец Ново-Спасского московского монастыря, ученик старца Паисия Афанасий, принесший Добротолубие митрополиту, и др. лица.

На Валааме и в Александро-Свирском монастыре трудились ученики старца Паисия схимонах *Феодор* и иеросхимонах *Клеоп*. Они вышли из Молдавии в Россию в 1801 году и были Клеоп родом малороссиянин, а Феодор из граждан города Карачева, Орловской губ^{**}. Они много лет жили в обители старца Паисия, приняли от него пострижение в монашество и были им основательно наставлены и утверждены в духовной жизни. По прибытии в Россию они жили сначала в Челнском монастыре Орловской епархии, потом в Белобережской пустыни той же епархии, расположенной среди глухих и в то время почти непроходимых Брянских лесов. Там они сблизились с монахом Леонидом, который был родом, как и Феодор, из города Карачева и происходил из купеческого звания. В 1811 году Леонид и Клеоп переселились на Валаам, куда прибыл к ним и Феодор. На Валааме они прожили 5 лет, проходя умное делание по руководству старца Паисия и много из-за этого пострадали от невежественных ревнителей внешнего подвига. В 1816 году старец Клеоп скончался в Валаамском монастыре, а Феодор и Леонид перешли в Александро-Свирский монастырь, где на них обратил внимание император Александр I. Здесь в 1822 году скончался отец Феодор в самый день светлого Христова Воскресения, а отец Леонид, спустя несколько лет, перешел со своими учениками в Оптину Пустынь, где и оставался до самой своей кончины 11 октября 1841 года. Проживая на Валааме и в Александро-Свирском монастыре, старцы имели духовное общение и с Александро-Невскою Лаврою и имели везде единомышленных братии и учеников. На Валааме их учениками были: старец игумен Варлаам,

^{**} Старец Феодор, род. в 1756 г., на некоторое время уходил из обители старца Паисия к отшельникам Онуфрию и Николаю, безмолвствовавшим при потоке Поляна-Ворона, в пяти верстах от скита того же имени. Онуфрий, уроженец г. Чернигова, из дворян, с юных лет возлюбил Христа, ради Христа юродствовал в юности шесть лет, потом оставил юродство и с другом своим иеромонахом Николаем удалился на Украину, а оттуда в Молдавию, к старцу Паисию, по благословению которого поселился с Николаем в пустыне и жил там с ним 25 лет. При нем жил пять лет и старец Феодор; после смерти Онуфрия Феодор с Николаем вернулись к Паисию, а после смерти Паисия и Николая Феодор вернулся в Россию. В библиотеке Нямца хранится рукописная отеческая книга, переписанная Николаем для Онуфрия. Каким бесребренником был Феодор, видно из того случая, что данные ему на дорогу одним человеком пять рублей он отдал первой встречной бедной женщине — крестьянке.

потом переселившийся в Оптину Пустынь и там скончавшийся, и духовник Валаамского монастыря Евфимий. Евфимий, в свою очередь, имел своими учениками Дамаскина, игумена Валаамского, и Илариона, перенесшего предания старца Паисия в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. Знаменитый Валаамский игумен Дамаскин имел своими учениками Агафангела, архимандрита Александро-Свирского монастыря, Агапия, схимонаха Валаамского монастыря, старца слепца, и схимонаха Иоанна, молчальника Валаамского монастыря. Агафангел имел своим учеником Маврикия, игумена Валаамского монастыря.

В северной же области подвизался еще один ученик старца Паисия Арсений, перешедший из Брянских лесов в Псковский Никандров монастырь. Он имел своим учеником Герасима, монаха Соловецкого монастыря. В некоторых северных монастырях предания старца Паисия были заимствованы из монастырей центральной области и поэтому они будут указаны в другом месте.

Переходим к центральной области. Здесь, прежде всего надо назвать ученика старца Клеопу, не того, о котором было сказано выше, а другого. Этот Клеопа жил долгое время со старцем Паисием сначала на Афоне, затем в Драгомирском монастыре и, вероятно, в Секуле, и вышел в Россию еще до 1778 года, и был настоятелем Островской Введенской пустыни Владимирской епархии. Это был замечательный подвижник, хранитель умного делания. Он ввел в Островской пустыни общежительный устав Афонской горы, который потом был перенесен его учениками в другие монастыри центральной и северной России. Учениками старца Клеопы были: Игнатий, первоначально подвизавшийся в Санакарском монастыре под руководством старца Феодора Ушакова, а потом во Флорищевой пустыни Владимирской епархии. С 1778 года после Клеопы он был строителем Островской пустыни, а потом Пешношской обители Московской епархии. В 1788 году он был назначен архимандритом Тихвина монастыря Новгородской епархии и по благословению митрополита Гавриила ввел там общежительный устав. В 1795 году он был переведен архимандритом в Московский Симонов монастырь для учреждения там общежития и там скончался в 1796 году. О нем передают, что он повсюду являлся примером высокой жизни, особенно же смирения и нестяжательности: он был милостив к нищим, сострадателен к несчастным, полон любви к братии. Другой ученик старца Клеопы схиархимандрит Макарий, бывший после Игнатия настоятелем Пешношской обители до самой своей кончины в 1811 году, имел особенное значение в истории русского монашества и старчества: из его учеников вышло 24 настоятеля монастырей. Он имел духовное общение и переписку со старцем Паисием и получил от него в дар посох. Он привел Пешношскую обитель во внешнее и внутреннее благоустройство. Неутомимый и многосведущий в трудах хозяйственных, он еще более был неутомим и опытен в подвигах духовной жизни. По виду он казался строгим, но имел душу, полную отеческой любви; он не имел никакой собственности, разделяя все с братией; ко всем относился приветливо, и его сердечная простота, соединенная с духовною мудростью, привлекала к нему всеобщее расположение и уважение. Митрополит Платон поручал ему приводить в порядок расстроенные обители и ставил его в пример другим настоятелям.

От Пешношской обители многие монастыри заимствовали и общежительный устав, и способных к поддержанию общежития иноков. Так, от старца Макария получили свои уставы и устройство следующие монастыри: Голутвинский, Московский Сретенский, Кириллов-Новоезерский и пустыни: Давидова, Оптина, Берлюковская, Екатерининская, Медведевская-Кривоезерская и др. Из учеников старца Макария назовем: Авраамия, впоследствии настоятеля Оптиной пустыни, Максима, строителя Пешношского монастыря, Игнатия, схимонаха Коневского монастыря и строителя Задне-Никифоровского монастыря и др. Этот Игнатий имел духовных дочерей Марию, олонекскую отшельницу, и Анастасию, основательницу женской общины, впоследствии Паданского монастыря. Учеником же старца Клеопы был и замечательный подвижник Феофан, игумен Новоезерский, о котором как о келейнике митрополита Гавриила мы уже упоминали. Он лично приезжал на Пешношу к отцу Макарию, чтобы получить от него для своего монастыря общежительный устав и выпросить у него нескольких братии для устройства общежития. Игумен Феофан был старцем Моденского монастыря, Александро-Невской Лавры, Устюжского и Кириллова монастырей и Филиппо-Иранской пустыни. Его духовной дочерью была Маврикия, игуменья Горещкого девичьего монастыря. Преемником Феофана в Новоезерской обители был его ученик Аркадий. От учеников старца Клеопы, Игнатия и Макария Паисиевы предания перешли в Коломенский Голутвинский монастырь, где настоятелем был ученик Макария и Игнатия Самуил; учеником Самуила был Назарий, а его учениками были схимонах Иоанникий и отшельник Макарий, шедший тем же путем внутреннего духовного подвига.

Следующим местом, откуда развивалось Паисиевское движение в центральной России, была *Москва*. Здесь было главным образом два средоточия этого движения: Симонов монастырь и Новоспасский. В Симоновом монастыре подвизался ученик старца Паисия монах Павел. В 1812 году он много пострадал от французов, которые били его до такой степени, что все остальное время своей жизни он провел в болезненном состоянии. Там же в Симоновом монастыре жил другой ученик старца Паисия, Арсений. Учеником Павла был иеромонах Иосиф, наместник Симонова монастыря. Здесь же в Симоновом монастыре, как мы уже упоминали, настоятельством архимандрит Игнатий, ученик Клеопы Островского, назначенный сюда для учреждения общежития. В Новоспасском монастыре замечательными старцами были иеромонахи Филарет и Александр, ученики Паисиева ученика Афанасия, проживавшего одно время во Флорищевой пустыни Владимирской епархии. Схимонах Афанасий (его нужно отличать от Афанасия, принесшего Добротолюбие митр. Гавриилу), бывший ротмистр гусарского полка, по фамилии Захаров, жил при старце Паисии более семи лет и принял от него монашеский постриг. По благословению старца он много занимался выписками наставлений из отеческих книг о молитве, смирении, терпении, послушании, любви и прочих добродетелях. По необходимым обстоятельствам он был отпущен в Россию с монахами Амвросием и Феофаном в 1777 году. Здесь перетерпев немало неприятностей, он проживал в Гороховском монастыре, во Флорищевой пустыни, а потом в Белобережской пустыни и в Площанской Богородицкой пустыни Орловской епархии, где многим принес пользу своею жизнью и учением. В Площанской пустыни он и скончался в 1825 году. Приезжая из Флорищевой пустыни в Москву, старец Афанасий бывал у иеромонахов Новоспасского монастыря Александра и Филарета и вел с ними духовные беседы об умном делании по учению старца Паисия. Оба эти иеромонаха заочно знали старца Паисия, любили и почитали его и пользовались переведенными им отеческими книгами, а отец Александр вел даже и переписку с ним. Таким образом оба эти Новоспасских инока очень близко стояли к старцу Паисию и обильно пользовались его духовным богатством. Возможно, что, будучи знакомы с Афанасием, они имели знакомство и с другим учеником старца Паисия, Амвросием, проживавшим в Гороховском монастыре и отличавшимся особым даром молитвы.

Иеромонах *Филарет* был родом из города Вязьмы, из зажиточной купеческой семьи Пуляшкиных. Рано почувствовав отвращение к светской жизни, он 13 лет поступил в монастырь и с детства углубился в чтение духовных книг, которых немало было в доме его отца. Впоследствии он был несколько лет в Саровской пустыни, а потом в Александро-Невской Лавре при митрополите Гаврииле иеродиакон. Из Петербурга Филарет переселился в Москву, был некоторое время в Симоновом монастыре, а затем в Новоспасском, где более 40 лет прожил в одной келье, редко выходя за ворота монастырской ограды. Только в тихие летние вечера, когда прекращалось движение народа, он выходил вместе с другом своим Александром и еще с одним старцем Михаилом, державшимся того же учения, на уединенную прогулку вокруг монастырских стен. Проведя много лет в подвигах монашеского безмолвия, старец Филарет остальную часть своей жизни отдал деятельному служению людям, подавая советы и утешения всем требующим без различия лиц и состояний. Келия его ежедневно была наполнена множеством народа всякого звания. Удрученные горем, утесненные жизнью, волнуемые сомнениями, обуреваемые страстью, постигнутые бедою со всех сторон приходили к нему, чтобы излить перед ним свои скорби и получить от него утешение и наставление. В его беседах особенно ясно выражалась его удивительная кротость, крайнее смирение, горячая любовь к ближнему, красота и сила глубокого духовного разума. Нередко случалось, что от множества посетителей он не имел времени ни пообедать, ни отдохнуть, несмотря на мучительную болезнь, от которой страдал всю свою жизнь. И несмотря на это, он находил еще время для чтения и переписывания отеческих книг. Только незадолго до своей кончины (он скончался в 1842 году на 84 году от рождения) не мог он более служить нуждающимся своими советами, т. к. от постигшего его удара язык его с трудом мог произносить что-либо иное, кроме обычного ему призывания имени Спасителя и Божией Матери. Старец Филарет был духовным отцом Наталии Петровны Киреевской, жены известного русского философа и писателя Ивана Васильевича и через нее оказал влияние и на этого последнего, заинтересовал его духовною жизнью, совершающейся в русском монашестве, расположил его к более глубокому изучению Православия и содействовал его духовному сближению со старцами Оптиной пустыни. Кроме Киреевской отец Филарет был духовным руководителем монахини московского Ивановского женского монастыря Досифеи, отличавшейся высокою духовною жизнью. Судьба этой монахини довольно загадочна, и многие считали и считают ее дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Монахиня Досифея, в свою очередь, имела большое духовное

влияние на известных подвижников братьев Путиловых, в монашестве Моисея Оптинского, Исаию Саровского и Антония Малоярославецкого.

Что касается друга Филарета иеромонаха *Александра*, впоследствии архимандрита Арзамасского монастыря, то о нем известно, что он родился в одном году с Филаретом, т. е. 1758 году, и происходил из православной фамилии польских дворян. Он хорошо знал польский язык. Преданный православной Церкви, он в особенности любил книгу митрополита Стефана Яворского «Камень веры» и сочинения святителя Димитрия Ростовского, книгу «которого «Алфавит духовный» советовал иметь всем поступающим в монастырь и поучаться в ней всю жизнь. Обучался он в Киевской Академии. Потом поступил на службу в Камер-коллегию. Долго ли он там про-ыл, неизвестно, то только впоследствии он сам говорил, что те в молодых летах начал иноческую жизнь в московском Новоспасском монастыре. Будучи в Петербурге с настоятелем монастыря, он был пострижен в монашество митрополитом Гавриилом и им же рукоположен в 1793 году в иеродиакона, а через месяц в иеромонаха, и всегда пользовался его расположением и состоял с ним в постоянной переписке. В том же 1793 году он был назначен наместником и казначеем Новоспасского монастыря, но через 4 года отказался от обеих должностей и жил в том же монастыре, проводя время в молитве и в изучении святых отцов, проходивших делание умной молитвы Иисусовой, и принял келейно великий образ схимы.

Преосвященный Гавриил, будучи в Москве на коронации императора Павла, часто беседовал с отцом Александром и приглашал его к себе в Новгородскую епархию, но он отказался, не желая оставить своего уединения и своего друга, стремившегося к одной с ним цели. Живя таким образом в Новоспасском монастыре, он имел сношение со старцами молдавскими и афонскими, пользовался их советами и, когда они бывали в Москве по разным делам, принимал их у себя и много помогал им через преданных ему московских знакомых. Очень охотно он помогал также и тем, кто стремился к монашеской жизни. Под его руководством многие проводили внимательную монашескую жизнь. Некоторые из его учеников были настоятелями обителей. В 1810 году отец Александр был посвящен в архимандриты Арзамасского Спасского монастыря, откуда вел обширную переписку со своими московскими духовными детьми и почитателями. Живя очень скромно, но получая по своим должностям значительные денежные средства, он все раздавал братии, монастырским служителям, бедным ученикам духовных училищ и всем нуждающимся. После его кончины осталось только 40 копеек деньгами и никакой одежды. Перед своею кончиною он в течение 18 дней совсем не принимал пищи, кроме нескольких капель воды, питаясь единственно хлебом жизни, Телом и Кровью Господа. Скончался он 29 апреля 1845 года, прослужив в сане священнослужителя 52 года.

Для характеристики старца приведем несколько отрывков из его писем. Когда духовноруководимые отцом Александром молодые подвижники Тимофей и Иона Путиловы отправлялись на жительство в Сэров, старец Александр дал им следующее наставление: «Братиям моим о Христе Иисусе Тимофею и Ионе по приезде в Саровскую пустынь советую: 1) Живя там, ходить к братии и иметь дело только с теми, с кем прикажет настоятель и духовник. 2) Послушание проходить без ропота, а если в чем отяготитесь, просите со смирением перевести на другое, если не переведут — покоритесь. 3) Помните и живите там, никуда не выходя, потому что, если вы и увидите там какие-нибудь кажущиеся неудобства или соблазны, то вы их из себя не истребите и с ними перейдете, тогда в другом месте вдсятеро еще найдете, и они до тех пор с побродяжничеством вашим станут умножаться, пока совсем вас возвратят в мир. А если станете слушаться ваших начальников и сами себя будете обвинять, а соблазны относительно братии за собственный свой недуг и немощи признавать, то всегда и во всем будете оставаться мирными. 4) Если послушание и тяжелое будет, то тяжелым оно кажется только за непослушание и упрямство; потому что вы увидите такое же самое послушание проходящих с покоем других, которые и вас немощнее. Впрочем же, если оставят вас, по вашему желанию, без послушания, то так вас одолеют помыслы, что и не сладите с ними. Поэтому не отказывайтесь от послушания, но ищите. 5) Для вечной вашей душевной пользы всегда помните, что на всякое искушение победа — смирение, самоукорение и терпение. Господь же премилостивый да просветит вас и умудрит, да поможет вам и да сохранит вас; и да покроет вас от всех левых и правых сетей вражиих. 6) Проходя послушание, берегите себя от тяжелых подъемов и храните здоровье, ибо дадите ответ Богу, если по безумной ревности как-нибудь повредите себе и ближних своих отяготите; потому что, когда сделаетесь увечными, то уже не вы будете служить братии, а братия вам служить будут вынуждены, и в этом случае вы будете иметь горькую жизнь, от чего да помилует вас Господь».

В том же году старец Александр пишет Тимофею Путилову: «Сердечно радуюсь, что милосердный Господь не попустил вам с Ионою больше скитаться в мире и осквернять свою душу прелестью. Терпи Бога ради и не забудь, что несть наша брань к крови и плоти, но к началам и проч. Лучше бо по святому Лествичнику с помыслами нам бороться, нежели с самомнением. И не добро быти нам бесстрастными; ибо бесы большею частью тогда отходят ради нашего самомнения, зная, что мы можем и помимо их коварства погибнуть от собственной гордости и остаться без покаяния. Пишете вы о том, что вам мешают помыслы; если можете удержать ветер, то и помыслы удержите. А святые отцы говорят, что возможно иноку быть и страстным, но не приводить в исполнение свои страсти. Следовательно, мы осудимся за исполнение страстей, а не за то только, что имеем их в себе и одолеваемся помыслами. И первый Адам по своему распознавательному чувству проразумевал, что добро было яблоко в снедь, но не за это познание, а за вкушение яблока был осужден. Да и Бог заповедывал ему не о том, чтобы не сознать доброты плода, но о том, чтобы не вкушать его. Поэтому не смущай душу никакими помыслами, так как ты их не любишь и не услаждаешься ими. Если имеешь духовного отца и доверяешь ему, то открывай ему все свои помыслы и борьбу; а свой разум, как поврежденный и оскверненный грехами, отнюдь не принимай, и не верь себе ни в чем до кончины своей. Более же всего прошу вас — будьте послушны без рассуждения и смиряйтесь перед всеми; по учению святых отцов одним смирением можно спастись, а без него и при всех добродетелях не избежим вечного осуждения. Что нам до зрительной жизни, лишь бы Бог сохранил нас от деятельных грехов, Бог даст тебе разум, только Бога ради терпите».

Некоему Андрею Степановичу отец Александр пишет о том, что Христа надо искать не вне себя, а в себе самом: «Касательно намерения твоего и желания ехать в Иерусалим и Афонскую гору решительного ответа дать вам не могу. Мой совет вам такой: изберите себе где-нибудь бедненький монастырь в своем отечестве, закрытый от мира, и в нем постарайся найти Иисуса Христа не в Афонской горе, а в своем сердце. Ибо кроме сердца нашего нигде в другом месте найти Его невозможно. А когда сподобит тебя Господь найти Его в своем сердце, тогда и самая многолюдная площадь будет для тебя Иерусалим и Афон. Сказал кто-то из святых, если в твоём доме зарыто сокровище, а ты про то не знаешь, то в этом случае с тобою бывает так, как бы этого сокровища и не бывало. Так точно и мы все до единого ищем Иисуса Христа по разным местам, не зная того, что Он всегда внутри нас находится. Всемогущий Бог да озарит твое сердце и укажет тебе место, где обитает Иисус Христос».

Очень важным местом в центральной России, где переплетались духовные нити, шедшие от старца Паисия, был также Брянский *Свенский монастырь* Орловской епархии. Там проживали в начале XIX века монах Серафим и схимонах Афанасий, тот самый, который доставил митрополиту Гавриилу Добротолубие. Схимонах Афанасий, из сенатских секретарей, оставив мир, странствовал по Святой Афонской Горе и по Молдавии, жил в обители старца Паисия, который поручил его своему ученику Софронию, занимался переводами и списыванием отеческих книг. В 1805 году, живя уже в Свенском монастыре, он получил от старца Софрония наставление не вмешиваться в монастырские порядки и жить молча. Скончался в том же Свенском монастыре в 1811 году на руках старца схимонаха Афанасия (Захарова), которому перед смертью вручил свой замечательный сборник из творений святых отцов. Проживая в Свенском монастыре, старец Афанасий вместе со старцем Серафимом имели духовное влияние на проживавшего там некоторое время будущего настоятеля Оптиной Пустыни Тимофея Путилова. Там же имел возможность узнать от старцев духовное делание настоятель монастыря, впоследствии ректор Московской Духовной Академии, Калужский епископ и Киевский митрополит, покровитель монашества и старчества знаменитый Филарет.

На эти встречи и сожителства в Брянском монастыре следует обратить особое внимание. Здесь установились те связи, которые потом откликнулись в другом месте, как мы увидим дальше. В духовной связи с Брянским монастырем стоит группа пустынножителей Смоленской епархии, подвизавшихся в конце XVIII и в начале XIX века в лесных скитах Рославльского уезда. Эта своеобразная группа русских пустынников состояла в близком общении со старцем Паисием. В нее входили и непосредственные ученики старца, каковы Досифей, проживший 40 лет в Рославльских лесах, Арсений, впоследствии перешедший в Псковский Никандров монастырь, и другие подвижники, не знавшие лично старца Паисия: иеродиакон Анастасий, Афанасий, бывший последние 19 лет своей жизни духовником Свенского монастыря, Арсений из Белобережской пустыни, Моисей и Антоний Путиловы, перешедшие потом в Оптину Пустынь вместе с пустынниками Иларием и Дорофеем.

Переходим теперь к одной из наиболее славных и известных в истории русского старчества обителей, *Оптиной Пустыни*. Эта пустынь восстановлена была из своего запустения знаменитым московским митрополитом Платоном, который назначил в нее настоятелем ученика Пешношского архимандрита Макария Авраамия*. Это назначение ввело Оптину Пустынь в круг духовного влияния старца Паисия, так как Авраамий, ученик Макария, ревностного почитателя старца Паисия и хранителя его предания, перенес эти предания и в Оптину Пустынь. Он ввел здесь общежительный устав и возвысил духовную жизнь. Впрочем, еще и до Авраамия Оптина Пустынь не чужда была влияния старца Паисия. В ней еще в 1800 году поселился ученик старца Паисия монах Феофан. Он был родом из Владимирской губернии, в молодости состоял на службе в черноморском казачьем войске, оставил по болезни военную службу, проживал некоторое время в Софрониевой пустыни у архимандрита Феодосия, откуда перешел в Молдавию к старцу Паисию и три года жил там, проходя поварское послушание. По кончине старца он вернулся в Россию и поступил в Оптину Пустынь. Он отличался крайнею нестяжательностью и великою кротостью, был строгим постником и великим молитвенником. Ревность к постническому подвигу побудила его однажды провести всю святую čtyрнадцатую совсем без пищи. Он открыл об этом одному из близких по духу братии. «Я верую, — говорил он, — что не умру от поста». Брат не стал ни отклонять, ни утверждать его в его намерении. И Феофан в течение всего поста не вкушал ничего и только однажды в неделю употреблял теплую воду. В течение всех 40 дней он совершал келейно всю службу, полагал много поклонов, сам отапливал келию и казался бодрым. Однажды, заметив, что Феофан сильно похудел, брат сказал ему: «Отче, ты очень изнурил себя». «Ничего!» — ответил Феофан, — Христос Спаситель излил за меня всю кровь Свою на кресте, а во мне еще много крови». Выдержав Божи-ей помощью принятый на себя подвиг, он в конце поста приобщился святых Христовых Тайн. Впоследствии он еще раз пытался повторить этот подвиг, но простудился, заболел жестоким кашлем и, постепенно слабея, скончался в 1819 году. Когда брат спросил его, не страшится ли он чего-нибудь в час смерти, он ответил: «Я с радостью желаю разрешиться от сей жизни», поднял руку для крестного знамения и тихо отошел ко Господу. В 1821 году Калужскою епархией управлял преосвященный Филарет (Амфитеатров). Будучи великим любителем и почитателем монашества и особенно старца Паисия, он, как и митрополит Платон, обратил особенное внимание на Оптину Пустынь и для большего преуспевания в ней монашеской жизни решил устроить при ней скит во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Для устройства скита он пригласил известных ему пустынножителей Рославльских лесов — Досифея, Моисея, Антония, Иларию и др., которые и положили начало знаменитому скиту при Оптиной Пустыни. Немного лет спустя отец Моисей стал настоятелем Оптиной Пустыни, а его брат Антоний начальником скита и, таким образом, духовная жизнь Оптиной Пустыни сосредоточилась в руках опытных хранителей Паисиевых преданий. В 1829 году к ним присоединился перешедший из Александро-Свирского монастыря ученик старца Феодора иеромонах Леонид, в схиме Лев, и с его прибытием в Оптиной Пустыни положено было начало знаменитому оптинскому старчеству.

Таким образом, в Оптиной Пустыни, как в узле, соединились многочисленные нити духовного влияния старца Паисия через его различных учеников, а именно: монах Феофан принес непосредственно от самого старца Паисия полученную им в Нямецком монастыре духовную закваску; Авраамий принес предания старца Паисия, полученные от Клеопы Островского; Моисей и Антоний принесли предания двух Афанасиев, Серафима Свенского и рославльских пустынножителей, а Леонид предания Феодора и Клеопы малороссиянина. От такого сочетания многообразных духовных воздействий и получился замечательный расцвет оптинского старчества.

Поселившись в Оптиной Пустыни, *старец Лев* скоро приобрел огромное влияние и широкую известность не только среди братии монастыря, но и среди окрестного населения и богомольцев пустыни. Своею высокою жизнью, мудростью, прозорливостью, даром исцелений, милосердием к страждующим, прямою и смелыми обличениями людей порочных, каковы бы ни было их положение, отец Лев привлек к себе всеобщее почитание и любовь, и к нему стали приходить из

* Митр Платон был и сам великим почитателем старца Паисия В библиотеке Нямецкого монастыря имеется книга бесед преп. Макария Великого, присланная митр Платоном старцу Паисию с такою надписью «Преподобному отцу архимандриту Паисию, Нямецкой обители духовному руководителю и наставнику, сию душеполезную подобным подвигом прославленного мужа книгу, во благословение со испрошением богоугодных о себе молитв посылает смиренный Платон, митрополит Московский 1791 г. Июля 3 дня в Москве».

разных городов и селений разного звания люди — дворяне, купцы, мещане, крестьяне и духовенство, чтобы получить от него полезный совет и утешение в постигшем горе. С каждым годом стечение к нему народа возрастало. Всякий, будучи принимаем старцем с отеческою любовью, раскрывал перед ним свои душевные раны и находил в беседе его утешение, а многие, одержимые телесными болезнями, и бесноватые получали помощь от его молитв и помазания елеем из лампады, горевшей перед его келейною Владимирскою иконой Божией Матери. Своим добрым влиянием как на братию обители, которой он был старцем и духовником, так и на приходящих богомольцев, старец Лев много содействовал подъему и благоустройству Оптиной Пустыни как внутреннему, так и внешнему. Под сень обители из разных мест собиралось множество братии, искавших мудрого руководства в духовном подвиге. Зная духовную опытность и дарование старца Льва, настоятель Оптиной Пустыни отец Моисей всех приходивших на жительство в обитель поручал старцу как духовному руководителю. Одаренный духовным рассуждением, имея острую память и дар слова, отец Лев всякому давал соответствующее наставление из отеческих книг и Священного Писания. Пред народом же старец любил скрывать высокое устроение своего духа под крайнюю простотой своего слова; речь его отличалась своеобразным сочетанием духовной силы Писания и яркой выразительности народного языка. Кроме ежедневных занятий в монастыре, старец получал множество писем от разных лиц, просивших у него разрешения недоумений, и, по любви своей к ближним, старец или сам писал им, или диктовал необходимые ответы. Отец Лев скончался 72 лет от роду. В предсмертной болезни он часто призывал имя Господа; наконец, успокоился, перекрестился, благословил братию и спокойно предал дух свой в руки Божий.

Ввиду особенно важного значения Оптиной Пустыни в истории русского старчества назовем ее наиболее выдающихся и известных подвижников и старцев, а также укажем и тех лиц и те монастыри, на которые она имела особенное влияние. Получив при самом своем восстановлении основательную Паи-сиевскую закваску, Оптина Пустынь глубоко сроднилась с духом старца Паисия и его заветами. В ней все: и устав обители, и постановка богослужения, и общий порядок жизни, и духовное устроение каждого отдельного брата — удивительно согласованы и носят печать особенной духовности, просветленности и радостной умиротворенности. Едва переступив порог этой святой обители, богомолец или странник сразу чувствует здесь близость Божию, особенную благодатность ее духовной атмосферы, и сам невольно становится ближе к Богу и настраивается на светлый и радостный лад. Такой свой духовных облик и такое плодотворное влияние Оптина Пустынь сохраняла неизменно в течение почти ста лет до самой революции.

Из замечательных подвижников и старцев Оптиной Пустыни мы должны прежде всего назвать ее знаменитого настоятеля архимандрита *Моисея*, управлявшего ею более 30 лет и скончавшегося в 1862 году. Сын московского купца, он вместе с братьями своими Александром и Ионою, в монашестве Антонием и Исайей, находился сначала под духовным руководством московских старцев Филарета и Александра и старицы Досифеи, потом вместе с братом Ионою проживал в Саровской пустыни, оттуда перешел в Брянский Свенский монастырь, где пользовался руководством учеников старца Паисия, Афанасия и Серафима, жил с братом Александром в Рославльских лесных скитах под руководством Досифея, Дорофея и Арсения и, наконец, переселился в Оптину Пустынь, где и оставался до самой своей кончины. Он был строгим хранителем Паисиевых преданий и его общежительного устава, положил начало оптинскому старчеству, привел Оптину Пустынь в духовное и материальное благоустройство и сам был известен святостью жизни и духовною опытностью. Руководя жизнью оптинского братства, он не оставлял без своего руководства и других лиц, обращавшихся к нему за советами. Так, под его духовным руководством находился настоятель Тихоновой пустыни Калужской епархии Моисей и затворник Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой Лавре иеросхимонах Александр, имевший своим учеником духовника Гефсиманского скита, иеромонаха Германа, впоследствии строителя и игумена Зосимовой пустыни Владимирской епархии.

Брат отца Моисея отец *Антоний* вместе с ним подвизался в Рославльских лесах, принимал участие в устройстве Оптинского скита и был его первым начальником, а потом в течение 14 лет был игуменом Малоярославецкого монастыря Калужской епархии; уволившись от этой должности, он прожил 12 лет на покое в Оптиной Пустыни, где и скончался в 1865 году. Так же как и брат, он отличался высокою духовною жизнью и имел особый дар утешать скорбящих. Замечательны его письма и записки, изданные Оптиной Пустынью. Под его духовным руководством находился Иосиф, иеросхимонах Николо-Угрешского монастыря Московской епархии.

Кроме указанных лиц в Оптиной Пустыни было еще много других замечательных подвижников. Таковы: архимандрит Мельхиседек, ученик Игнатия Островского, занимавший должности — настоятеля Ростовского Яковлевского монастыря, Спасского Арзамасского, Спасо-Евфимиева Суздальского, наместника Александро-Невской Лавры и, наконец, проживавшего на покое в Оптиной, где и скончался; иеросхимонах старец Иоанн из раскольников, ученик старца Льва, по-стриженник отца Моисея, оставивший несколько сочинений против раскола. Доказывая правоту Православия, он чудесно ее засвидетельствовал, достав рукою со дна кипящего котла горсть песка. Он скончался в 1849 году. Монах Иларион, поступивший в Оптину Пустынь 80 лет и подвизавшийся в ней 16 лет. Вассиан — старец, схимонах, великий постник, за 45 лет монашества не пивший чаю и вина, не вкушавший рыбы и молока, кроме Пасхи, и дважды выдержавший 40-дневный пост; Иов, иеросхимонах, духовник старца Макария, великий любитель безмолвия; Пимен, иеросхимонах, духовник старца Амвросия, ученик Льва и Макария, отличавшийся особенною простотою и молчаливостью.

Теперь мы обратимся ко второму знаменитому оптинскому *старцу Макарию*. Он проходил из дворянской помещицкой семьи Ивановых Орловской губ. В молодости он думал жениться, но, побывав однажды в Площанской пустыни Орловской епархии, так был пленен красотой монашества («все монахи показались ему земными ангелами»), что уже не захотел вернуться домой и навсегда остался в обители. Его учителем в Площанской пустыни был ученик старца Паисия схимонах Афанасий (Захаров), тот самый, под влиянием которого в Москве находились старцы Филарет и Александр, а через них Моисей Оптинский и Иван Васильевич Киреевский, которым потом пришлось вместе со старцем Макарием работать над изданием переводов старца Паисия. Как удивительно сплетались и переплетались духовные нити, шедшие от старца Паисия! Отец Макарий жил в Площанской пустыни 24 года. По смерти старца Афанасия началось духовное сближение и переписка отца Макария с отцом Львом, результатом которой было переселение отца Макария в скит Оптиной Пустыни. В течение 7 лет продолжалась совместная жизнь в Оптинском скиту старцев Макария и Льва. Они связаны были между собою теснейшею дружбою и единомыслием. Они писали своим духовным детям общие письма за общею подписью. Но характеры их были совершенно различны. Отец Лев, из купцов, был прям, грубоват, практически мудр, хотя и имел нежное сердце. Отец Макарий, из дворян, был мягок, кроток, любил книжные занятия и в молодости, до поступления в монашество, играл на скрипке, любил петь. Но оба они были одинаково великими ревнителями истинного духовного монашества. После кончины отца Льва отец Макарий старчествовал 19 лет, будучи в то же время, после отца Антония, начальником скита, и скончался в 1860 году. Так же как и отец Лев, он собрал вокруг себя много учеников, желавших подвизаться под его руководством. Среди них было много людей образованных, при помощи которых старец предпринял издание переводов отеческих книг старца Паисия. Особенно близкое участие в том деле принимал, как было сказано, Иван Васильевич Киреевский, духовный сын отца Макария, проживавший недалеко от Оптиной Пустыни в своем имении Долбино. Горячее содействие оказывали старцу в издании книг его московские друзья и почитатели — московский митрополит Филарет, профессор Московской Духовной Академии — прот. Ф. А. Голубинский, ректор Академии прот. А. В. Горский, проф. Московского Университета Ше-вырев и др. Таким образом, трудами и заботами старца Макария положено было в Оптиной Пустыни начало издательской деятельности, которая не прекращалась и по смерти о. Макария.

Через два года после кончины о. Макария скончался настоятель Оптиной Пустыни архимандрит Моисей, а еще через три года его брат игумен Антоний и, таким образом, сошли в могилу главные лица, положившие в Оптиной Пустыни основание старчеству и строгому монашескому общежитию. Но с их смертью начатое ими дело не заглохло. Хранителями и продолжателями дела первого поколения Оптинских старцев явились новый старец иеросхимонах Амвросий и новый настоятель монастыря архимандрит Исаакий. Старец *Амвросий*, по фамилии Гренков, происходил из духовного звания и родился в 1812 году в селе Большие Липовицы, Тамбовской губ. По окончании духовного училища и духовной семинарии он некоторое время был домашним учителем в одной помещицкой семье, а затем преподавателем духовного училища в Липецке. В 1839 году, по совету старца Илариона Троекуровского, он ушел в Оптину Пустынь, где и поступил под духовное руководство сперва отца Льва, а после его смерти отца Макария. Отличаясь живым и веселым, общительным характером, мягким и добрым сердцем, проницательным умом, житейскою опытностью и мудростью, высоким духовным устроением, глубокою молитвенностью и знанием человеческого сердца, Амвросий по смерти Макария естественно заступил его место и как бы совместил в себе духовные черты и дарования обоих

своих предшественников. Он имел огромное духовное влияние не только на братию монастыря, но и на посторонних людей всякого звания и положения, состояния и образования, начиная от бедной и темной крестьянки, плачущей над своимидохнувшими индюшками, и оканчивая митрополитами, великими князьями, сенаторами, писателями и философами, приходившими к нему искать совета и утешения в трудных и сложных вопросах внутренней и внешней жизни, и никто не уходил от него, не получив необходимой помощи и нравственной поддержки, так что на нем, действительно, во всей точности исполнились слова апостола, начертанные впоследствии на его могильном камне: «Бых немощным яко немощен, да немощные приобрящу: всем бых вся, да всяко некия спасу». При всей своей крайней немощи и болезненности, приковылавшей его почти всегда к постели, он с утра и до поздней ночи с небольшим перерывом для обеда и краткого отдыха принимал посетителей, и эта его деятельность продолжалась непрерывно в течение целых 30 лет.

В последние же 10 лет своей жизни он возложил на себя еще новую заботу о содержании и благоустройстве многолюдной женской Шамординской общины, основанной им в 12 верстах от Оптиной Пустыни, в которой кроме 1000 сестер, большею частью не имевших никаких личных средств, а иногда и совершенно больных и престарелых, содержались еще детский приют, школа, богадельня на 60 старух и больница. При помощи преданных духовных детей, из которых нельзя не упомянуть семьи Ключаревых, Перловых и Бахрушиных, старец не только содержал эту огромную обитель, но и устроил в ней величественный храм и трапезную, редкие по своей красоте. Среди такого многолюдства и таких забот старец не прекращал и дела книжного издательства и вел еще огромную переписку. Когда в 1891 году старец Амвросий скончался, то все почувствовали, что рухнула огромная нравственная и материальная опора для великого множества обездоленных и несчастных людей и непритворны были всеобщая великая скорбь и громкие рыдания, которыми сопровождалось его погребение.

Настоятелем Оптиной Пустыни при старце Амвросии был архимандрит *Исаакий*. Он был родом из богатой курской купеческой семьи Антимоновых. В молодости он торговал скотом и ездил по ярмаркам. Задумавши поступить в монастырь, он потихоньку от отца уехал в Оптину пустынь и явился к старцу Льву. Старец, по обыкновению, сидел окруженный народом, плел свое обычное рукоделие — пояски и беседовал. Молодой Антимонов поместился сзади всех. Вдруг он слышит громкий окрик старца: «Ванюшка!» Не думая, что этот окрик относится к нему, неизвестному старцу модному губернскому франтику, Антимонов продолжал преспокойно сидеть. Однако народ засуетился, стали толкать его и говорить: «Иди, это тебя старец зовет». Пораженный прозорливостью старца, Антимонов подошел к нему и после беседы с ним навсегда остался в монастыре. Сначала он был учеником отца Льва, потом отца Макария и, наконец, старца Амвросия, по указанию которого, совершенно неожиданно для себя, был по смерти отца Моисея назначен настоятелем монастыря. Отец Исаакий отличался глубоким смирением, глубоким благоговейным настроением и молчаливостью. Скончался он в глубокой старости в 1894 году. Из других замечательных оптинцев могут быть еще названы: иеродиакон Палладий, перешедший в Оптину Пустынь из Площанской еще при Авраамии в 1815 году и проживший в Оптиной Пустыни 46 лет, иеродиакон Мефодий, 22 года лежавший разбитый параличом. Мог говорить «Да, да» и «Господи, помилуй». Его знал Лев Ник. Толстой и любил указывать на него, как на пример великого страдания и великого терпения, воспитываемого христианскою верою; слепой схимник Карп, о котором старец Лев сказал: «Карп слеп, а видит свет»; иеросхимонах Гавриил, основатель и старец Белокопытовской женской общины; иеросхимонах Феодот, духовник и старец Гефсиманского скита и Параклитовой пустыни при Троице-Сергиевой Лавре; иеросхимонах Иларион, духовник и скитоначальник, был келейником старца Макария, а потом разделял со старцем Амвросием труды старчества, Елисей — послушник, лесной сторож, проживший в Оптиной Пустыни 52 года; он отказывался от повышений и был любимым гостем старца Амвросия; иеромонах Климент (Зедергольм) — ученик, письмоводитель и сотрудник старца Амвросия по книгоиздательству. Судьба Климента особенно замечательна. Он был сын главного Московского лютеранского пастора-суперинтенданта, человека очень ученого и серьезного, глубоко преданного лютеранскому учению. Отец Климент блестяще окончил филологический факультет Московского университета и готовился к профессорскому званию. Не найдя удовлетворения в лютеранстве, он сблизился через своих московских православных друзей со старцем Макарием, почувствовал красоту и правду Православия, принял православную веру, а потом и монашество и поселился в скиту при Оптиной Пустыни, где жили самые строгие подвижники, сделался самым преданным учеником старца Амвросия и помогал ему в письмоводстве и книгоиздательстве. Замечательна его переписка с отцом по поводу его перехода в

Православие. Очень интересное жизнеописание Климента составлено известным русским писателем и философом, духовным сыном старца Амвросия, К. Н. Леонтьевым.

Продолжим наш перечень выдающихся оптинцев: Константин Николаевич Леонтьев — русский консул на Ближнем Востоке, высоко образованный человек, оригинальный русский мыслитель, ненавидевший и отрицавший социализм, как стремление ко всеобщей нивелировке и обезличению, признавший, что мир живет и спасается красотой, автор книги «Восток, Россия и Славянство». В бытность свою на Афоне он перенес тяжкую болезнь (холеру), и чудесным образом по молитве перед иконою Божией Матери исцелился от нее. После этого он сделался глубоко верующим православным христианином, с особенною силою почувствовавшим истину двух догматов Православия — о вечных муках и о вечном блаженстве. Переселившись в 70-х годах прошлого столетия в Оптину Пустынь, он познакомился со старцем Амвросием и сделался его преданным учеником. Перед кончиною отца Амвросия он перешел в Троице-Сергиеву Лавру, принял монашество и скончался в 1892 году. Флавиан, ученик старцев Льва, Макария и Илариона — строгий подвижник. Анатолий (Зерцалов), иеросхимонах и скитоначальник по смерти отца Илариона, ученик старцев Макария и Амвросия, из духовного звания, студент семинарии. Вместе с Иосифом он был преемником отца Амвросия по старчеству; известен как делатель умной молитвы, был духовником Шамординских сестер, скончался в 1894 году. Даниил Болотов, иеромонах из известной дворянской фамилии, брат знаменитой первой настоятельницы Шамординской общины — схимонахини Софии, окончил Академию художеств, замечательный иконописец и портретист, очень образованный человек, необыкновенно добрый и чистый сердцем ученик старца Амвросия, написавший его лучший портрет. Скончался в 1907 году. Иосиф, иеросхимонах келейник и ученик старца Амвросия, преемник его по старчеству, смиренный и кроткий старец. Старец Амвросий говорил о нем своим духовным детям: «Я вас поил вином с водою, а Иосиф будет поить вас чистым вином». Скончался в 1911 году. Венедикт, архимандрит, преемник по скитоначальничеству и по старчеству отца Анатолия Зерцалова, из белого духовенства. Овдовев, обратился за советом к старцу Амвросию и по его указанию поступил в Оптину Пустынь. Был письмоводителем отца Амвросия и духовником Шамординских сестер. Скончался архимандритом Боровского монастыря. Ювеналий (Половцев), сотрудник старцев Макария и Амвросия по книгоиздательству, впоследствии настоятель Глинской пустыни, наместник Киево-Печерской Лавры и Александро-Невской Лавры, епископ Курский и архиепископ Литовский. Леонид Кавелин, также сотрудник старцев Макария и Амвросия по книгоиздательству, потом наместник Троице-Сергиевой Лавры. Ксенофонт, архимандрит и настоятель Оптиной Пустыни, смиренный, строгий, молчаливый и благоговейный хранитель оптинских преданий, из крестьян. Последними старцами Оптиной Пустыни были делатель умной молитвы иеромонах Нектарий, ученик скито-начальника Анатолия, и иеромонах Анатолий, бывший келейник старца Амвросия, а потом его общепризнанный заместитель.

Этими последними именами мы заканчиваем далеко не полный список умерших замечательных оптинских подвижников, хранивших заветы старца Паисия. Оптина Пустынь в своем постоянном духовном росте явилась могучим духовным центром, откуда дух истинного православного монашества широко разливался по всей России. Близко наблюдавший Оптинских старцев, Лев Ник. Толстой, признавая, что в русском народе глубоко укоренены христианские чувства, говорит в одном из своих писем, что эти чувства воспитаны в нем русскими монастырями и их старцами.

Назовем теперь те обители и тех лиц, на которые распространялось духовное влияние Оптиной Пустыни и ее старцев. Оптинский старец Антоний, будучи назначен настоятелем Малоярославецкого монастыря, перенес туда предания старца Паисия. Его дело продолжал архимандрит Пафнутий, бывший перед тем скитоначальником в Оптиной Пустыни. Старец Лев через своего ученика Геронтия насадил старчество в Тихоновой пустыни Калужской епархии. Кроме Геронтия в той же Тихоновой пустыни известны подвижники: Ефрем, духовник обители, и Моисей, настоятель Тихоновой пустыни, ученик старцев Льва, Макария и Моисея оптинских. В Николо-Угрешском монастыре Московской епархии были ученики: старца Льва — настоятель монастыря Иларион, и игумена Антония — иеросхимонах Иосиф. В Белевском девичьем монастыре старчество было насаждено отцом Львом через свою духовную дочь Анфию, претерпевшую много скорбей за свою преданность отцу Льву, а также и через игумению Павлину, настоятельницу Белевского монастыря, при которой этот монастырь стал особенно процветать. Под духовным руководством старца Льва находилась также Борисовская Тихвинская женская пустынь Курской епархии. Учениками оптинских старцев были также Макарий, настоятель

Можайского Лужецкого монастыря, Никодим, игумен Мещевского и Малоярославецкого монастырей, Иларию, старец Мещевского монастыря, настоятельница Каширского монастыря Макария и настоятельница того же монастыря игуменья Тихона; основательница Белокопытовского Казанского женского монастыря Александра и священник того же монастыря протоиерей Андрей; настоятель Лихвинского монастыря архимандрит Агапит, написавший лучшее из описаний жизни старца Амвросия; настоятель Одринского монастыря игумен Серапион; духовник Киево-Печерской Лавры иеросхимонах Антоний; протоиерей села Спас Чекряк Орловской епархии отец Георгий Коссов, известный молитвенник, обладавший даром прозорливости и исцелений, создавший в своем бедном и захолустном селе прекрасный каменный храм, школу, приют и богадельню*; схимонахиня София (Болотова), духовная дочь и ученица старца Амвросия, первая настоятельница Казанского Шамординского женского монастыря, по смерти которой старец Амвросий сказал: «Ах, мать, обрела благодать у Бога!»; игуменья Евфросиния, вторая настоятельница Шамордина, слепая; игуменья Екатерина и игуменья Валентина, последняя шамординская настоятельница.

Духовным руководством старца Макария пользовались следующие женские обители: монастыри Великолуцкий, Вяземский, Курский, Серпуховской, Севский, Калужский, Елецкий, Брянский, Казанский, Осташковский, Смоленский и др. Точно так же и к старцу Амвросию относились многие женские монастыри, и иные обязаны были ему и своим возникновением. Так, под его руководством находились: Борисовская пустынь, Каширский монастырь, Белевский монастырь и Волховской; по его благословению возникли и устроились — Ахтырский Гусевский монастырь Саратовской епархии, Ко-зельщанский монастырь Полтавской епархии, Пятницкая женская община, Предтеченская пустынь Орловской епархии, Николо-Тихвинская община Воронежской епархии, и, наконец, Казанская женская Шамординская пустынь Калужской епархии.

Говоря о духовном влиянии Оптиной Пустыни, нельзя умолчать и об ее влиянии на русскую интеллигенцию. Мы уже упоминали об И. В. Киреевском, отце Клименте Зедергольме и К. Н. Леонтьеве. Назовем еще: Н. В. Гоголя, имевшего переписку со старцем Макарием и архимандритом Моисеем, профессоров Московского университета Шевырева и Юркевича, и посещавших старца Амвросия Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, графа А. К. Толстого, В. К. Константина Константиновича и графа А. Н. Толстого, которого даже в последние роковые дни его жизни потянуло прежде всего в Оптину Пустынь, к ее старцам. В Шамордине жила родная сестра Льва Николаевича — Мария Николаевна, о которой еще в ее детстве сказал старец Лев: «Эта Маша будет наша». Вообще о Шамордине нужно сказать, что там, под крылом старца Амвросия, нашли убежище сотни русских образованных женщин, имена которых невозможно и перечислить.

Нам остается еще рассмотреть *южную ветвь русского старчества*, ведущего свое начало от старца Паисия. Из непосредственных учеников старца Паисия на юге России известны: монах Герасим, постриженник старца Паисия, по выходе в Россию жительствовавший в Софрониевой пустыни Курской губернии; в Екатеринославской епархии подвизался иеросхимонах Ливерий, скончавшийся в глубокой старости в 1824 году. Он имел своим учеником инспектора Екатеринославской духовной семинарии ученого инока Макария, впоследствии знаменитого начальника Алтайской миссии. Наиболее же широкое влияние на юге России имел, несомненно, знаменитый иеросхимонах Василий (Кишкин). Он происходил из дворян Курской губ., много странствовал и жил подолгу на Афоне и в Молдавии у старца Паисия. Возвратившись в Россию, он был строителем Белобережской пустыни, потом жил в Кременецком монастыре, в Саровской пустыни, в Коренной, в Глинской, в Софрониевой и Борисовской пустынях Курской епархии, в Рыхловском монастыре Черниговской епархии, в Усть-Медведицком монастыре Донской епархии, в Севском монастыре и в Площанской пустыни Орловской епархии. Во всех этих обителях он оставил многочисленных учеников и скончался в 1831 году. Он имел счастье слушать беседы Тихона Задонского и был другом Антония, архиепископа Воронежского. Это был замечательный подвижник, с юных лет отличавшийся целомудрием, смирением, терпением и любовью к оскорблявшим его. Из его учеников известны: оптинский старец Лев, находившийся под его руководством в Белых берегах; Серафим, бывший настоятель Белобережской пустыни; Арсений,

* Испуганный бедностью своего прихода, о Георгий задумал бежать из него и пришел за советом к о Амвросию, но тот решительно запретил ему оставлять приход «Вас двое (с Богом), а он один (дьявол)», — сказал старец о Георгию.

подвизавшийся в Рославльских лесах; схи-иеродиакон Мельхиседек; схимонах Белобережской пустыни Макарий и другие подвижники этой обители, о которой нужно сказать, что она так же была замечательным средоточием Паисиевского движения. Далее учениками старца Василия были: Афанасий, схимонах Афонский; иеродиакон Анастасий, подвизавшийся в Свенском монастыре и в Рославльских лесах; архимандрит Симонова монастыря в Москве Мельхиседек, Оптинский архимандрит Моисей, игуменья Усть-Медведицкого монастыря Августа.

Его же учеником, и вместе с тем учеником старца архимандрита Феодосия из Молдавии, был и знаменитый подвижник Глинской пустыни Филарет, от которого ведет свое начало Глинская линия русского подвижничества. Назовем наиболее известных подвижников этой линии: монах-старец Фео-дот, прозорливец; Макарий, иеросхимонах, прозорливый старец, достигший высокого духовного совершенства; Мар-тирий, великий постник, по неделе не вкушавший пищи и любивший уединение и безмолвие; схимонах Евфимий, келейник отца Филарета; Пантелеймон, иеросхимонах-отшельник, погребенный в скиту, его заботами устроенном на месте явления чудотворной иконы Рождества Богородицы; иеромонах Антоний, помощник братского духовника, безмолвник; иеродиакон Серапион, видевший своего Ангела-хранителя и после смерти три часа перебиравший четки; монах Досифей, обладавший даром прозрения и исцеления, сподобившийся слышать ангельское пение при смерти старца Феодота; схиархи-мандрит Илиодор, бывший восемь лет игуменом Рыхловского монастыря и настоятелем Петропавловского монастыря Черниговской епархии; схимонах Лаврентий, ученик архимандрита Илиодора и преемник его по старчеству; архимандрит Иннокентий, ученик многих старцев и, главным образом, старца Макария, обладавший любвеобильным сердцем и даром исцеления; иеросхимонах Илиодор, молитвенник, за год, предсказавший свою кончину; схимонах Архипп, обладавший даром прозрения и молитвы, руководитель духовной жизни схимников; подвижник-прозорливец Лука и многие другие.

Из отдельных лиц, не принадлежавших к братии Глинской пустыни, но пользовавшихся ее духовным руководством, нам известны: Филарета — игуменья Уфимского Благовещенского монастыря, ученица Филарета Глинского; Макарий, архимандрит Алтайской миссии, впоследствии настоятель Волховского Троицкого монастыря, переводчик Библии, прозорливец; Феодосии, духовник Святогорской пустыни Харьковской епархии, ученик отца Филарета; иеросхимонах Иоанн, затворник Святогорской пустыни, ученик отца Филарета; Иоанникий, духовник Святогорской пустыни, целитель бесноватых; архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Николаевской пустыни, ученик отца Филарета, преподобный Серафим Саровский за 24 года предсказал ему начальствование над иноками; Макария, прозорливая схимонахиня Гамалеевского монастыря Черниговской епархии, духовная дочь старца Глинской пустыни Анатолия; Клеопатра, игуменья Севского монастыря; старец Глинской пустыни Анатолий благословил ее идти в монастырь и предсказал ей, что она будет игуменией.

К сделанному нами краткому перечню учеников старца Паисия (далеко не полному), считаем необходимым присоединить список лавр, монастырей, пустыней, скитов и общин, получивших от него или от его учеников свои уставы, своих старцев, или настоятелей, или имевших его учеников и последователей среди своего братства. Оговариваемся, что и этот наш список далеко не полон.

1. Афонский Ильинский скит и другие Афонские монастыри и скиты, находившиеся под влиянием старца Паисия и его учеников.
2. Драгомирнский монастырь Святого Духа в Молдавии.
3. Секульский Иоанна Предтечи монастырь в Молдавии.
4. Нямецкий Святовознесенский монастырь в Молдавии.
5. Ново-Нямецкий монастырь в Бессарабии.
6. Тисманский монастырь в Молдавии и другие молдавские монастыри и скиты, находившиеся под влиянием старца Паисия.
7. Александро-Невская Лавра в Петербурге.
8. Александро-Свирский монастырь Олонецкой епархии.
9. Арзамасский Спасский монастырь Нижегородской епархии.
10. Ахтырская Гусевская женская община Саратовской губ.
11. Амвросиевская Казанская женская пустынь Калужской губ.
12. Алтайская миссия.
13. Боровский Пафнутиевский монастырь Калужской епархии.
14. Берлюковская пустынь Владимирской епархии.
15. Борисоглебский монастырь Московской епархии.

16. Брянский Свенский монастырь Орловской епархии.
17. Белобережская пустынь Орловской епархии.
18. Белопесочский Каширский монастырь Тульской епархии.
19. Борисовская женская пустынь Курской епархии.
20. Белевский Крестовоздвиженский женский монастырь.
21. Волховский женский монастырь Орловской епархии.
22. Волховский Троицкий монастырь.
23. Бузулукская Тихвинобогородицкая женская община Самарской епархии.
24. Бабаевский Николин монастырь Костромской епархии.
25. Белокопытовский Казанский женский монастырь Калужской епархии.
26. Брянский женский монастырь Орловской епархии.
27. Валаамский монастырь.
28. Великолуцкий женский монастырь.
29. Вяземский Аркадиевский женский монастырь.
30. Высокогорская Чуркинская Николаевская пустынь.
31. Виленский Святодухов монастырь.
32. Горецкий девичий монастырь Новгородской епархии.
33. Гороховский монастырь Владимирской епархии.
34. Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой Лавре.
35. Глинская пустынь Курской епархии.
36. Екатериненская пустынь Московской епархии.
37. Елецкий женский монастырь.
38. Задне-Никифурская пустынь Олонецкой епархии.
39. Ивановский женский монастырь в Москве.
40. Кривоезерская пустынь Костромской епархии.
41. Коломенский Голутвин монастырь.
42. Кириллов монастырь Новгородской епархии.
43. Коневский монастырь на Ладожском озере.
44. Курский женский монастырь.
45. Козельщанский женский монастырь Полтавской епархии.
46. Кременецкий монастырь Воронежской епархии.
47. Казанский женский монастырь в городе Троицке.
48. Ильинский монастырь в Мензелинске, Уфимской епархии.
49. Каширский девичий монастырь.
50. Киево-Печерская Лавра.
51. Калужский женский монастырь.
52. Киренский монастырь Иркутской епархии.
53. Лихвинский Покровский монастырь Калужской епархии.
54. Леслевская пустынь Смоленской епархии.
55. Медведева пустынь Владимирской епархии.
56. Моденский монастырь Новгородской епархии.
57. Малоярославецкий монастырь.
58. Мещевский монастырь Калужской епархии.
59. Можайский Лужицкий монастырь Московской епархии.
60. Молчанская пустынь Курской епархии.
61. Новоезерская пустынь Новгородской епархии.
62. Новоспасский монастырь в Москве.
63. Николо-Угрешский монастырь Московской епархии.
64. Новый Афон на Кавказе.
65. Николо-Тихвинская женская община Воронежской епархии.
66. Островская Введенская пустынь Владимирской епархии.
67. Оптина Введенская пустынь Калужской епархии.
68. Одигитриевский женский монастырь в Челябинске.
69. Одрино-Николаевский монастырь Орловской епархии.
70. Осташковский женский монастырь Тверской епархии.
71. Пешношский монастырь Московской епархии.
72. Палеостровская пустынь Олонецкой епархии.

73. Паданский женский монастырь Олонецкой епархии.
74. Параклитова пустынь при Троице-Сергиевой Лавре.
75. Площанская пустынь Орловской епархии.
76. Псковский Никандров монастырь.
77. Петропавловский монастырь Черниговской епархии.
78. Пятницкая женская община Воронежской епархии.
79. Предтеченская пустынь в городе Кромах.
80. Почаевская Успенская Лавра.
81. Ростовский Яковлевский монастырь.
82. Рыхловский монастырь Черниговской епархии.
83. Рославльские скиты Смоленской епархии.
84. Сретенский монастырь в Москве.
85. Симонов монастырь в Москве.
86. Соловецкий монастырь.
87. Саровская пустынь Тамбовской епархии.
88. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь.
89. Сурпуховский женский монастырь.
90. Севский девичий монастырь.
91. Софрониева пустынь Курской епархии.
92. Святогорская пустынь Харьковской епархии.
93. Смоленский женский монастырь.
94. Спас-Чекряк, Болхобского уезда, Орловской епархии.
95. Тихвинский монастырь Новгородской епархии.
96. Троицкий монастырь в Киеве.
97. Тихонова пустынь Калужской епархии.
98. Троицкий женский монастырь в Бирске Уфимской епархии.
99. Троице-Сергиева Лавра.
100. Устюжский монастырь Новгородской епархии.
101. Усть-Медведицкий женский монастырь Донской епархии.
102. Успенский монастырь в Оренбурге.
103. Уфимский Благовещенский монастырь.
104. Флорищева пустынь Владимирской епархии.
105. Филиппо-Иранская пустынь Новгородской епархии.
106. Челнская пустынь Орловской епархии.
107. Якутский монастырь.

Из сказанного видно, как широк был круг влияния старца Паисия. У нас в России он распространялся на монастыри 35 епархий, причем наибольшее число монастырей, имевших учеников старца Паисия, находится в Московской епархии (14); далее следуют: Орловская епархия (12), Калужская (9), Новгородская (7), Владимирская (6), Курская и Смоленская по 5, Олонецкая — 4, Петербургская, Тульская, Воронежская, Оренбургская и Уфимская по 3, Костромская, Псковская, Киевская и Черниговская по 2, остальные по одному.

Настоящая книга была написана в исключительные дни, когда не только в России, но и повсюду идет жестокая борьба против самых оснований христианства. Развивается стремление построить жизнь человечества на иных новых основаниях, которые именуются социалистическими и коммунистическими, но которые правильнее было бы назвать атеистическими и материалистическими. Христианство в течение двух тысячелетий указывало человечеству, что ни в самом человечестве и ни в самом человеке, оторванном от вечного начала жизни, от Бога, нельзя найти истинный смысл и оправдание жизни. Их можно найти только в познании Бога, в единении с Ним и в любви к Нему и в согласовании своей жизни с волею Божией. Вне этого подчинения воле Божией человеческая жизнь превращается в сплошной хаос озлобленной борьбы и взаимного уничтожения.

Христианство открыло человечеству глубочайшую тайну спасения мира и человека чрез Воплотившегося и Распятого на кресте Сына Божия, Богочеловека Иисуса Христа, через Его

святую Церковь и Его святые Таинства, особенно же Таинство св. Причащения, и через Его учение. Во имя этой спасительной веры оно зовет людей к братскому единению и мирному строительству общей жизни, к непрерывному развитию всех сторон человеческой жизни — умственной, нравственной, эстетической и материальной. Христианство не пренебрегает земною жизнью, хотя и видит в ней лишь подготовительную ступень к жизни вечной. Оно обещает людям бессмертие. Своим мировоззрением и своим религиозно практическим укладом жизни христианство в течение двух тысячелетий воспитывало человечество, произвело огромный подъем его духовных сил, создало огромные ценности в произведениях живописи, музыки, архитектуры, литературы и науки, облагородившие человеческие нравы и отношения. Оно открыло перед людьми необъятный мир новой глубокой необъятной жизни.

Вот это-то христианское мирозерцание и создаваемый им духовный облик человеческой души — и противны новым людям. Их идолом является человек, которого они считают высшим существом природы, и в то же время они не верят в его бессмертие: для них человек только высшее из животных, и его существование ограничивается одной землей. Противореча самим себе, они не замечают ничтожества человеческого существования, строят здание на песке. И в то время, как христианство призывает людей к общему братскому единению, они углубляют раздор, сеют вражду и призывают к взаимному истреблению во имя классовых интересов. И вот на арене мира идет великая борьба: безбожие борется с христианством. Из Откровения Иоанна Богослова мы знаем, на чьей стороне будет победа. Но сколько душ отрываются в этой борьбе от Бога, от полноты осмысленной и счастливой жизни! Старец Паисий Величковский всею своею жизнью и всем своим духовным обликом является светлым и привлекательным выразителем христианского духа, противного духу безбожия. С раннего детства его душа уже была неразрывно связана с Богом верою и любовью. Он был бесконечно далек от горделивого возношения человеческою личностью. У него не было другого желания, кроме желания быть исполнителем воли Божией. В этом стремлении к согласованию своей воли с волей Божией и в постоянном духовном росте по образу и подобию Божию заключались смысл и радость его жизни. Но не только в себе самом создавал он и носил он этот смысл и эту радость. Он распространял их и вокруг себя и прежде всего в том многочисленном христианском братстве, которое объединялось около него. Если угодно, это была коммуна, но коммуна, созданная не насилием и не кровию, а свободным произволением, самоотвержением и братскою любовью во имя Христово.

Выпуская нашу книгу, мы хотим, чтобы в живом примере старца Паисия Величковского не только монашествующие, но и все христиане нашли жизненное подтверждение разумности и правильности христианского пути и возможности его практического осуществления при условии, конечно, полного и самоотверженного послушания Богу, принятия на себя благого и легкого ига Христова (Мф. 11,30).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ О СТАРЦЕ ПАИСИИ ВЕЛИЧКОВСКОМ

А. РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Рукопись Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности собрания А. И. Яцимирского № 58. «Повесть о святом соборе превозлюбленных о Господе отец и братии и чад моих духовных, собравшихся во имя Христово ко мне недостойному спасения ради душевного, промыслом Божиим пребывающем во святых и честных сих обителях: Во святей и Великой обители Вознесения Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, на-рицаемой Нямец; и во святой обители Честного славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, именуемой Секул; како и коея ради вины святыи сей собор собрался ко мне грешному и недостойному». Рукопись представляет автобиографические записки старца Паисия, писанные во время его пребывания в Нямец и обрывающиеся на первом его пребывании в Молдовлахии.
2. Того же собрания рукопись № 65: Послание старца Паисия к инокам о заветах монашеского жития и о своей жизни.
3. Того же собрания рукопись № 66: Послание старца Паисия о безмолвной молитве и других аскетических вопросах.
4. Рукопись Петроградской Императорской Духовной Академии № 279, заключающая в себе, а) Житие и подвиги блаженного нашего отца старца Паисия. «Бежание от мира, странствие

- его, собрание к нему братии и сожитие с ним». Житие составлено учеником старца схимонахом Митрофаном, бывшем при нем около 30 лет, б) Поучение на пострижение монашеского чина; в) Послание к некоему иерею Димитрию; г) Послание к архиереям православные молдовлахийские земли, с изложением устава и чина монашеского общежития старца; д) Надгробное рыдание старцу; е) Служба преподобному старцу Паисию.
5. Рукописный сборник сочинений старца Паисия из библиотеки Ново-Нямецкого монастыря в Бессарабии, заключающий в себе: а) Предисловие о чине и уставах блаженной памяти отца нашего старца Паисия общежительного собора; б) Письмо старца Паисия всечестнейшему Феодосию, скита Цибукан игумену; в) Письмо к тому же Феодосию архимандриту Софрониевой пустыни в России (более подробное, нежели имеющееся в печати); г) Обличение иеромонаха Феопемпта, хулящего умную молитву; д) Ответы старца Паисия, писанные от него к неким ревнителям в России на некие вопросы; е) Того же старца Паисия премалое сочинение о знаменнии честного и животворящего Креста, им же подобает православным христианам знаменоватися; ж) Письмо к преподобному учителю иеромонаху Кир Никифору (впоследствии архиепископу Астраханскому); з) Письмо к пустынным отцам, безмолвствовавшим 25 лет над потоком Вороною, Онуфрию и Николаю; и) Того же Паисия ко всечестному иерею отцу Иоанну краткое послание и др. Сборник писан рукою ученика старца Паисия схимонаха Платона в 18 веке.
 6. Сборник Симоновского собрания рукописей московской синодальной (Патриаршей) библиотеки № 56. В нем находится: 1) Житие блаженнейшего отца нашего старца Паисия, собранное от многих писателей, и сочинено отцом Платоном, во дни благоверного государя нашего Михаила Григориевича Струццы воеводы, благословением преосвященного митрополита Кириу Кир Вениамина, при архимандрите и старце святых монастырей Нямца и Секула Мардарии в Нямецком Вознесенском монастыре в лето 1830. Кроме жития в этом сборнике находятся еще некоторые статьи и переводы старца Паисия из перечисленных выше.
 7. Того же собрания рукопись № 47 о Соловецких пустынножителях, заключающая в себе рассказ Соловецкого старца иеросхимонаха Феофана о посещении им Нямецкого монастыря при старце Паисии.
 8. Сборник Секульского монастыря (без номера), заключающий в себе: а) Предисловие о чине и уставе блаженной памяти отца нашего старца Паисия общежительного его собора и самый чин и устав в 18 пунктах; б) Житие и подвиги блаженного отца нашего и старца Паисия (монаха Митро-фана); в) Надгробное рыдание старцу Паисию от всех чад - его духовных; г) Служба преподобному старцу Паисию; д) Письма старца Паисия: Феодосию, скита Цибукан игумену; свиток сочинения старца отца нашего Паисия разделен на главы, о умной молитве; жалоба монахов Поляно-Во-ронской обители своему игумену на иеромонаха Феопемпта, хулящего умную молитву и общая их жалоба на того же Феопемпта старцу Паисию 1793 года (19 июня); послание к ним старца Паисия; письмо к учителю иеромонаху Никифору (Феотоки) в ответ на просьбу прислать из монахов, могущих обучать детей в городских школах; письмо старца Паисия от 7 июня 1776 года к пустынным отцам Онуфрию и Николаю, по поводу болезни последнего.
 9. Сборник Орловского епархиального Древлехранилища № 354/111, заключающий в себе выписки из святоотеческих книг о молитве, смирении, терпении, чистоте сердца и прочее. Сборник написан учеником старца Паисия Свенского Брянского монастыря схимонахом Афанасием и передан им в 1810 г. на благословение другому ученику старца Паисия схимонаху Площанской пустыни Афанасию Захарову, учителя старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария.
 10. О подвигах иноческих. Сборник, заключающий в себе выписки из святоотеческих книг, о духовной жизни. Писан настоятелем Оптиной пустыни архимандритом Моисеем во время его пустынножительства в молодости в Рославльских лесах 1812—1821 гг. Интересен для изучения характера келейных занятий последователей старца Паисия в России.
 11. Рукопись Нямецкого монастыря в Молдавии № 150. Схимонаха Митрофана — Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия, бежание от мира, странствие его, собрание к нему братии и сожитие с ним.
 12. Того же монастыря рукопись № 155. Главы ответные блаженного отца нашего старца Паисия противу хулы, бывшие на него от некоего старца Афанасия, еще во святей горе

Афонской писаны. (Перечтены в особую книжицу иеромонахом Нямецкого монастыря Нафанаилом 1837 года.)

13. Того же монастыря рукопись № 143. Иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сирина постника и отшельника, бывшего епископа христоролюбивого града Ниневии, словеса постническа, написана убо от него свойственным языком, сказана же от преподобных отец наших Аввы Патрикее и Аввы Авраамия любомудрых и безмолвных, безмолвствовавших в лавре иже во святых отца нашего Саввы. Перевод блаженного старца Паисия. Писано Гурием 1798 года. Замечательно как художественный образец работы учеников старца Паисия.
14. Рукопись Румынской Академии в Бухаресте (Akademia Romana) № 398. Выписки из ответов блаженного Паисия на обращенные в нему вопросы.
15. Той же Академии рукопись № 485: поучение на пострижение монашеское.
16. В. Казанакли. Паисий Величковский и его значение в истории православного монашества. СПб. 1888—1889. Рукописное кандидатское сочинение, рекомендованное профессором Петроградской Духовной Академии И. С. Пальмовым как ценное пособие.
17. Орловского епархиального древлехранилища рукопись № 58. Аскетический сборник об умной молитве.
18. Того же собрания рукопись № 59: Сборник аскетических статей об умной молитве.
19. Того же собрания рукопись № 54. Внутренние сокровища (XVIII—XIX век).
20. Того же собрания рукопись № 20. Рукопись Площанского монастыря и сборник 1758 года о духовном делании.
21. Ново-Нямецкого монастыря рукопись № 37. История о начатии и построении святого монастыря, именуемого Вознесения на небо Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа.
22. Того же монастыря рукопись № 38. Вход в общее и евангельское житие.
23. Того же монастыря рукопись № 96. Сборник сочинений и писем старца Паисия, писанный рукою архимандрита Андроника.
24. А. П. Орловский. Наглядная таблица русского старчества, идущего от старца архимандрита Паисия Величковского.

В. ПЕЧАТНЫЕ ПОСОБИЯ.

1. Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского с присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником старцем Василием Поляномерульским, об умном трезвении и молитве. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Москва, 1892.
2. Житие и писание молдавского старца Паисия Величковского. Издано для Ново-Нямецкой Свято-Вознесенской Обители в Бессарабии. Одесса, 1887.
3. Молдавский старец Паисий Величковский 1722—1794. Краткий биографический очерк с приложением учения старца Паисия об умной молитве. Ректора Волынской духовной семинарии архимандрита Амвросия. Почаев, 1902.
4. Паисий Величковский, подвижник благочестия 2-ой половины прошлого столетия. Полтавские епархиальные ведомости, 1897. №№ 22-23.
5. Паисий Величковский и его значение в истории православного монашества. Кишиневские епархиальные ведомости. 1898. №№ 18—24.
6. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков в 12 книгах. Издание Афонского Пан-телеймоновского монастыря. В этих книгах можно найти сведения как о самом старце Паисий, так и о его учениках в России.
7. Профессор А. И. Яцимирский. Возрождение Византийско-Болгарского мистицизма и славяно-аскетической литературы в 18 в. Харьков, 1905 г.
8. Его же: Исследования в Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Том 79, 1905. Здесь помещено описание славянских рукописей Нямецкого монастыря, писанных старцем Паисием и его учениками.
9. Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского. Слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни под руководством старца и иеросхимонаха

- Макария. В предисловии находится рассказ старца Паисия о его переводческой деятельности.
10. Об умной или внутренней молитве. Сочинение блаженного старца, схимонаха и архимандрита Паисия Величковско-го. Перевод с славянского. 1902.
 11. Н. Попов. Рукописи Московской синодальной (Патриаршей) библиотеки. Выпуск 11(2). Симоновское собрание. (О рукописях старца Паисия.).
 12. В. Е. Бучневич. Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава, 1882.
 13. И. Ф. Павловский. Полтава.
 14. И. Левицкий. Гр. Очерки народной жизни в Малороссии во 2-ой половине XVII века. Киев, 1902.
 15. Асоченский. Киев с его древнейшим училищем Академиею. 2 т.
 16. Д. Вишневский. Киевская Академия в 1-ой половине XVIII в. Киев, 1903.
 17. Антонович. Исследование о Гайдамачестве по актам 1700—1768. Киев, 1876.
 18. Архиепископ Филарет. История русской Церкви. Период 5.
 19. Профессор Голубинский. Краткий очерк истории православных Церквей: болгарской, сербской и румынской.
 20. Арсений, епископ Псковский. Исследования и монографии по истории молдавской Церкви. СПб., 1904.
 21. Письма Святогорца о Святой горе Афонской. Издание 8. Москва, 1895.
 22. Русский общежительный скит Св. Пророка Илии на Афоне. Издание 4. Одесса, 1913.
 23. Князь А. Дабижа. Малороссийская обитель на Афоне. Киевская Старина, 1893, январь.
 24. Ново-Нямецкий монастырь. Кишинев, 1881.
 25. Соловецкий патерик. Москва, 1895. В этой книге имеется рассказ старца иеросхимонаха Феофана о его пребывании у старца Паисия в Нямце.
 26. К. Н. Леонтьев. О старчестве // Русское Обозрение, 1894. Оптинский старец Амвросий // Гражданин. 1891. Воспоминания об архимандрите Макарии (Афонском) // Гражданин, 1889.

В 1938 году в Эстонии была напечатана в двух выпусках книга прот. Сергея Четверикова «Молдавский старец схимонах-архимандрит Паисий Величковский». По сравнению с рукописью о. Сергея в этом издании были сделаны значительные сокращения. Наше издание труда прот. С. Четверикова сделано по его рукописи. «Схема роста православного старчества в XVIII и XIX вв.», составленная под руководством прот. С. Четверикова, по техническим причинам не могла быть воспроизведена нами.

Приложение 1

ИНСТРУКЦИЯ КИЕВСКОГО АРХИЕПИСКОПА РАФАИЛА ЗАБОРОВСКОГО ПРОФЕССОРАМ И СТУДЕНТАМ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

1. Сообразно монаршему повелению в Академию для приобретения познаний принимается каждый, откуда бы кто ни прибыл, свободный человек всякого состояния и звания, только бы исповедывал восточную христианскую веру и был способен к учению.
2. Делатели наук всегда должны служить для учащихся высокими образцами веры в Бога и любви особенно; кроме того скромности, вежливости, доброго воспитания и образованности, а также должны представлять собою пример не только внутренней чистоты души, но и внешней опрятности тела и одежды.
3. В праздничные дни, а также и такие, в которые не бывает учения в школах, как наставники, так и ученики и особенно проживающие в бурсе, всегда и непременно, за исключением законной причины, обязываются посещать в сопровождении надзирателя все церковные молитвословия и службы и особенно святейшую литургию.
4. Все студенты нашей Академии, как находящиеся в бурсе, так и проживающие вне ее, должны всякий пост однажды, а в четырехдесятницу дважды, по древнему обычаю с должным приготовлением и покаянием исповедываться и приступать к таинственной вечери Господа и Спаса нашего.

5. Все студенты непременно должны поспевать в Академию к самому началу учения в первых числах сентября и ожидать окончательного роспуска школ в средних числах июля. Если же какой студент преждевременно до каникул, а наипаче без ведома и благословения префекта и профессора, уйдет из Академии, такового, хотя бы он и возвратился в школу, наказывать непременно, также без свидетельства академического никто из студентов не должен шататься по городу для испрошения подаваний. При сем и то надо наблюдать, чтобы недостойные не были допускаемы к высшим степеням академического учения, равно чтобы и ученики, без своих собственных заслуг по одному потворству и лицепритию учителей, не занимали мест достойнейших, иначе недостойные сравняются с достойными и нерадивейшие с примерными, отчего одни потеряют охоту учиться, а другие будут более и более погрязать в лености.

6. Студенты при первом звоне академического колокольчика тотчас должны своевременно являться в свой класс, при втором же меньшем аналогисты, инфимисты, грамматисты и синтактики должны садиться на свои скамейки. Учителя же входят следующим порядком¹ первых двух школ до 3-го звонка, учителя грамматики и синтаксиса непосредственно после 3-го, поэзии и риторики после 4-го, невзирая ни на какие частные свои нужды. Прямые же обязанности по своим классам они должны исполнять верно с пламенным усердием и легчайшим, сколько возможно, способом, более имея в виду пользу своих учеников, чем тщеславясь своим умом, и оставаться на уроках до конца, прежде которого никто ни из учителей, ни из учеников выйти из своей школы не может, разве уже по крайней надобности. По окончании уроков не должны медлить в классах, но за окончательным сигналом все школы в предшествовании своих наставников чинно входят в церковь для того, чтобы вознести к Богу хотя коротенькие молитвы и воздать Ему благодарение.

7. Все академики под строгой ответственностью и особенно учителя и наставники должны поставить себе законом, чтобы как в коллегиальных школах, так и в бурсах, а равно между собою и с учениками, всегда разговаривать по-латыни, а ученики для ежедневного употребления должны иметь при себе *calculum*. Кроме того, в меньших школах от аналогии до философии должны излагать и представлять упражнения на трех языках попеременно — славянском, польском и латинском. В философии и богословии постоянные собеседования (без чего нельзя в совершенстве усвоить себе познаний) и частые диспутации самим делом должны быть исполняемы. А говорить по-латыни всегда и везде непременно обязаны всех школ аудиторы и особенно наставники, кроме аналогистов и инфимистов, которые преимущественно учатся на языке польском и говорят им.

8. Каждая низшая школа везде должна уступать место высшей и оказывать ей почтение даже внешними знаками уважения. В случае какой-либо обиды от студента, а в особенности не от академика, никто не должен считать себя вправе сам собою отомстить за обиду, но ожидать удовлетворения от высшей власти.

9. Все академики обязаны непременно присутствовать при всех академических церемониях, в какой бы день ни случилось, а также и в дни воскресные, при великой инструкции все члены старшего братства, а при малой — не принадлежащие к оному.

10. Студенты, успешнейшие в науках и известные своим благонравием, должны быть предпочитаемы прочим, а более заслуженные должны быть отличаемы вниманием Академии от незаслуживающих того. Студенты же, мало подающие надежду, ленивые и непокорные, должны быть чаще увещиваемы, а вовсе не подающие никакой доброй надежды, каковы: пьяницы, буяны, возмутители, ябедники и плуты, как неспособные к исправлению, должны быть изгоняемы из Академии, дабы в сообществе дурных не портились добрые. Впрочем, если бы некоторые и отличались прекрасною нравственностью, но оказались бы до того тупоумными, что от них никакой пользы не может ожидать ни Церковь, ни отечество, то таковых, чтобы напрасно не убивали своего времени, должно увольнять из Академии для избрания себе того рода жизни, в котором могли и себе и другим быть более полезными, дабы, таким образом, Академия славилась не столько количеством, сколько качеством студентов. Особенно ставится это на вид наставникам.

11. Студенты всякой школы ни в каком случае не должны буйствовать против кого бы то ни было, а особенно против наставников. Таких буянов строго должно наказывать или лучше изгонять.

12. Наставники и особенно надзиратели не должны обращаться с подведомственными себе не слишком строго, не слишком слабо, и обязаны держаться в этом случае середины, как повелевает им долг просвещения и вежливости, а также опасно должны беречься бранить учеников как публично, так и дома поносными словами.

13. Ни один ученик без соизволения учителя своего, а особенно домашнего надзирателя, не смеет не быть в школе и отлучаться куда-либо с квартиры; в противном случае он подвергнется наказанию.

14. Никто из академистов не должен шататься по ночам, но все обязаны быть по квартирам и заниматься своим делом. Всякий праздношатающийся или пьяный студент, пойманный своим сениором, непременно должен быть подвергаем штрафу или наказанию.

15. Каждый надзиратель согласно своей обязанности должен смотреть за вверенными ему учениками, где бы ни случилось быть с ними, чтобы они вели себя скромно, умно и вежливо. Коли же кто из надзирателей станет пренебрегать сею обязанностью или сам будет не ночевать дома из-за какого-либо беспутства, или заводить у себя пирушки, или начнет употреблять пищу и питье и прочее артельное достояние в свою пользу, расточая его бесчестно или превысит власть свою, такового тотчас же удалять от места.

16. Студенты не должны вносить с собою в Академию никакого оружия, а также стрелять из ружья или пистолета. Одеваться должны просто и прилично. Если же кто и оделся бы по моде, то это не дает ему права изменять принятые академические обычаи и смеяться над одеянием других.

17. Каждый подначальный академист во всяком случае должен оказывать должное всевозможное повиновение и почтение старшему себе, лишь бы только это не было противно законам божеским и человеческим. В деле же бесчестном не следует ни содействовать, ни повиноваться старшим.

18. В квартирах студентов лица подозрительного поведения не должны быть терпимы; равно не позволено нанимать квартир и жить в таких домах, которые или оподозрены или обесславлены чем-либо преступным. Это для того, чтобы избежать столкновения с людьми дурного общества.

19. Ходить на зрелища, где происходят гладиаторские или кулачные бои, даже смотреть на них, а тем более самим ввязываться в драку никак не должны студенты. Но чтобы не оставаться всегда в напряженном состоянии, позволено в определенные дни поиграть на приличных студенту музыкальных инструментах; также не воспрещаются и другие пристойные игры на непродолжительное время собственно для восстановления бодрости духа.

20. Никто из студентов без ведома и позволения префекта и профессора не должен беспокоить великих и знатных особ просьбами или писать им панегирики, составлять рисунки и вообще делать что-либо особенное в этом роде. Не вправе также — ни ученики взять себе надзирателя, ни надзиратель ученика по своему произволу без разрешения префекта.

21. Необходимо, чтобы каждый студент, как тот, который совершает курс учения, так и тот, который до окончания курса по законной причине выбывает из Академии, при выпуске из школы получал от префекта открытое свидетельство о своих успехах в науках для повсеместного удостоверения в своем образовании. Для этого префект училищ обязывается ежегодно вносить в библиотеку Академии для будущих справок и для всякого случая как частные и годовичные списки, составленные верно учителем каждой школы с означением имени, фамилии и правдивой аттестации учеников, так и общий всех учеников и студентов, составленный со всяким тщанием по порядку и достоинству школ, где должны быть обозначены имя, прозвание, вероисповедание, отечество, звание и состояние родителей, а также возраст и познания ученика.

22. Префект Киевской Академии, доброму управлению которого должны повиноваться все студенты всех школ и даже наставники оных, обязывается непременно как сам прилежно соблюдать и исполнять сии постановления, так и всех академистов обязывать к исполнению оных. Нарушителей же сего устава увещевать и пристойно исправлять.

Приложение 2

«ПОУЧЕНИЕ НА ПОСТРИЖЕНИЕ МОНАШЕСКОГО ЧИНА»*

Монах есть духовный воин, который, подобно воинам мира, должен облечься оружием для успешной победы над врагами... Брань Христовых воинов направлена против плоти, мира и

* Заимствовано (с немногими сокращениями) из рукописей Петербургской Духовной Академии № 279 и Akademia Romana в Бухаресте № 485.

дьявола. На дьявола Спаситель повелевает взять крест. Плоти повелевает противиться отвержением отца, матери, сына и дочери.

О мире говорит: «Аще мир весь приобретаем, кая польза нам есть?» Свидетели брани — Бог и Ангелы, дьявол и ангелы его. Место брани — расстояние между праведниками и грешниками. Конь — тело. Всадник — душа. Начальник воинству — ум. Оружие: вера — щит, терпение — шлем, прилежная молитва — меч, нелицетворное (нелицемерное) смирение — лук и стрелы. Начальники сатанинского воинства: гордость, лакомство, нечистота, убийство, тщеславие, ярость, гнев. Ими командует дьявол и грехом, как стрелою поражает душу. Второй полк сатанинской крепости — злоба мира сего. Самое тело наше вздымается на душу нашу — объядением, пьянством, вожделением блуда, леностью и другими страстями. В этой трудной борьбе видимого естества с невидимым человек без помощи Божией бессилен.

Первый шаг в борьбе против мира сего — оставить его, отвергнуть его сладострастие, прелестное мечтание красот его, тленное богатство, временное веселие, принять добровольную нищету Христову. Спешить из тьмы греха в землю обетования, к чистоте и безгрешности богоугодной жизни. Устранитесь от мира странствием невозвратным. И этим победишь врага, и этою победою увеселишь небо и печаль сотворишь демонам. Если же враг одолеет тебя и возьмет в плен душу твою, тогда, если и всего мира богатство и красоту приобретешь, никакой пользы тебе не будет. Не смущайся мыслью об оставлении родных: отца и матери, жены и детей, брата и сестры: они остаются в мирской заботе своей, как мертвецы, хоронящие своих мертвецов. Ты же поспешай к работе Божией, отходи от земного мудрования к небесному, где Христос царствует во веки. Впрочем, от сродников нужно отлучаться только тех, которые препятствуют твоему спасению и думают о земном, говоря: собирай, сыне, богатство мира, приобретай земли, насаждай виноградники, собирай множество рабов и веселись во все дни жизни своей. От таких родителей нужно убегать, ибо они вместо света указывают тьму, вместо жизни — смерть. Если же родители советуют доброе и приводят нас к Богу и служению Ему, таких нужно любить, почитать за святых и покоряться их воле и совету.

От многоядения, многопития и блуда удерживайся постом. Леность бодростию побеждай. Тело не только не враг нам, оно друг нам. Телом мы можем поститься, слезы проливать, колена преклонять, милостыню творить; без тела, одной душой, мы не можем этого делать. Тело хранит душу от гордости, ибо душа, будучи высокого рода, как образ Божий, может увлекаться высокоумием; когда же вспомнит о своем теле, смиряет свое высокоумие. Потому и сказано у св. Григория о теле, что оно «враг милостивый» и «друг коварный». Не будьте же пленниками дольного мира, тела и смерти, но к горнему миру и бессмертному пределу устремляйтесь, да будете наследниками его света. И если победите первые полки врагов ваших, тогда сможете ополчиться и против самого дьявола и поразить воинство его. Только воспримите все оружие Божие. Трояким оружием — верою, терпением и молитвою разрушается и прогоняется вся сила вражия; гордыня — смирением, тщеславие — отречением себя самого, блудодеяние — чистотою. Наиболее же крестом победишь врагов твоих. Терпением должно распять себя на кресте и умереть миру и греховному житию. И тогда Ангелы Божий выйдут навстречу тебе радуясь, и Царь Славы Христос восприимет победоносца Своего и прославит его пред собранием пресветлых Ангелов Своих, пред патриархами, пророками и апостолами и причислит его к лику праведных, и даст ему место в Царстве Своем небесном.

Что такое инок? Инок — исполнитель всех заповедей Христовых, совершение христианства, бездна смирения, столп терпения, незабвенная память смерти, неоскудный источник слезного течения, сокровище чистоты, ругатель тленным, поправитель всех красных и прелестных мира сего, самовольное умерщвление, повседневный мученик и трудник, Богоприят-ная жертва, присногорящий светильник премудрости духовной, ум просвещенный, соглядатель всех видимых и невидимых, скорошественное моление, богомышление, сердце чистое, немолчные уста хвалы Божией, жилище Святой Троицы, позор ангелом и человекам, страшило бесам.

Инок потому так называется, что имеет иное житие, не телесное, но духовное, иное деяние, иной век, иную пищу, иное одеяние и работу. Он именуется черноризец, ибо имеет черные плачевные ризы. Он именуется монах, что значит уединенный, беспечальный, единый с Единым Богом долженствующий пребывать. Первый законоположник монашеству — Мелхи-седек, священник Бога Вышнего, живущий без жены и без рода в пустыне; второй — Илия, в пустыне Хоривской; третий — Иоанн Креститель, в пустыне Иорданской, не имевший никакой собственности, не знавший мяса и вина и одевавшийся во власяницу. Чин монашества утвержден самим Господом Иисусом Христом и Его Апостолами. Господь жил в девстве, убожестве и

нестязательности. Также и Апостолы, все оставивши, последовали за Христом. Иноки следуют учению и совету Христа, ревнуют жизни апостольской. Они оставляют все радости мира, отказываются от женитьбы, веселья и покоя телесного, от временного богатства и идут за Христом, взявши крест свой, скитаясь в пустынях и горах. Вместо светлых домов живут в темных пещерах; вместо жены и детей живут со зверями земными и птицами небесными. Ложе их — земля, покров — небо. Иноки приняли на себя крест повседневного терпения, чтобы всецело служить Господу. Апостол говорит: «Если кто постится и молитву деет, да отлучится жены на время». Иноки всегда пребывают в посте и молитве даже до смерти, потому и не имеют жен. И в Ветхом Завете повелено: «Приступающие к Господу — жены отлучаются». Иноки всегда работают, всегда предстоят в службе Господу: потому отлучаются от жен даже до смерти, работая Богу в чистоте. Хотя еретики и унижают иноков, будто бы они гнушаются брака и мяса, но это не так. Инок отказывается от брака и мяса не потому, что гнушается, но из воздержания. От создания мира до потопа люди не ели мяса и не пили вина. И в законе Моисеевом назореи вина не пили и мяса не ели. И Даниил и три отрока гнушались мяса Навуходоносора. И Моисей и Илия, и сам Господь мяса не ели и вина не пили 40 дней. Иоанн Креститель всю жизнь мяса не ел и вина не пил. То же передают и о св. Евангелисте Матфее и об апостоле Иакове Алфеевом. В иночестве осуществляется всякая добродетель христианская. Христос был примером чистоты и убожества (бедности) и послушания, даже до смерти, смерти же крест-ная. Последуя Господу, и иноки обещаются перед Богом и клятвою обязуются на чистоту и девство истинное, убожество добровольное и послушание нелицемерное.

Иноческое житие разделяется на три чина: а) общежительный, б) скитский, и в) уединенных пустынножителей. Существует и четвертый вид — самовольников, разбойнически живущих, каждый имея свое стяжание, свою волю. Они лицемерствуют, а не иночают. Иноки же трехчинного монашества должны украшать себя великою добродетелью, смирением, целомудрием, терпением, любовью, постом и молитвою.

И потому, иноки, не будьте рабами лености и гнусности, но работайте Господу, в страхе и трепете соделайте ваше спасение, украшайте ум богомыслием, ибо это истинное иноческое дело, не дремание и сны любите, но молитву прилежную в устах ваших творите. Не временного века тленных благ ищите, но будущего вечных. Если сие сотворишь, раб истинный Бога будешь. А Господь твой глаголет: Идеже Аз буду, там и слуга Мой со Мною воцарится, во славе Царствия Моего. Аминь.

Приложение 3

НАДГРОБНОЕ РЫДАНИЕ

Старцу Паисию от всех чад его духовных *

А.

1. Образ лица твоего, Паисие чудный,
Мог начертать художник, искусством нетрудный,
Но доброта разума коль предивна бяше,
Изобразить словом никтоже можаше.
Един Солнца Свет ум твой сказати удобен,
Единому един ты солнцу был подобен.

Б.

7. Благодетием дух твой аки огонь горяше,
Учением догматов всей Церкви светяше,
Ты насадил правы иноков уставы,
Возрастоша здравии беседы и нравы.
Ты открыл учения, разделив на лики,
Да славословят творца разными языки.
Ново благолепие церкви восприяша,

* Составлено иеросхимонахом Иоанном Диakovским, уроженцем г. Лубоч. Диakovский был «высокого учения», проповедник Св. Софии в Киеве, умер спустя 4 месяца после Паисия.

Лучшим образом Ему служить познаша.
Чтение и пение толико красно явися,
Аки от сна воспрянув, весь мир удивися.

Г.

17. Елико же тщалив бе церкви украститель,
Толико остроумен и дому Строитель,
Не совершив малого дела без совета,
Не оставив нужного слова без ответа,
Зная держати в руках мерило правдиво,
Изобрази сокровен Промысл Божий живо.
Не пренебрег своего, еже бе во власти,
Не отторже чуждого малейшие части.
На трудящихся добре прилежно смотряше,
Коемуждо мзду добру на сердце писаше.
Во всем долготерпелив и благорассудный,
Праведно наречеся Паисие чудный.

Д.

29. Твоя плещи едины толико труд ношаху,
Елик многие мудри нести не можаху.
Лицем светел, образом ты был сановитый,
Нестыдно монархом к тебе потрудитесь.
Беседа твоя кротка, в советах смиренна,
Солию благодати бяше растворенна.
Словеса твоя верна и истинна бяху,
Свидетельство неложно слезы источаху.

Е.

37. Великодушен в нужде, не горделив в чести,
Равно благословляше Вышнего без лести.
Ласкательство срамное мудро отражаше,
Тщеславия мирского точно убегаше.
Обличаше противных прикладно искусно,
Не испаде из уст его слово гнусно.

С.

43. Ты странным был отрада, покой претружденным,
Болящим врач и цельба умом поврежденным.
Милостыни от тебе течаху рекою,
Бог удовлетворяше скудных твоею рукою.

З.

47. В тебе добродетель вся живяше испытно,
И к книгам отеческим любовь ненасытна.
Дни и ночи их ради без сна провождаше,
Из тьмы нерадения во свет изводяше.
Любя переводити оные на многи языки,
Да знают подвиг древних, последние вики.

Н.

53. Удивляхуся страны предивному слову,
Стекахуся прияти пользу душ готову.
С надеждою твердою к тебе притекаху,
С радостию полною в дома отхождаху.

О.

57. Сердце наше желаше в век тебе светити,
Увы, найде год темный свет твой угасити.
Не угасе свет твой, ни, но только сокрыся,
От земли круга на круг светил преселися.

I.

61. Блистай убо на тверди, лий лучи утишны,
В тебе свое селение положи Всевышний.
Память твоя блаженне, во славе пребудет
Блистающая, дондеже мир стояти будет.

Aj.

65. Мы, чада духовни, от тебе рождении,
От тьмы неведения во свят изведенни,
Благодарим Вышнего во веки живуца,
Давша нам пастыря тя, всех горе влекуца.
Твоим мольбам, о отче, всех себе вверяем,
Мертву ти, аки живу, главы преклоняем.
Моляшеся о стаде твоём не забуди,
72. Да внидем в радость вечну, предстатель нам буди.
Аминь.

Прим. Своеобразная нумерация стихов, сделанная автором «Рыдания», отмечает, по-видимому, наиболее знаменательные годы в жизни старца: рождение, поступление в Школу, удаление от мира, пострижение в мантию, принятие священства... Общее же число стихов соответствует числу лет земной жизни старца.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
ЖИЗНЬ ДОМА И В ШКОЛЕ	2
(1722—1739).....	2
ГЛАВА 1.....	2
РОДИНА СТАРЦА ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО.....	2
ГЛАВА 2.....	4
ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ. ДЕТСКИЕ ГОДЫ В РОДНОЙ СЕМЬЕ. ПОСТУПЛЕНИЕ В КИЕВСКУЮ АКАДЕМИЮ. ПОРЯДКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	4
ГЛАВА 3.....	9
ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИЧКОВСКОГО В КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ВЛЕЧЕНИЕ К МОНАШЕСТВУ. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ПОСТУПИТЬ В КИТАЕВСКИЙ СКИТ. ОБЪЯСНЕНИЕ С ПРЕФЕКТОМ АКАДЕМИИ. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ С МАТЕРЬЮ. БЕГСТВО ОТ МИРА	9
ГОДЫ СТРАННИЧЕСТВА — В ПОИСКАХ ДУХОВНОГО РУКОВОДСТВА	13
(1739—1746).....	13
ГЛАВА 1.....	13
НАЧАЛО СТРАНСТВОВАНИЯ. ПРИБЫТИЕ В ЧЕРНИГОВ. ЖИЗНЬ В ЛЮБЕЧСКОМ МОНАСТЫРЕ. ПЕРВОЕ ИСКУШЕНИЕ. БЕГСТВО В ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ	13
ГЛАВА 2.....	16
СТРАНСТВОВАНИЕ ПО ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ. ЧЕРНОБЫЛЬ. РЖИЩЕВ. ПОВЕСТЬ О ЗАМУЧЕННОМ УНИАТАМИ ПРАВОСЛАВНОМ ДЬЯЧКЕ. ПУСТЫННИК ИСИХИЙ. ПРЕБЫВАНИЕ В МЕДВЕДОВСКОМ МОНАСТЫРЕ. ПОСТРИЖЕНИЕ ПЕТРА В РЯСОФОР. ПРИТЕСНЕНИЕ ОТ УНИАТОВ. УХОД В КИЕВО-ПЕЧЕРСКУЮ ЛАВРУ	16
ГЛАВА 3.....	21
ПРЕБЫВАНИЕ В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ. ПОВЕСТЬ О ТОМ, ЧТО БЫЛО С МАТЕРЬЮ ПЛАТОНА ПО УХОДЕ СЫНА ИЗ ПОЛТАВЫ. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛАВРСКИЕ ПОДВИЖНИКИ. ПРЕДСКАЗАНИЕ ОДНОГО ИЗ НИХ ОБ УХОДЕ ПЛАТОНА ИЗ ЛАВРЫ. НЕОЖИДАННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ЭТОГО ПРЕДСКАЗАНИЯ	21
ГЛАВА 4.....	23
БЕГСТВО ИЗ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ ЗА ГРАНИЦУ. НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ. ПЛАТОН В МАТРОНИНСКОЙ ОБИТЕЛИ. ВСТРЕЧА С ИЕРОСХИМОНАХОМ МИХАИЛОМ. ПЛАТОН УХОДИТ В МОЛДОВЛАХИЮ	24
ГЛАВА 5.....	25
МОЛДОВЛАХИЙСКОЕ МОНАШЕСТВО В XVIII ВЕКЕ. ЖИЗНЬ ПЛАТОНА В ТРЕЙСТЕНАХ. НЕУДАЧА В ПОВАРСКОМ ПОСЛУШАНИИ. ВСТРЕЧА СО СТАРЦЕМ ВАСИЛИЕМ. ПРИБЫТИЕ ИЕРОСХИМОНАХА МИХАИЛА С ДРУГОМ ПЛАТОНА АЛЕКСЕЕМ. ПОВЕСТЬ ОБ УХОДЕ АЛЕКСЕЯ ОТ МАТЕРИ. БЕСЕДЫ о. МИХАИЛА С БРАТИЕЮ. ПОСЛУШАНИЕ ПЛАТОНА В ВИНОГРАДНИКЕ. ПЛАТОН ПРОСЫПАЕТ ЗАУТРЕНЮ. ПРИБЫТИЕ В ТРЕЙСТЕНЫ СХИМОНАХА ОНУФРИЯ. ПЛАТОН ПОКИДАЕТ ТРЕЙСТЕНЫ И УХОДИТ С ОНУФРИЕМ В СКИТ КЫРНУЛ. ЖИЗНЬ В КЫРНУЛЕ И РЕШЕНИЕ УЙТИ НА АФОН	25

УЕДИНЕННАЯ ЖИЗНЬ СТАРЦА ПАИСИЯ НА АФОНЕ И НАЧАЛО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО БРАТСТВА.....	30
(1746—1763).....	30
ГЛАВА 1.....	30
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПЛАТОНА НА АФОН. ПРИРОДА АФОНА, ЕГО СКИТЫ И МОНАСТЫРИ. ПРОШЛОЕ АФОНА. ЗАСЛУГИ АФОНА В ДЕЛЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. БЕДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АФОНА В ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	30
ГЛАВА 2.....	31
ПРИБЫТИЕ ПЛАТОНА В ПАНТОКРАТОР. ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ. ЖИЗНЬ В УЕДИНЕНИИ. НОВАЯ ВСТРЕЧА СО СТАРЦЕМ ВАСИЛИЕМ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПАИСИЯ. ПОСТРИЖЕНИЕ В МАНТИЮ. ПРИБЫТИЕ ВИССАРИОНА И ИХ СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ. НОВЫЕ УЧЕНИКИ СТАРЦА. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В КЕЛЮ СВ. КОНСТАНТИНА. РУКОПОЛОЖЕНИЕ ПАИСИЯ В САН СВЯЩЕННИКА. УМНОЖЕНИЕ БРАТИИ. ПРИОБРЕТЕНИЕ КЕЛЫ СВ. ПРОРОКА ИЛЫИ И УСТРОЙСТВО В НЕЙ СКИТА. КЛЕВЕТА НА ПАИСИЯ И ЕЕ ОПОПРОВЕРЖЕНИЕ	31
ГЛАВА 3.....	36
ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПАИСИЕВА БРАТСТВА. ВИДЫ МОНАШЕСКОГО ПОДВИГА: ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО, СРЕДНИЙ ПУТЬ И ОБЩЕЖИТИЕ. ОСНОВАНИЯ ИСТИННОЙ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ: ПОСЛУШАНИЕ, НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ, БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЭТИХ НАЧАЛ МОНАШЕСТВА В БРАТСТВЕ СТАРЦА ПАИСИЯ	36
ГЛАВА 4.....	39
КНИЖНЫЕ ТРУДЫ СТАРЦА ПАИСИЯ НА АФОНЕ. ПРИЧИНА, ПОБУДИВШАЯ ЕГО С ОСОБЕННЫМ УСЕРДИЕМ ЗАНИМАТЬСЯ ИЗУЧЕНИЕМ СВЯТООТЕЧЕСКИХ КНИГ. СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСКИХ КНИГ НА СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ. НЕДОСТАТКИ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ СВЯТООТЕЧЕСКИХ КНИГ. ИСКАНИЕ И ОБРЕТЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ ПОДЛИННИКОВ И НАЧАЛО ИХ ИЗУЧЕНИЯ. ВРЕМЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В МОНАСТЫРЬ СИМОПЕТРУ. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРЕБЫВАНИЯ НА АФОНЕ И РЕШЕНИЕ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ СО ВСЕМ БРАТСТВОМ В МОЛДОВЛАХИЮ.	39
РАСЦВЕТ ПАИСИЕВА БРАТСТВА В МОЛДАВИИ: ДРАГОМИРНА, СЕКУЛ, НЯМЕЦ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ И КОНЧИНА СТАРЦА.....	43
(1763—1794).....	43
ГЛАВА 1.....	43
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В МОЛДАВИЮ. УСТРОЙСТВО БРАТСТВА В ДРАГОМИРНЕ. УСТАВ БРАТСТВА. ПОСТРИЖЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ В СХИМУ. ПОРЯДОК БОГОСЛУЖЕНИЙ. ПОРЯДОК ПОСЛУШАНИЙ. КЕЛЕЙНАЯ ЖИЗНЬ БРАТИИ. ПОПЕЧЕНИЕ СТАРЦА О БОЛЬНЫХ. КНИЖНЫЕ ЗАНЯТИЯ СТАРЦА: ИСПРАВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ КНИГ ПО ГРЕЧЕСКИМ ПОДЛИННИКАМ. ЗИМНИЕ ЗАНЯТИЯ СТАРЦА С БРАТСТВОМ. БЕСЕДЫ И УВЕЩАНИЯ СТАРЦА. КОНЧИНА О. ВИССАРИОНА	43
ГЛАВА 2.....	54
УЧЕНИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ ОБ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ, УМОМ В СЕРДЦЕ СОВЕРШАЕМОЙ	54
ГЛАВА 3.....	71
БЕДСТВИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ И ЗАБОТЫ СТАРЦА ПАИСИЯ О БЕЖЕНЦАХ. ПЕРЕХОД ДРАГОМИРНЫ ПОД ВЛАСТЬ АВСТРИЙЦЕВ, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СТАРЦА И БРАТИИ В СЕКУЛ. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕКУЛЬСКОГО	

МОНАСТЫРЯ. ЖИЗНЬ БРАТСТВА В СЕКУЛЕ. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В НЯМЕЦ. НЯМЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ПРОШЛОЕ ЗАБОТЫ СТАРЦА О БОГОСЛУЖЕНИИ, О БОЛЬНЫХ, О ПРЕСТАРЕЛЫХ И О СТРАНСТВУЮЩИХ. ЖИЗНЬ ПАИСИЕВА БРАТСТВА В НЯМЦЕ. КНИЖНЫЕ ЗАНЯТИЯ СТАРЦА ПАИСИЯ В НЯМЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ	71
ГЛАВА 4.....	87
СТАРЕЦ ПАИСИЙ В ЕГО ПЕРЕПИСКЕ С РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ ПО РАЗНЫМ ВОПРОСАМ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ И ЖИЗНИ.....	87
ГЛАВА 5.....	101
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СТАРЦА ПАИСИЯ, ЕГО ПРЕДСМЕРТНАЯ БОЛЕЗНЬ И КОНЧИНА И ЕГО БЛАГОДАТНЫЕ ДАРОВАНИЯ	101
УЧЕНИКИ СТАРЦА ПАИСИЯ НА АФОНЕ, В МОЛДАВИИ И В РОССИИ	104
РОСТ ПРАВОСЛАВНОГО СТАРЧЕСТВА В XVIII И XIX ВЕКАХ	104
УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ О СТАРЦЕ ПАИСИИ ВЕЛИЧКОВСКОМ	121
А. РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ	121
В. ПЕЧАТНЫЕ ПОСОБИЯ.....	123
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	124
ИНСТРУКЦИЯ КИЕВСКОГО АРХИЕПИСКОПА РАФАИЛА ЗАБОРОВСКОГО ПРОФЕССОРАМ И СТУДЕНТАМ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ	124
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	126
«ПОУЧЕНИЕ НА ПОСТРИЖЕНИЕ МОНАШЕСКОГО ЧИНА"	126
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	128
НАДГРОБНОЕ РЫДАНИЕ.....	128
Старцу Паисию от всех чад его духовных.....	128